

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

ОТ БЕЗОПАСНОСТИ XX ВЕКА К КУЛЬТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ XXI СТОЛЕТИЯ

С.А. Вершилов

Балашовский институт Саратовского государственного университета,
кафедра истории
E-mail: bvai@yandex.ru

Реалии социально-политической жизни обусловили потребность переосмысления традиционных представлений о безопасности. Прежний взгляд на её решение проявил свой преходящий характер, вследствие чего теория и практика оказались перед необходимостью формирования новой парадигмы данного феномена. С большой долей вероятности можно утверждать, что ответ следует искать при исследовании многообразных проблем культуры безопасности.

Ключевые слова: безопасность, культура безопасности, общество, современность.

From Safety of XX Century to Culture of Safety of XXI Century

S.A. Vershilov

Social and political life's reality causes the needs of recomprehending of the traditional imagines of safety. Previous view of its solution shows its transient character in consequence of the theory and the practice were found in front of necessity of making present phenomena's new paradigm. With a great share of probability we can state that the answer should search attached to investigation of varied problems of safety culture.

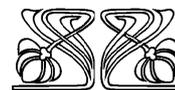
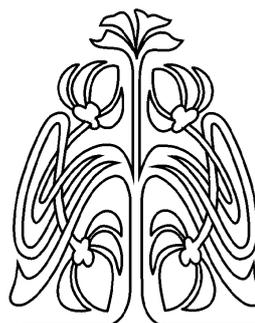
Key words: security, security culture, society, modern times.

Важнейшей особенностью социальной формы существования любого государства является тесная взаимосвязь между его развитием и безопасностью. Фактически развитие и безопасность – это две стороны общего процесса жизни общества.

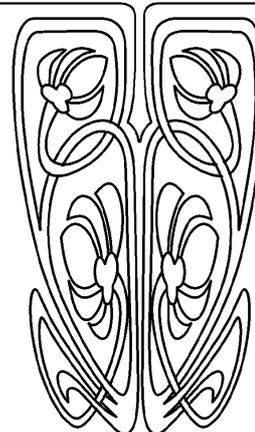
Так, в Древнем Риме Цицерон на первое место выдвигал проблему безопасности: «... прежде всего каждому виду живых существ природа даровала стремление защищаться, защищать свою жизнь, избегать всего того, что кажется вредоносным, и приобретать, и добывать себе всё необходимое для жизни»¹. А платоновское понимание данного феномена как «предотвращение вреда государству»² в работах Гоббса приобретает более совершенный научный характер. Английский учёный был одним из первых философов, кто доказал объективную взаимосвязь безопасности государства и личности. При этом он трактовал безопасность отдельного человека как «не одно лишь обеспечение голого существования, но также обеспечение за всяким человеком всех благ жизни, приобретённых им законным трудом, безопасным и безвредным для государства»³.

Однако в анализе диалектики средств, методов обеспечения безопасности Гоббсом и многими его последователями приоритет отводился насилию. Подобный подход на практике часто приводил к тому, что гарантии безопасного бытия стали рассматриваться в качестве дефицитного товара – если у соседей их больше, то у меня, соответственно, меньше.

В свою очередь это надолго предопределило милитаризацию экономики и социальной жизни, усиление репрессивного аппарата, совершенствование арсенала подрывной деятельности, что приводило к недоверию между народами, углублению национальной разобщённости.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Люди когда-то создали само государство как форму своей организации с главной целью – обеспечить безопасность. Например, в XIX веке в Энциклопедическом словаре отмечено: «Необходимость в личной и имущественной безопасности вызывает к жизни государство, в этой необходимости государство находит главнейшее разъяснение своего существования, она же указывает государству основную его цель и назначение»⁴. Без обеспечения безопасности всякая человеческая деятельность оказывается бесцельной.

Вот почему термином, требующим своего уточнения, является понятие «**безопасность**», под которым зачастую понимается «отсутствие опасности ...»⁵. Но при такой трактовке упускаются из виду противоречия объектно-субъектной области человеческой деятельности, которые, как известно, являются источником всякого развития и изменения. Следовательно, не корректно говорить о том, что «отсутствие опасности» – это есть безопасность. Состояния, при котором обществу не угрожает опасность, просто нет. Следует акцентировать внимание на своевременном разрешении возникающих противоречий, что будет способствовать сохранению жизнеспособности социума. Безопасность является важнейшей потребностью человека наряду с его потребностями в пище, воде, одежде, жилище, информации. С одной стороны, это общенаучная категория, которая не является чем-то осязаемым, материальным. Она выступает интегральной формой выражения жизнестойкости различных объектов конкретного мира, таких, как внутренняя и внешняя политика, оборона и экономика, экология и социальная политика, здоровье народа, информатика и технология. С другой – это вполне конкретная, ясная и чёткая научная категория, своей сутью и содержанием направленная на защиту идеалов, ценностей человека, общества и государства.

Небезынтересно мнение о сущности данного понятия А.А. Дремкова, под которым он понимает «способность государства ... противостоять возможным угрозам извне и изнутри»⁶. Но при таком подходе сужается круг субъектов, участвующих в решении проблем безопасности, организация и функционирование которой концентрируется в руках государства, и умалется роль гражданского общества. Как свидетельствуют некоторые исторические уроки, методологически неверные подходы в определении сферы теории и практики безопасности ставили порой российскую нацию на грань катастрофы.

Во многом этому способствовал тот факт, что представления о путях и средствах обеспечения безопасности формировались по существу государственным аппаратом без участия тех, кто мог заниматься решением этой проблемы без вреда для дела. Ущербность подобного подхода состоит в том, что он позволяет в определённых условиях манипулировать общественным сознанием и, в конечном итоге, может привести к недопустимому сужению сферы безопасности – безраз-

дельному главенству гарантий существования режима правления, установлению диктатуры и тоталитаризма.

Есть и иные точки зрения трактования данной проблемы. Так, некоторые политологи считают, что **безопасность** – это защита государства «от внешних угроз»⁷. Подобное утверждение может привести к недооценке внутренних вызовов и опасностей, масштабы которых в последние годы возросли.

На рубеже 90-х гг. прошлого века возобладала другая тенденция, связанная с недооценкой внешних опасностей и угроз для нашей страны, – роли силового компонента в обеспечении безопасности. Не только в средствах массовой информации, но и в выступлениях отдельных политических деятелей получили распространение утверждения, далёкие от учета реальной политической обстановки в стране и на мировой арене. Так, бывший министр иностранных дел РФ А. Козырев заявил: «Ключевым фактором для России является отсутствие у неё потенциального противника»⁸. С этим утверждением нельзя согласиться по той причине, что ещё не исключены попытки силового соперничества с Россией со стороны ряда государств. Необходимо помнить: нет постоянных врагов и друзей, есть постоянно меняющиеся интересы.

Поэтому правомерно утверждать, что **безопасность** – это уровень противоречий, не приводящий к социальной энтропии, т.е. к постоянной дезорганизации культуры, нарастанию ошибок при её трансляции, разбалансировке и разрушению внешних и внутренних отношений сообщества, воспроизводственного процесса, необходимых для эффективного функционирования, развития личности и государства.

Следует также согласиться с В.И. Митрохиным, который под безопасностью понимает «меру защищённости среды жизнебытия, чести, достоинства, ценностей личности, социальных групп, государства, общества, цивилизаций в целом»⁹. Он справедливо считает, что данный социальный феномен относится к классу социально-философских категорий, а это требует его комплексного, междисциплинарного рассмотрения.

Не следует обходить вниманием школу В.Н. Кузнецова, в которой категория «безопасность» получила статус одной из фундаментальных ценностей. Она исследуется как совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития общества, жизнеспособности государства и достижения национальной цели, социального идеала – благополучия всех граждан. По мнению ученого, «безопасность становится обязательной предпосылкой целесообразного развития и сохранения базовых ценностей и традиций народов, нормальных отношений личности и государства, способности эффективно предотвращать и преодолевать угрозы внешней среды»¹⁰.

И, наконец, представляется логичным принять и такое определение безопасности – это состояние государства, гражданского общества и личности, при котором предотвращаются или нейтрализуются проявления деструктивных процессов и явлений по нанесению ущерба интересам субъектов исторического развития.

Новую модель безопасности необходимо создавать усилиями всех государственных и общественных органов и сил и осознанным отношением нации к этому вопросу. К сожалению, инициаторы данного процесса топчутся на месте, и нет никаких гарантий, что он будет протекать прямолинейно и без огромных помех, замедлений и откатов назад. Но спасение нации – в движении по этому пути. Таким образом, безопасность:

- это не просто безопасность страны, но и безопасность народа;
- это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;
- это не просто безопасность государств, это безопасность каждого человека в своём доме и на своём рабочем месте;
- это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

«Безопасность, – как справедливо считает Р.Г. Яновский, – это когда ребёнок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилюют, бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляется»¹¹.

Как показывает исторический опыт, социум жизнеспособен тогда, когда может реализовать природный, материально-энергетический, духовный и организационный потенциалы в целях противодействия угрожающим обществу вызовам и угрозам. Жизненен он и в ситуациях, когда проявляется его способность управлять внутренними и внешними процессами в соответствии с функциональным предназначением. В данном случае оно понимается как совокупность необходимых функций и условий их реализации, позволяющих обществу своевременно и адекватно реагировать на развитие опасных глобальных, международно-региональных и внутренних противоречий. Немаловажная роль в этом отводится **культуре**. И это ещё одна категория, требующая своего уточнения.

В современных условиях изменяется роль культуры в обществе, которая выступает средством, мерой, результатом его развития и оценивается как фактор творческого жизнеустройства. Люди пытаются противостоять энтропии, опасностям, хотя и несут подчас громадные потери, но сознательно используют культуру для организации и нормализации собственной деятельности во всех сферах жизни.

Постоянно меняющийся спектр социокультурных явлений и процессов в мире заставляет

многих учёных искать нестандартные пути к проблеме культуры. Время от времени это приводит к отказу от упрощённого понимания общества как всего лишь какой-то суммы отношений людей. Пристальное внимание учёных фокусируется в точке соприкосновения этих отношений с культурой, что само по себе влечёт иной подход в исследовании социальной жизни.

Логично предположить, что такая подвижка может и должна привести процесс познания к выяснению способности человека эффективно совершать взаимный переход между этими двумя сторонами (отношения людей и культура) жизнедеятельности социума. В такой ситуации интеллектуальные, духовные и творческие возможности человека можно и нужно направить на совершенствование его способностей, нацеленных на собственное воспроизводство и выживание. Вне всякого сомнения следует согласиться с мнением А.С. Ахиезера: «Чем сложнее становилась человеческая реальность, тем труднее было разрешать проблемы в сфере между культурой и отношениями людей, тем сильнее была опасность потери способности человека воспроизводить свою собственную жизнь, опасность погибнуть в хаосе дезорганизации»¹².

Культура, являющаяся важной стороной человеческой жизнедеятельности, имеет большое значение в использовании организованно накопленного опыта воспроизводственной деятельности человека. В то же время для социума она выступает программой его поведения, основанной на действительном знании. Вот почему утрата субъектом значимых сторон уже имеющейся культуры чревата снижением качества воспроизводственной деятельности. Что же для человека важнее? Производство материальных благ, изъятие из употребления (из-за старения) материальных орудий и средств производства или всё же поддержание и развитие с высокой эффективностью его способности к собственному воспроизводству? Как видится – второе, поскольку наличие освоенных социумом культурных программ не закрывает ему движение по пути придумывания и использования в своей жизни более совершенных орудий и средств производства. Зато усилия по восстановлению исчезнувшей культуры весьма и весьма проблематичны. Вот почему культура, раз возникнув, предстала для человека священной, несмотря на то что священное появилось значительно позже.

Непреходящая роль культуры предстаёт в её значимости по стимулированию, поддержанию и развитию способности людей находить правильный ответ между исторически сложившимся организованным опытом и смыслом любого явления или процесса.

Что значит подвергнуть осмыслению то или иное явление? Ответ может быть таким: это прежде всего сосредоточение культуры на явлении, представляющем значительный интерес для

субъекта познания. Итогом пристального внимания к явлению (то есть его осмысления) могут выступить конкретные действия человека (или смысл). Важно понять, что смысл и культура выступают в качестве двух сторон одной медали и грань разделения между ними почти не заметна. Но она есть и заключается в следующем: если культура, направленная к фокусированию в точке осмысления, ближе к смыслу, то смысл, predisposed развернуться в бесконечность, – скорее всего культура. Это в идеале.

В действительности же любое осмысление переходит в переосмысление, поскольку социум на практике основывается сначала на уже имеющемся знании, и только потом его мысль функционирует между ранее сложившимся и вновь формируемым смыслом. С большой долей вероятности можно утверждать, что не произойдет утраты субъектом количественных и качественных аспектов накопленной культуры, если человеческая деятельность включает в себя постоянное переосмысление, то есть формирует смысл явлений и адаптируется к ним. И, наоборот, деятельность людей, не вобравшая в себя смысловые процессы, будет иметь крайне бедную сферу своего применения. В этой связи не вызывает сомнения утверждение В.А. Лекторского: «Создание условий для гармоничного сочетания веры и рационального знания – одна из насущных проблем современной культуры»¹³.

Таким образом, культура стимулирует способности социума к собственному воспроизводству и помогает познавать мир, в котором человек находит себя. Философское понимание культуры позволяет рассматривать реальность как живую человеческую деятельность, но не в её отвлечённой изолированности, а как возможность превращать мир из предпосылки в свой результат. Этот подход помогает распознать реальность как трудную и опасную, но одновременно предлагает варианты поиска по выходу из запутанного лабиринта. Человек утверждает себя, преодолевая одну преграду за другой, и он может выйти победителем, лишь осознав тот факт, что путь к спасению от бесконечных вызовов и угроз лежит через совершенствование способности к осмыслению цели, идеала и ценностей общества.

Не подвергается сомнению тот факт, что в культуре фиксируется определённый способ жизнедеятельности субъектов исторического процесса, выступающий в единстве производства, потребления, накопления и сохранения материальных и духовных благ. Вот почему вполне логичным представляется выделение наряду с культурой производства и потребления **культуры безопасности**.

Знания, накопленные как философией, социологией, политологией, так и другими науками, позволяют утверждать многомерность феномена культуры безопасности.

Как представляется, появилась проблема по преодолению обозначившегося несоответствия имеющегося социально-философского теоретического и эмпирического знания процесса безопасности новым требованиям к разработке механизмов решения задач его обеспечения в XXI в. Анализ состояния безопасности с помощью выяснения различных по существу интересов личности, общества, государства и современной цивилизации ведёт практически в методологический тупик. Достаточно трудно с философской точки зрения доказательно анализировать динамику перемен через изучение вызовов и угроз интересам. Это связано прежде всего с тем, что постоянно имеется в наличии неопределённо много угроз, а количество интересов всё время умножается и дифференцируется.

С большой долей вероятности можно утверждать, что учёные попали в «методологический капкан» американской социально-философской и политической науки, разработанной Г. Моргентау в первой половине XX в. для исследования состояния безопасности США через анализ угроз их интересам. Думается, что проблемную ситуацию можно разрешить в том случае, если перейти к методологии анализа вызовов и угроз целям, идеалам, материальным и духовным ценностям личности, общества и государства. Эта методология не игнорирует категорию интереса, но вместе с тем значительно увеличивает площадь исследовательского поля.

Правоммерно заметить, что в новых исторических условиях социально-экономических реформ, проводимых у нас в стране, весьма актуальна фундаментальная и эффективно действующая теория обеспечения безопасности как отдельных граждан, так и всей нации в целом. Как видится, наиболее оптимальный путь к миру и безопасности, диалогу между цивилизациями пролегает через культуру безопасности.

Культура безопасности, как ключевая категория новой парадигмы XXI в., сущностно может быть рассмотрена через анализ вызовов, угроз, рисков и опасностей для национальной цели, социального идеала, основных ценностей общества.

В качестве осмысления свойств социального пространства и времени, которые являются сферой реализации культуры безопасности, должно выступить новое структурирование современного общества. Такой подход позволит объективно понять и исследовать условия генерации угроз, вызовов, рисков, опасностей и «включить зелёный свет» продвижению от безопасности ушедшего века к безопасности нынешнего столетия. В конечном счёте это и есть культура безопасности.

Динамика поэтапного приближения к культуре безопасности на исходной стадии (дуальная оппозиция: небезопасность – безопасность) достаточно полно может быть представлена на основе анализа социально-политической ситуации в России. Раз-

витие данного социального феномена предполагает исследование возможности применения взаимосвязанных индикаторов, определяющих культуру безопасности в органическом взаимодействии с культурой мира и диалогом между цивилизациями. Такими индикаторами культуры безопасности современной России в XXI в. могут стать законность, доверие (межличностное и к институтам власти), сотрудничество, ориентация на диалог, удовлетворенность жизнью и некоторые другие.

Таким образом, **культура безопасности** – это процесс сохранения и развития целей, идеалов, ценностей, норм и традиций человека и общества, социальных институтов, обеспечения устойчивого и конструктивного взаимодействия людей, их защищенности от неприемлемых рисков и опасностей. Иными словами, культура жизни личности, общества и государства против вызовов и угроз культуры смерти.

Стоит согласиться с утверждением В.Н. Кузнецова: «... необходим анализ условий возникновения, взрывания и проявления глобального противоречия «культура жизни – культура смерти»¹⁴.

Примечания

- ¹ Цицерон. Об обязанностях. М., 1999. С. 131.
- ² Платон. Диалоги. М., 1986. С. 434.
- ³ Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 254–255.

УДК 1:796.51

ПОТРЕБЛЕНИЕ ТУРИСТСКИХ УСЛУГ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

А.С. Гализдра

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: asgalizdra@rambler.ru

Туристское потребление выступает в последние десятилетия в качестве глобальной поведенческой практики, что требует теоретического осмысления. В статье раскрыта его сущность, выделены и проанализированы особенности туристского потребления не только как экономической категории, но прежде всего как социокультурного явления, отражающего характерные процессы современного общества.

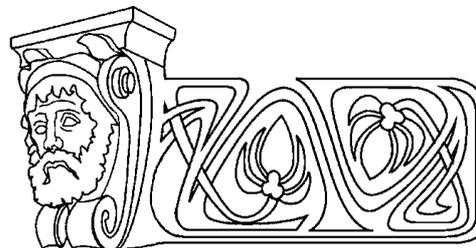
Ключевые слова: массовый туризм, культура потребления, поведенческие стратегии, цивилизация досуга, особенности туристских потребностей.

Consumption of Tourist Services: Social-Philosophic Aspect

A.S. Galizdra

Tourist consumption has become the global behavior strategy last decades, it demands to being theoretical realized. The essence of

- ⁴ Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андриевского. СПб., 1891. Т. 3. С. 304.
- ⁵ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 114.
- ⁶ Дремков А.А. Военные опасности и угрозы для России // «Безопасность» Фонда национ. и междунар. безоп. М., 1995. № 3/4. С. 51.
- ⁷ Общая теория безопасности // Актуальные методологические и социально-политические проблемы. М., 1994. С. 24.
- ⁸ Красная звезда. 1994. 14 янв.
- ⁹ Митрохин В.И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социс. 1995. № 6. С. 23.
- ¹⁰ Кузнецов В.Н. Социология безопасности // Институт социально-политических исследований РАН. Социол. ф-т МГУ. М., 2003. С. 143.
- ¹¹ Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 15.
- ¹² Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 30.
- ¹³ Лекторский В.А. Вера и знание в современной культуре // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 19.
- ¹⁴ Кузнецов В.Н. Российский геокультурный создающий проект как смысловое ядро разворачивающейся глобальной структурной гуманитарной революции XXI века: социологический аспект // Безопасность Евразии. 2006. № 1. С. 131.

tourist consumption was exposed in this article. Singularities of tourist consumption are underlined and analyzed not only as the economic category, but mostly as the social-cultural phenomenon which reflects the significant processes in contemporary society.

Key words: Mass tourism, culture of consumption, behavioral practices, leisure civilization, tourist consumption, specific of the tourist destination.

Социокультурные предпосылки генезиса и эволюции туризма как интегративного феномена социальной реальности сформировались в эпоху индустриального общества. Несомненно, история путешествий и туризма имеет глубокие корни и сопряжена с основными вехами путей человеческой цивилизации, однако именно в XX в. туризм, масштаб туристских потоков и влияние туристских перемещений оказали знаковое воздействие на динамику развития социума. Современный

туризм как социокультурное явление, мощная отрасль международной экономики, наконец, образ жизни, широких слоев населения, а не отдельных социальных групп, явил себя миру в XX в., став порождением массового общества.

В эпоху перехода к постмодерну в целом существенно меняется значимость экономики, хозяйственной жизни для человека и общества. Если раньше все основные силы общества были отданы экономике, то теперь эффективность экономики становится таковой, что все меньшие усилия общество прилагает для получения большего количества благ и услуг. В обществе, где уровень развития производства позволяет удовлетворять основные потребности всему населению, нарушаются основные принципы, присущие нашему представлению об экономике вообще. Формирование потребительского общества – это основополагающий факт при объяснении причин складывания массового общества¹. Невиданное развитие техники, транспорта в XX в. стимулировали рост благополучия и комфорта широких слоев населения, что привело к ощущению легкости жизни, снизило чувство ответственности перед окружающими и преобразило традиционные нормы общественной морали. Рост доходов населения в развитых странах мира явился предпосылкой сокращения различий в возможностях людей в сфере потребления благ. Ориентация на потребителя, формирование и удовлетворение спроса в пространстве «свободного времени» или пространстве досуга стали приоритетными в обществе комфорта и рассматриваются в качестве конечного результата деятельности целого ряда организаций культуры и сферы туризма в том числе.

Произошел сдвиг в самой системе представлений усредненного человека о жизни и ее благах. Удовлетворение индивидуальных потребностей стало основной ориентацией массового общества. Х. Ортега-и-Гассет правомерно наметил «психологический рисунок» «массового человека» XX в.: беспрепятственный рост жизненных запросов и связанная с ним «безудержная экспансия собственной натуры»². Можно предположить, что одним из конкретных воплощений указанной характеристики стало активное освоение пространства в XX в. западной цивилизацией в виде международного туризма.

Анализируя культуру потребления середины XX в., Г. Маркузе отмечал, что люди стали узнавать себя в окружающих предметах потребления³, что свидетельствовало, как мы полагаем, о перестройке приоритетов механизма идентификации в современном обществе. Оставаясь неизменными по своей природе, т.е. сохраняя смысл первостепенной важности для индивида, потребности в условиях развития общества комфорта изменили качество и количественное выражение. З. Бауман весьма точно предлагал рассматривать потребление как новую форму интеллектуально-творческой деятельности⁴. Действительно, некоторые виды современного туризма, например, образовательный,

культурно-познавательный, предполагают активизацию интеллектуального, креативного потенциала путешественника.

Кроме того, изменилась и иерархия мотивов деятельности человека. В мотивационной системе начинают доминировать факторы внутреннего развития личности и межличностного взаимодействия, межкультурной коммуникации. С изменением мотивационной структуры начинает формироваться новый тип личности, ориентированный не на максимизацию материального потребления, а на достижение уровня самоактуализации, наращивание интеллектуального и творческого потенциала. Приоритет экономической деятельности сместился от производства товаров к производству услуг, а источник производительности и роста выражается в накоплении информации и знаний. Информатизация всех сфер жизни общества угрожает социальной обособленностью индивида в случае «выпадения» из информационного пространства. Важнейшей отраслью рынка нематериальных услуг является сфера туризма, заключающая в себе такие знаковые параметры современного социума, как мобильность, визуальность, виртуальность, информатизация, потребление, глобальность.

С другой стороны, функционирование массового туризма осуществляется как практика культуры потребления. Для обоснования данного положения представляет интерес социально-философская детализация экономических характеристик особенностей туристского потребления, требующих социально-философской детализации.

Первая особенность туристского потребления. В туризме для потребления турпродукта, туристских услуг, в отличие от классического материального производства, когда результат производства движется от места производства к месту потребления, сам потребитель должен быть доставлен в места производства туристского продукта или отдельных его услуг. Данное обстоятельство не только стало возможным благодаря развитию глобальной транспортной инфраструктуры, но и приобрело значение необходимого условия существования глобального общества с доминированием мобильного характера культуры. Туристские антропопоток формируют и осваивают новые места, маршруты, стимулируют появление инновационных транспортных услуг (например, он-лайн бронирование билетов или аренда автомобилей), строительство объектов туризма. Кроме того, глобальные туристские перемещения способствовали появлению мобильного типа личности, что позволяет говорить о феномене космополитизма.

Вторая особенность состоит в том, что расходы туриста, как правило, материально значительно превышают обычные расходы его проживания в постоянной среде обитания. Часть повышенных расходов связана с фактором престижности, статусности туристского потребления.

Эта особенность существенно обостряет проблему доходов и затрат, материальных ресурсов в сфере туризма.

Третья особенность заключается в том, что предельная полезность продукта с позиций самого туриста, страны его постоянного проживания, страны, в которую турист приехал, и с точки зрения рынка различны. Предельные полезности у данных субъектов дифференцированы и качественно, и количественно. Различны также уровни полезности туристских услуг с точки зрения социума, туриста и рынка при внутреннем и въездном туризме. Эта особенность туристского потребления вытекает из того объективного факта, что рынок туристских услуг сталкивается с множеством внешних положительных и отрицательных эффектов (экстерналии), зависимость от которых, в свою очередь, подчеркивает чувствительность туризма как социального института к инвайроменту. В сферу туристских услуг в особую группу следует выделить ментальные экстерналии. Индивид, наблюдая и оценивая реалии другой культуры, сопоставляет их с аксиологической парадигмой культуры, с которой он себя идентифицирует.

Четвертая особенность – «кредитный» характер, т.е. потребление ограничено во времени, строго оговорено по срокам и условиям юридически и экономически оформленной сделки при приобретении туристского продукта. Эта особенность туристского потребления рождает своеобразную интенсификацию всех действий туриста, что в свою очередь ставит перед организаторами туров особые трудности и усиливает роль менеджмента. Современное путешествие жестко детерминировано рамками отпуска, что определяет его ритм и сжатые временные границы. В связи с этим туризм часто трактуется как серия дискретных лимитированных временем и пространством событий, где места пребывания туристов – граничащие локальности, подверженные внешним воздействиям. Сжатые временные рамки туристского путешествия коррелируют с мироощущением постмодернизма и стимулируют создание производителями туристских услуг аттрактивных, калейдоскопичных, стремительно меняющихся образов путешествия, не выходящих, однако, за грань принципа «Все включено» и не более.

Пятая особенность туристского потребления заключается в ориентации на приобретение товаров и услуг культуровой и культурологической направленности, отражающих социальную и национальную специфику города, региона страны. Туристские услуги могут иметь материальную либо нематериальную форму, однако независимо от вида специфика туристских услуг состоит в том, что они не существуют до их предоставления и чаще всего неосвязаемы. Сфера глобального туризма все более вовлекается в орбиту «экономики знаков», вторгаясь в различные пространства потребления. В ее пределах обнаруживается

множество институтов и форм, воздействия которых сложно избежать. К ним относятся транспортные перевозки, гостиничный бизнес, дизайн, конструирование объектов глобального туризма, глобальных символов (Эйфелева башня, Колизей, статуя Свободы, например), типичных картин (песочные пляжи, пальмы), локальных знаков (псевдоэтнические традиции и артефакты), репрезентация и обращение образов через СМИ, Интернет, масс-медиа, организация строительства и развития туристской инфраструктуры и т.д.

Функциональное значение туризма в данном ключе обусловлено сложным комплексом биогенных, психогенных и социогенных характеристик мотивации и потребностей человека. Кроме того, формирование и удовлетворение потребностей туриста является основой туризма как социоэкономической системы. Несомненно, туризм способствует удовлетворению базовых физиологических потребностей в отдыхе, в восстановлении физических и духовных сил человека. Однако более значимыми являются социальные и культурные потребности человека в межкультурной коммуникации, в признании, чувстве принадлежности к группе. Реализация потребности в уважении ассоциируется у человека с занимаемым статусом, престижем осуществляемой им деятельности. Туризм, как отмечалось ранее, позиционируется средствами массовой информации и профессионалами туристского бизнеса как социально положительный образ жизни, демонстрирующий высокий статус потребителя туристских услуг. Даже выбор дестинации происходит в соответствии с ценностными представлениями потенциальных туристов, выступая в качестве индикатора имиджа и престижа.

В цивилизации досуга товары и услуги сферы туризма предназначены для удовлетворения потребностей «высокого порядка», согласно иерархии потребностей А. Маслоу, – для самоутверждения, самоуважения, социальной принадлежности. Таким образом, смещаются потребительские акценты: конкретные туристские товары или услуги превращаются в символические компоненты целостного жизненного стиля.

В эпоху перехода к постмодерну существенно меняется значимость экономики, хозяйственной жизни для человека и общества. Если раньше все основные силы общества были отданы экономике, то теперь эффективность экономики становится таковой, что все меньшие усилия общество прилагает для получения большего количества благ и услуг. В обществе, где уровень развития производства позволяет удовлетворять основные потребности всему населению, нарушаются основные принципы, присущие нашему представлению об экономике вообще⁵. В современном обществе, которое Дж. К. Гэлбрейт обозначил как общество изобилия («affluent society»), ограниченность ресурсов, всегда бывшая аксиоматическим определением экономического вообще, больше не

является значимой, по крайней мере настолько, насколько это было раньше. Нарушается основной принцип стоимостной экономики – принцип эквивалентности затрат и результатов; теперь меньшие затраты ведут к большим результатам, преобразуется соотношение производства и потребления: общество из производительного опять возвращается в состояние потребительного.

3. Бауман, исследуя поведенческие стратегии современных туристов, их потребительские приоритеты, писал, что «имя потребительской игре – не столько жадность к приобретательству и владению, не накопление богатств в его материальном, осязаемом смысле, сколько страсть к новым, доселе не испытанным ощущениям. Потребители – это в первую очередь коллекционеры ощущений; они собирают вещи лишь во вторую очередь, как следствие»⁶.

Важно то, что основные потребности населения – в питании, жилье, медицинском обслуживании, в труде – так или иначе удовлетворяются, и более важное значение приобретают другие потребности, бывшие ранее вторичными, кстати, и сами эти потребности теперь могут регулироваться обществом с помощью рекламы и других средств воздействия на массовое сознание.

Краткий экскурс в историю туризма позволяет сделать вывод о том, что туризм как целостная, подвижная, динамичная система не только отражал, но и воздействовал на конструирование изменяющейся мотивации потребительского спроса. 60-е гг. XX в. были отмечены появлением модели массового конвейерного туризма, предполагавшего относительный примитивизм и однородность потребностей и мотивации туристов. Определяющим мотивом поведения потребителя туристских услуг в тот период являлся рекреационный аспект туризма, в связи с тем, что труд являлся доминирующей ценностной категорией в общественном сознании данного периода.

Пришедший на смену конвейерному туризму в 70-е гг. XX в. дифференцированный стимулировал расширение парадигмы потребностей и мотиваций туристов, вследствие этого современная модель туризма предполагает множественность узкоспециализированных сегментов в туристском спросе, разнообразие предлагаемых услуг и ярко выраженную специализацию туристского предложения. Усложнилась мотивация туристского спроса: наряду с рекреационным аспектом возрастающее значение приобретают образовательный, коммуникативный и инвестиционный аспекты туризма.

Сегодня заметен процесс дифференциации, углубления предложения туристских услуг в зависимости от индивидуальных предпочтений, что открывает возможности освоения новых территорий, расширения способов передвижения. В 90-е гг. XX в. доминирующей моделью туристского рынка становится концепция социально-этического маркетинга, ориентирующаяся на

сочетание интересов туроператоров, социума, потребностей туристов, что привело к дальнейшей дифференциации видового разнообразия туризма. Сегодня заметен процесс углубления предложения туристских услуг в зависимости от индивидуальных предпочтений, что открывает возможности освоения новых территории, расширения способов передвижения.

На рубеже XX–XXI вв. отмечены такие тенденции развития спроса на туристские услуги, как трансформация стереотипов поведения туристов, дифференциация и индивидуализация спроса, экспансия выездного туризма, экологизация мышления путешественников, увеличение частотности и сокращение длительности туристских поездок.

В то же время современное общество четко очерчивает грани между путешествием и туризмом: путешествовать – значит владеть информацией, в то время как в туризме доминирует не идеальная составляющая, а визуальный компонент. Последний предполагает не когнитивную реализацию пространственного перемещения и эвристичность мышления субъекта путешествия, а прежде всего культивирование гедонизма и потребления, что диктуется информационными потоками СМИ, рекламы.

Идеология рынка туристских услуг соответствует идеологии расширяющегося рынка с идеей и стратегией опережающего морального устаревания, сокращающего срок популярности отдельного курорта до минимального срока. В связи с этим в последние годы становятся невероятно востребованы туристские направления Азиатско-Тихоокеанского региона, Африки, Антарктики и даже космический туризм, в то время как традиционные центры мирового туризма Европа и Северная Америка быстро теряют прежние позиции.

Стремительно сменяющие друг друга на рынке туристских услуг и в зоне потребительского внимания дестинации являются презентантами так называемого общекипового культурного сознания в пределах повседневного мышления индивидов, то есть сознания, удерживающего любой предмет в зоне внимания весьма короткое время. В связи с ориентацией на прибыль в сущности туристского рынка превалирует не познавательный аспект, а жест стремительного завоевания новых туристских пространств и производства нового туристского продукта в виде мест отдыха. В течение туристской поездки «потребитель стремится накопить все большее количество жизненных ситуаций, психологических состояний, испытать всю шкалу чувств, впечатлений, идентификационных приключений»⁷. Профессионально организованное потребление в пространстве туризма обеспечивает множественность жизненных практик, стимулирующих действие возвращения в пространство туризма.

3. Бауман отмечает, что взаимоотношения туристов с миром носят прежде всего *эстетический*

характер: они воспринимают мир как пищу для чувств – матрицу возможного опыта, и ориентиры в нем для них служат пережитые впечатления. Туристов затрагивают – привлекают или отталкивают – обещанные в рекламе туристского продукта ощущения⁸. Таким образом, потребности в туристском опыте в пространстве современной «позднесовременной» или «постсовременной эпохи» реализуются в форме поиска новых ощущений и коллекционирования впечатлений.

Ценностные императивы потребительского, глобального общества способствовали формированию глобальных потребительских поведенческих моделей. Туристское потребление влечет создание туристских достопримечательностей, комплекса образов мест с наделением их значением туристской дестинации, тем самым туристская достопримечательность становится структурной единицей туризма. В контексте современных тенденций к туризму как области духовной и материальной культуры начинают относиться как к экономическому ресурсу, действующему агенту развития, источнику нового мышления, способу освоения пространства и стратегии восприятия мира. Специалисты по туризму изучают и «картируют» культурные ресурсы, разрабатывают технологии и конкретные предложения о том, как культурное наследие, актуальная культура могут сформировать специфику места, изменить имидж территории таким образом, чтобы он воспринимался туристами как туристский продукт и имел высокую потребительскую стоимость. Глобальный

размах современных туристских практик привел к производству и структурированию пространства, изменению его текстуры, что в совокупности с потребительской стратегией туризма оказывает воздействие на культурное пространство, подчиняя его бытие собственным целям и задачам. Тем самым глобальная экспансия туризма ведет к поляризации туристских культурных объектов и аутентичного культурного ландшафта.

Примечания

- ¹ *Воронцов Б.Н.* Феномен массовой культуры: этико-философский анализ // *Философские науки*. 2002. № 3. С.110–123; С. 113.
- ² *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Избранные труды*. М., 1997. С. 73.
- ³ См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек. Исследование развитого индустриального общества. М., 1994. С. 12.
- ⁴ Цит. по: *Давыдова А.* Легенды и мифы среднего класса // *Искусство кино*. 1996. № 2. С. 87–93; С. 90.
- ⁵ См.: *Веселов Ю.В.* Экономическая социология постмодерна // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. I. Вып. 1. С. 41.
- ⁶ *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002. С.120.
- ⁷ *Венкова А.В.* Современный номадизм: метафора и стиль жизни // *Культурное пространство путешествий: Тез. форума*. СПб., 2003. С. 336.
- ⁸ *Бауман З.* Указ. соч. С. 130.

УДК 101. 1:316

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЭЛИТА

П.И. Диденко

Волгоградский государственный университет,
кафедра истории философии и религиоведения
E-mail: dipavlo@mail.ru

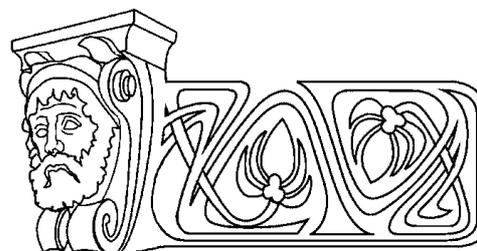
Понятия интеллигенции и элиты отражают разные исторические этапы эволюции образованного класса. Интеллигенция есть продукт эпохи демократического подъема. Она решает задачу преодоления разрыва между передовым просвещением и реальной жизнью народа. Элита является субъектом авангардистской культуры в постреволюционном обществе.

Ключевые слова: элита, интеллигенция, авангард, прогресс, культура, массы, народ.

Democratic Intelligentsia and Elite

P.I. Didenko

The concepts of intelligentsia and elite reflect different historical periods of evolution of the educated class. Intelligentsia is the product

of the epoch of democratic rise. It solves the problem of overcoming rupture between advanced enlightenment and real people life. Elite is the subject of the avant-garde culture in the post revolutionary society.

Key words: elite, the intellectuals, vanguard, progress, culture, mass, nation.

В настоящее время под элитой понимают руководящее ядро общества. Согласно Б.Ю. Кагарлицкому, «принадлежность к политической элите определяется доступом к рычагам власти, к принятию решений, информированностью... Элита не фиксируется формально. Она формирует себя»¹. Отечественная элита стала сегодня предметом массивной критики со стороны

публицистики и общественной науки. Возникает даже впечатление срежиссированной идеологической кампании, вроде развернутого наступления против партократии двадцатилетней давности. Современной «номенклатуре» приписываются эгоизм, высокомерие, корыстолюбие, безответственность, пренебрежение национальными интересами, коррупция, бездуховность и пр. Нельзя сказать, что эти обвинения лишены основания. Но возникает впечатление, что на пути прогресса (реализации «национальных программ» и общей стратегии «развития») единственным серьезным препятствием выступает у нас элита – главная на сегодняшний день реакционная сила.

Преобладающая мораль большинства критических разоблачительных выступлений заключается в том, что в состав элиты должны входить лучшие (по смыслу самого слова), а у нас попали туда весьма сомнительные субъекты, явно не соответствующие гордому званию. Но это неглубокая мораль. На самом деле социальная группа, имеющая полномочия принимать важнейшие решения в политике и других сферах общественной деятельности, называется элитой не потому, что она есть собрание лучших, талантливых и благородных, а потому, что она есть реальный общественный авангард – действительно находящийся, можно сказать, на переднем крае прогресса и перед лицом серьезнейших проблем. Слой элиты исторически возникает в контексте «прогресса сверху». Отсюда – определенные черты ограниченности этой страты, если угодно, ее врожденные недостатки. Идеальной, во всех отношениях хорошей элиты нет и быть не может. Дело тут не только и не столько в личных качествах ее представителей. Речь идет о «системных» характеристиках.

Элита как явление возникает после счастливой эпохи прогрессивного развития общества в истинно демократической форме, как следствие остановки этого развития, достигнутого положенного ему судьбой предела. Заканчивается подъем народных масс, эпоха, ознаменованная их непосредственным историческим творчеством, но прогресс уже остановить нельзя (что также является завоеванием этой эпохи), и он продолжается в других формах, в том числе и в виде творческой и организаторской деятельности авангарда – увы, оторвавшегося от большинства нации. Происходит отделение духовного труда от физического, элиты от массы. Поэтому в определенном смысле деятельность элиты есть узурпация дела народной демократии. Здесь корень всех возможных и реальных пороков элиты. Вместе с тем деятельность авангарда есть и продолжение народного (революционного по историческим меркам) дела, пусть и в отчужденной форме. Уже Кант по-своему показал, что сообщество мастеров и профессионалов, включая политиков и деловых людей, никогда полностью не пренебрегает ценностями «развития в целом», т.е. развития производительных сил, выходящего за рамки, установленные отдельными

ми эгоистическими интересами и даже всей их суммой. Поскольку существует элита, постольку прогресс всегда будет, помимо всего прочего, и прогрессом формы, совершенства, качества. Поэтому ответ лучшего, идеального действительно лежит на общественном авангарде (при всех его немалых недостатках), отсюда и имя «элита».

Эпохи подъема европейских демократий вообще не знают явления элиты. Образованный авангард революционного демократического движения, конечно, существует, но его нельзя назвать элитой. Это время исторического творчества народных масс, которые принимают самое активное участие в большой политике, в утверждении новых экономических отношений, в культурном строительстве. Народные силы поднимаются до самоопределения, самостоятельности, возникает непосредственное единство их воли с грандиозным ходом событий. Люди сами живут, а не «их живут» – так, с оттенком ностальгии, оценит это общественное состояние социология более поздних времен. И действительно, классическая пора демократии оставляет нашим современникам повод для зависти. Именно тогда в широких масштабах появляется феномен цельного, стремящегося к всестороннему развитию человека, способного непосредственно и добровольно, без обычных посредников в виде господ, жрецов и бюрократов и всякого рода структур социального отчуждения установить нормальные человеческие отношения с ближними.

Массы демонстрируют удивительное единство воли, исторический подъем демократии ярче всего проявляется в нравственном сплочении людей, подлинном товариществе, братстве миллионов. И вполне понятно, что в подобной социокультурной ситуации различие «лучших» и «обыкновенных», элиты и массы не стоит на повестке дня, не может выступать значительной общественной величиной, играть роль влиятельного фактора прогресса. Эту роль исключает не «уровнительность», якобы свойственная революционной демократии, а как раз форма целостности, родившаяся в подъеме массовой воли к человеческому достоинству. Критерии различения элитарного и заурядного не работают, да и просто не относятся к делу при характеристике цельной («соборной», как сказали бы русские славянофилы) личности.

Что же касается образованного авангарда демократического движения, то его отличие от элиты обнаруживается прежде всего в характере происхождения. Элиты возникают на почве отделения умственного труда от физического, высокой культуры от массовой – они, эти особенные социальные группы, знаменуют собой некое завершение, предел раскола людей в обществе по признаку владения знаниями, профессиональными навыками и средствами личного развития. Сознательный авангард демократии, наоборот, есть форма, возникшая в

поле взаимного притяжения высокой культуры и народа, преодоления разрыва между ними. Эта форма означает принципиальное отрицание духовной монополии. Она тоже, как и революционные массы, реализует идею демократического подъема нации, но не «снизу», а «сверху», со стороны развитого духовного производства, сферы свободных профессий. В этой сфере всегда существуют люди, тяготящиеся своим положением «мандаринов культуры», и демократическая революция дает им шанс освободиться от сомнительного статуса привилегированных.

Образование в составе демократического движения передовой части, способной выразить его цели и задачи всеобщим образом, посредством форм и категорий мировой культуры, есть явление естественное, отвечающее логике развития событий в народной революции. Ведь освобождение скованной энергии людей неизбежно порождает в них тягу к образованию, к духовному освоению действительности. Этот эффект, вечное следствие гражданской свободы и реальной самостоятельности лиц, известен со времен античности, в частности, отражен в учении Платона о творческом Эросе. Но если демократическая масса (можно сказать, сама социальная материя) тянется к образованию, к свету истины и красоты, то и высокая культура в лице мыслителей, художников, творцов и трансляторов духовных ценностей не может остаться равнодушной к этому могучему «почвенному» стремлению и движется ему навстречу. Речь, конечно, идет о тех представителях духовного творчества, которые на самом деле выражают его истинную природу и коренную интенцию – в отличие от тех, кто являются «мастерами культуры» лишь в формально-техническом отношении. Последних тоже немало, и ожидать от них горячего сочувствия к идее союза культуры и народного подъема нельзя. Но время демократических революций – не их звездный час. Тон задают другие, именно те, кто обладают правом первородства в царстве духа. Их, кстати сказать, можно назвать и классическими интеллигентами.

В чем состоит характерное проявление интеллигентности творческих личностей? В том, что они отзывчивы к самобытным движениям разума и воли демократических масс, способны увидеть в духовно-практических формах народной жизни прообраз полноты истины – той полноты, которой не достает даже формально-совершенным произведениям профессиональных теоретиков и художников. Жизнь шире наук и искусства. По этому поводу В.Г. Арсланов пишет: «Как абсолютное совершенство может быть неполноценным? Оно неполноценно в том смысле, в каком любая, даже так называемая абсолютная истина, не полна – и полнота истины требует учета противоположной ей стороны.

Нет в мире совершенно правых, и наиболее правы те, кто это понимает»². Даже максимальное совершенство культуры и цивилизации требует дополнения к себе. Но это требуемое дополнение нельзя целенаправленно создать, изобрести: его приносит только объективное развитие самой действительности, исторической жизни масс. «Технические специалисты» от культуры (ими могут быть и гуманитарии) этого понять неспособны. Грань между интеллигентностью и просто образованностью пролегает именно здесь. Интеллигенты – «народники» по определению. Они покоряются нравственному влиянию товарищеской солидарности больших масс людей – для того, чтобы обрести высшую творческую свободу и уже в качестве носителей и выразителей этой свободы стать передовой силой демократии.

Великий урок отзывчивости духа высокой культуры на нравственную правду народа, пример самоотверженного отказа от всех «охраняемых грамот» цивилизованного логоса ради союза с христианской справедливостью явили в свое время те одаренные и образованные молодые люди, которым суждено было войти в историю под именем отцов церкви. Интеллигентов в истории общественной мысли нередко сравнивали с христианскими подвижниками (порою с иронией), но если в таком сравнении содержится рациональное зерно, то оно, очевидно, относится к данному примеру. Возможно, что парадигма интеллигентности в европейской культуре действительно задана Василием Великим и Августином Аврелием. Тем более что понятие *Intelligentia* существует в теологии и христианской философии. Оно означает Ум Божеский, высший надмирный Разум, творящий в самом себе многообразие мира, различающий в многообразии самое ценное и приводящий это ценное к самому себе. Этот термин характеризует также и отношение человеческого разума к Уму Божественному – истинное, должное, «нормальное» отношение. Выдающийся исследователь этой темы Е. Рашковский пишет: «... Средневековый мыслитель со страхом и трепетом, путями молитвенных медитаций и логических ухищрений отыскивал в собственном сознании элементы сопричастования божественной *Intelligentia*»³. Как бы то ни было, надо признать, что по крайней мере в сфере духовного производства интеллигенты не являются «самозванцами» (что иногда пытаются доказать слишком ретивые критики), они – ученые, художники, юристы, педагоги, политики, инженеры «от Бога». Словом, демократическая интеллигенция существует всегда, и в эпоху исторического подъема народных масс она закономерно становится революционным авангардом. Быть революционным авангардом – значит «поднимать активные силы народа, объединять их, создавать сплочение, единомышленников, добровольную организацию»⁴.

Есть ясное различие элиты и демократической интеллигенции. Оселком здесь выступает отношение к полноте истины («плероме», в терминологии греков, или «Софии», как обозначали этот предмет русские христианские философы). Как говорилось, для классической интеллигенции полнота истины (она же полнота бытия) не заключена в границах даже самой совершенной мысли и духовной деятельности. Исходя из такого представления, классическая интеллигенция не принимает определения духовности как обращенности к высшим ценностям, противостоящей всему обыденному, заурядному, посредственному. Иначе говоря, совершенство, законченная идеальность не выступает для нее главным критерием истины. Противоречивая жизнь может быть глубже и богаче смыслом непротиворечивого идеала, «абсолюта».

Но духовная элита (аристократия) как раз и ставит критерий совершенства во главу угла. С этой точки зрения само стремление к совершенству не есть предмет субъективного выбора, оно составляет основу существования, жизненную силу всего в этом мире. Все, что обладает формой хотя бы в минимальной степени, уже находится на пути движения к совершенству. Но вопрос для каждого существа и заключается в том, какова эта степень. Не только в духовных, идейных, идеологических спорах, но и в столкновении материальных сил, в экономической конкуренции и политических конфликтах в конечном счете побеждает та сторона, которая в большей мере способна и готова подчинить хаос жизненного содержания началу формы. И хотя такая цель сопряжена с большими трудностями, она не представляется утопической, а полагается в принципе достижимой. Чем более реальность как таковая погружается в трясину безысходных противоречий, в хаос, абсурд (а именно так обстоит дело с современной действительностью, по заключению элиты, – в противоположность упованиям классической интеллигенции на скрытые резервы разумности объективного бытия), тем быстрее растет на другом полюсе творческая сила формы. Конечно, этим полюсом, «умным местом», содержащим в себе глубокий источник творческой энергии, выступают духовное производство и высокая культура.

Расширение области отрицательных явлений и фактов в общественной жизни только увеличивает шансы на торжество формального начала, призванного усмирить или подавить эти очаги хаоса. Побеждают только лучшие. Нехитрая философия элиты состоит в том, что любой вид соперничества, борьбы в подлунном мире сводится в конечном счете к состязанию в совершенствовании. Форма совершенствования объемлет все, всякое содержание. Другие идеи и конкретные цели, каковы бы они ни были, представляются более узкими по содержанию и объему. Кроме того, им не дано выдержать

масштабное отрицание, «тотальную» критику в свой адрес. По этой причине, кстати, из борьбы за первенство выбывают те, кто преследуют явно дурные цели – они не только не готовы к последовательному совершенствованию, но и, будучи сами отрицательной величиной, оказываются не в состоянии противостоять направленной на них же волне стихийного отрицания. Таким образом, зло и порок становятся жертвами «отрицания отрицания». Единственная инстанция в этом мире, которая способна самостоятельно все выдержать и переварить, переработать, превратить в полезный для себя материал и подручное средство, – это форма бесконечно совершенствующегося субъекта. Счастлив тот, в чьей упорной деятельности эта форма находит конкретную реализацию в данных обстоятельствах. С другой стороны, и успешный финиш не означает для победителя полной идиллии и блаженства, ведь, как сказано, сила формы растет только пропорционально трудности и остроте проблем. Выход из противоречий действительности находится в самих противоречиях, в расширении свободы отрицания. Естественно, что в столь драматичном мире единственным надежным пристанищем субъекта может являться только духовная деятельность. Истина в ней, нигде больше.

Чье же понимание истины и нормы духовной деятельности более справедливо – классической интеллигенции или современной «элиты»? Можно сказать, что правы обе стороны – каждая для своего времени. Правда классической интеллигенции не может быть вечной, ибо эпоха исторического подъема масс когда-то (и скорее рано, чем поздно) заканчивается. Тому есть ряд причин. Острота классовых противоречий заставляет революционный авангард принимать меры, требующие большей подготовленности базы демократии, чем та, что имеется налицо. Не достает многих объективных и субъективных условий, чтобы эти политические шаги были адекватно восприняты революционной массой. Хотя народ в целом поддерживает, даже с энтузиазмом, эти решения авангарда, но в массовом исполнении они и принимают излишне радикальный характер – возникает феномен «левизны». И чем более неразвиты условия, тем больше левого «перехватывания».

Ширится противоречие между органичной народной самодеятельностью и целостностью, составляющей лучшее содержание этой эпохи, и «революционными абстракциями», число которых растет во всех сферах общественной жизни. На определенном этапе возникает необходимость применения насилия (не только убеждения) революционным авангардом в качестве орудия управления и утверждения новых общественных отношений. Но на этом пути уже неизбежно превращение демократического авангарда в традиционную управляющую и руководящую элиту. По М.А. Лифшицу, «чем меньше подготовки, чем больше разницы между

авангардом и массой, тем больше опасности просвещенного деспотизма, сворачивания революции на прогресс сверху. Тем больше орудие и аппарат приобретают самостоятельность»⁵. А дальше уже начинается история не классической интеллигенции, а «интеллигенции-элиты». Если определять дело просто, то интеллигенция становится сословием идеологов. Последние смотрят на общество с высоты высших принципов и так или иначе разделяют иллюзию своей независимости от борьбы интересов. Эту иллюзию и выражает идеология «бесконечного совершенствования».

УДК 159.923.2 – 057.875:2

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПАРАМЕТРЫ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

И.А. Дорошин

Саратовский государственный университет,
кафедра религиоведения и философской антропологии
E-mail: ivansar@mail.ru

Человека нельзя понять, если не принимать во внимание наивысшие стремления. Но религиозность не существует в независимой форме, а предполагает этноконфессиональность. Конфессия может восприниматься как условие развития человека. Этнический конфликт может перейти во внутриличностный конфликт у учащегося. Главным условием диалога культур в образовательном процессе является адекватное восприятие собственной идентичности каждого субъекта этого общения, что невозможно вне патриотической установки.

Ключевые слова: идентичность, религиозность, этноконфессиональность, конфессия, этнический конфликт, патриотизм.

Formation of Personal Identity: Parameters of Religious Orientations

I.A. Doroshin

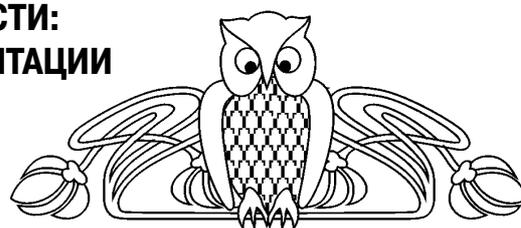
The person cannot be understood if to not consider the highest aspirations. But religiousness does not exist in the independent form, and assumes "alloy" of an ethnic accessory and religiousness. Confession – can be perceived as a condition of development of the person. The ethnic conflict can pass in the intrapersonal conflict at the pupil. The main condition of dialogue of cultures in educational process is the adequate perception of own identity of each subject of this dialogue that is impossible outside of patriotic installation.

Key words: identity, religiousness, «alloy» of an ethnic accessory and religiousness, confession, ethnic conflict, patriotic installation.

Реакции конкретного человека на события, равно как и характер ролей, которые приходится играть каждому из них, меняются в зависимости от требований и ограничений конкретной культуры. Некоторые события ожидаются в определенное время и переживаются большинством людей, принадлежащих к той или иной возрастной когорте. Кроме

Примечания

- ¹ Кагарлицкий Б.Ю. Готов сразиться с врагом, а начальства боюсь // Литературная газета. 2008. № 3/4. С. 4.
- ² Арсланов В.Г. Постмодернизм и русский «третий путь». М. 2007. С. 307–308.
- ³ Рашковский Е.Б. Научное знание, институты науки и интеллигенция в странах Востока XIX–XX века. М., 1990. С. 115.
- ⁴ Лифшиц М.А. Нравственное значение Октябрьской революции // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 255.
- ⁵ Лифшиц М.А. Что такое классика? М., 2004. С. 55.

того, любая ценность имеет *религиозное измерение*, а мы живем в мире, где основные отношения и социальные роли получили вполне убедительную трактовку со стороны мировых конфессий.

Актуальность выбранной *темы* для исследователя заключается в том, что на данный момент в научной литературе напрямую не рассматривалась проблема идентификации и потребность в саморазвитии конфессионально ориентированных студентов; хотя конфессия задает колоссальные культурные различия, с которыми мы столкнулись в педагогической практике.

Человека нельзя понять, игнорируя *наивысшие стремления*. Самоактуализация, *поиски идентичности*, стремление к здоровью и другие способы выражения стремления «наверх», согласно А. Маслоу¹, надо принять как универсальную установку. Из характеристик, выведенных для самоактуализирующихся людей Маслоу, прекрасно видна их ориентированность на религиозное поведение: поиски реальности; принятие себя, природы и других; непосредственность и естественность; центрированность на проблемы, стоящие *выше* потребностей, которые считают *миссией жизни*; потребность в независимости и *уединении*, а следовательно и аскетичность; *независимость от* окружения и *даже культуры, сопротивление окультиванию*, свежесть восприятия; *мистические (вершинные)* переживания, разграничение целей и средств, глубокие отношения, определенность этики, но немногие из них *религиозны* в ортодоксальном смысле.

Изучая процесс самоактуализации, Маслоу пришел к выводу достаточно неожиданному. У большинства испытуемых были мистические или

вершинные, как он их назвал, переживания. Они, возможно, и не имеют сверхъестественной или божественной природы, хотя по сути *религиозны*.

В. Франкл также уделил особое внимание понятию «духовности»². Духовность человека – это не просто его характеристика, конституирующая особенность. Духовное сущее реализует себя в соприсутствии. К. Роджерс³ интерпретирует феномен духовности как психическую реалию, выраженную в двух фундаментальных побуждениях: самоидентичности и саморазвития духовного Я и духовной потребности в любви.

Известно, что, как правило, *религиозность не существует в независимой форме*, а предполагает этноконфессиональность. А.В. Сухарев⁴ считает, что этничность играет огромную роль в психической адаптации человека не только к внешней, но и его внутренней среде.

Этнофункциональный психический дизонтогенез возникает в результате нарушения последовательности информационно-воспитательной проработки условных стадий развития психики (сказочно-мифологической, религиозно-этической и технотронно-сциентической) и (или) в результате этнофункционального рассогласования содержания информационно-воспитательного воздействия на этих стадиях с родной культурой конкретного человека. Уменьшение количества этнофункциональных рассогласований элементов психики отдельного человека и (или) его этносреды, считает Сухарев, высвобождает энергетический потенциал, который может способствовать более успешной психической адаптации человека. Интересно было бы применить *схему А.В. Сухарева к профессиональной культуре*.

Конфессия может восприниматься как условие развития человека. Социальный статус, экономические условия, этническая принадлежность, конфессия и другие жизненные факторы, как правило, сильно влияют на ожидания, а значит и на решения и поведение студента⁵. Период обучения в вузе приходится на небольшую, но решающую часть человеческой жизни. В любом случае этот период может считаться расцветом умственной и деятельной активности человека и возможности самореализации.

Возрастные часы выполняют функцию внутренней временной диаграммы, «расписания жизни». Сверяясь с ними, человек определяет, насколько медленно или быстро продвигается вперед относительно социальных событий. Возрастные часы дают нам знать о том, когда в нашей жизни должны произойти определенные события⁶. Конфессиональная культура предполагает достаточно четкое, если не жесткое расписание жизни. Схематично можно выделить следующие блоки (для «статусных» (!) групп): «воспитанник», «ученик», «семьянин», «человек своей группы» (социальная роль), «аскет» (вариант, «учитель»).

За последние десятилетия произошло *размывание границ традиционных* периодов жизни, в

результате чего сегодня *возрастные часы* менее строго предписывают время наступления основных событий в жизни человека, чем это было в предыдущие десятилетия. Появляется миф, типичный миф об обратимости времени (это вообще характеристика мифологического мировосприятия), в лучшем случае – цикличности. Например, расхожие рекомендации каждые семь лет менять супруга(-гу)... В лучшем случае (многие) люди возвращаются к учебе в 35, 45 лет, все больше супружеских пар, которые не торопятся заводить детей, а разводы и повторные браки случаются в любом возрасте⁷. Это результат распада уникального европейского (и европоцентристского) взгляда. Атомом такого мировоззрения является «уникальное событие». Само слово «со-бытие» кивает в сторону уникальности: совместное бытие невестных отношений может быть только проживанием уникального и неповторимого.

Таким образом, главные проблемы, требующие своего разрешения в ранней взрослости, – это достижение идентичности в противоположность смешению ролей и близости в противоположность изоляции.

Достижение *идентичности* является *центральной проблемой* молодого человека. Тем не менее многие теоретики, включая и самого Эриксона, автора теории психосоциальных стадий, считают, что вопросы идентичности актуальны для всего периода взрослости. Процессы достижения идентичности обеспечивают чувство непрерывности опыта взрослой жизни. В связи с поисками идентичности людям приходится определять и переопределять себя, свои приоритеты и свое место в социальном мире⁸.

Развитие человека можно описать в контексте трех, достаточно самостоятельных систем: (1) личного Я, (2) Я как члена семьи, (3) Я как работника. Развитие этих систем взаимосвязано. Например, чем большее удовлетворение приносит трудовая деятельность, тем выше самоуважение, а соответственно появляется любящий, принимающий стиль поведения, а также веротерпимость. Но системы претерпевают изменения под влиянием взаимодействия с культурой и более широким социальным окружением.

Человек должен постоянно переструктурировать свою личную, семейную и даже профессиональную идентичности по мере изменения внутреннего и внешнего мира. Эти составляющие выливаются в конфессиональное развитие, хотя могут и инициироваться им – например, для православия – движение по литургическому кругу делает новый виток понимания и сосредоточенности («целомудрия»). Почему-то большинство исследователей отрицают *религиозную динамику*.

Многие алгоритмы «взрослой» идентичности могут быть готовы к началу взрослой жизни, но другие еще только будут оформляться. Если молодой человек не считает, что он занимается именно своим делом, или нет ощущения благополучия в

семье, он может воспринимать это как пробел в жизни, как если бы что-то не довел до цели. Уникальность феномена целеполагания заключается в том, что «цель» и «целеполагание» – это практически одно и то же, поскольку существуют здесь и сейчас нераздельно, хотя одному мы приписываем атрибуты будущего, другому – прошлого. Например, спасение как цель христианства и целомудрие как целеполагание – совпадают.

С формированием идентичности связано формирование близости: с друзьями, с верной супругой (супругом). Развитие близости – это важнейшее достижение ранней взрослости (Эриксон). *Близость* является решающим фактором в установлении отношений любви, приносящих настоящее удовлетворение. Если человек оказался не способен сформировать близкие отношения в этот критический период, он может испытывать немалые трудности в социальной адаптации, например, страдать от одиночества и подозрительности. Впрочем, конфессия предполагает варианты «заместительные» и снимает эти трудности, которые в свою очередь станут вторичным проблемным слоем, поверх «реального», через который человек уже может не пробиться. Обычно же конфессия *учит близости*, преподает готовые алгоритмы общения, предлагает их попробовать: «И прилепилась душа его в Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы» (Быт.34:3); «Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его» (Быт.37:3); «Не прелюбодействуй» (Исх.20:14); «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев.19:18); «Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя» (Лев.19:34); «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Матф.5:28); «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф.5:44); «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» (Матф.5:46).

Каким бы ни был источник приобретения идентичности, главным событием взрослости является достижение генеративности (Эриксон) как попытки наладить отношения с «вечностью».

Итак, по-видимому, можно выделить три варианта идентичности:

- 1) через личные достижения;
- 2) путем создания семьи и заботы о своем потомстве;
- 3) посредством продуктивности своей работы.

Для молодых людей, проходящих обучение в вузе, этот период оказывается не только временем личных достижений, но и периодом складывания личной идентичности. Кроме того, семьи служат важным контекстом развития. Как мужчины, так и женщины считают свои семейные роли важными в том, что касается определения своей

идентичности и обеспечения *эмоционального единства*. Для сознания верующего достигается (в приближении) то, что называется «целомудренностью», «праведностью» и т.д. «Страсть» как неправильное направление «энергии» (проявления) снимается, проявления собираются в семье. Человек «светит» (проявляется) в семье, как правило, немногие могут достигнуть «бесстрастности» вне семьи. Большинство студентов описывают себя как родственников, какими они стали в структуре семейных отношений и событий. Лишь в очень редких случаях они определяли себя, прежде всего исходя из своей карьеры, а не семьи. Человек реализует основную задачу религии (восстановление («ре-») единства («лига») по преодолению пропасти: между человеком и человеком, человеком и миром. Обычно обе пропасти трактуются просто как пропасть между человеком и Богом, но для нас это было бы уходом в совершенно иной дискурс.

Каким бы ни был род наших занятий, мы несем в себе установки, представления и опыт, связанные с нашей работой. Определяющими терминами здесь являются *статус и личное развитие*, величины практически диалектические. Статус обычно задается вполне традиционно и традиционно религиозной системой мировосприятия. Это сфера исторического в религиозном мировосприятии, личное же – это «сама религия», надисторическое.

Студенческие годы – это время (1) профессионализации мировоззрения и (2) первого профессионального опыта, который, кстати, может быть достаточно необычным в России. Вознаграждение, комфорт, удобные часы работы, добрые отношения и т.д. – все это *производные*. В обмен на то время и энергию работа дает место в Истории (да поэтому, кстати, женские субкультуры обычно были внеисторическими и упоминания о них редки), «статус». Если можно говорить о «религиозной самоактуализации», то получилось бы неплохое рассуждение.

Что может постоянно стимулировать интерес к работе (и не только) и стабилизировать эмоциональный фон? Можно вспомнить замечательное рассуждение Дж. Беркли: что-то существует (для нас), пока мы что-то воспринимаем, мы существуем постоянно (стабильно), значит Кто-то нас постоянно воспринимает. От себя добавим обратное рассуждение: религия является мощным стабилизирующим фактором, причем не консервирующим, а именно стабилизирующим, т.е. «убирающим разрывы бытия» и сознания.

Внешние факторы важны не только с точки зрения удовлетворенности работой, но также и для общего физического и психического здоровья. С конфессиональных позиций социум будущих сотрудников («со-работников») является идеальной церковью или уммой.

Итак, в реальности конфессиональная принадлежность смыкается с этнической и нацио-

нальной и, таким образом, для студента уходит в семейные и трудовые традиции. Мы исходим из классификации культуры В.М. Межуева, которая в данном случае может быть вполне рабочим обобщением: этническая, национальная и массовая. Массовая культура не претендует на синтез, хотя и может угрожающе размывать религиозное мировоззрение, национальная существует в идеальном сотрудничестве и реализует свою «мировую миссию национальной (например, русской) культуры», этническая же образует сложные сплавы этноконфессионализма, иногда монструозные, иногда колоритные, но всегда необычайно интересные. Для психологии религии интересна прежде всего она, которая порождает так много интересных проблем.

Любой учащийся, успешно проходящий к идентичности, оказывается в условиях диалога культур. Главным его условием является адекватное восприятие собственной идентичности каждого субъекта этого общения, что невозможно вне патриотической установки. Формально имеется в виду отождествление себя (частично неосознаваемое) с типологическими категориями: пол, возраст, статус, культура и т.д., патриотическим содержанием религиозной идентичности в образовательном процессе.

Следует выделить *социальную патриотическую установку*. Решающим при формировании патриотической установки был социальный комплекс, наиболее ярким примером являются большевистские патриотические лозунги.

Следующим вариантом является *культурная патриотическая установка*, отождествление себя с отечественной культурной традицией – это и есть «классический» патриотизм.

И наконец – это *этническая патриотическая установка*, отождествление себя с определенной этнической группой. Она является нормой, но сегодня в сочетании с религиозными установками, как правило, дает уродливые результаты. Это то, что сегодня называют проблемой *этноконфессионализма*.

Возможен и четвертый вариант – *опосредованная патриотическая установка*, характерная для *массовой культуры*. Именно он и должен быть нам наиболее интересен сегодня, когда большинство проблем проистекает из сути массовой культуры. Такая позиция формируется как идентификация через осознание принадлежности к группе. Это очень распространенный вариант, можно даже сказать – *массовый*.

Естественно, сегодня мы можем столкнуться с любым вариантом или с *комплексом* из этих «чистых» установок. В разных патриотических группах принят и канонизирован какой-то комплекс, как правило, являющийся результатом опыта инкультурации руководителя этого сообщества. Это можно считать пятым вариантом. Типы соответствуют слоям культуры, которые существуют одновременно.

Итак, массовый, национальный и этнический уровни культурной организации дают возможность формирования патриотической установки, причем каждый по-своему. Неразличение этих вариантов приводит к непониманию, «несовпадению правил» и «представлений о чести», что выражается в различных вариантах социальной напряженности.

По мере усвоения ценностей, образцов и принятия ролей установка изменяется. Более или менее она складывается к концу возраста ранней зрелости. Как правило, это происходит через проигрывание различных ролей, которые могут быть приняты молодым человеком как свои именно на основе выстраивания комплекса патриотического сознания. Формирование такого комплекса является необходимым психологическим условием педагогического процесса.

Можно различить позитивные и негативные варианты названных установок. В массовом сознании именно первые, положительные установки и называются патриотическими. Естественно, как и всякие положительные устремления человека, патриотическая установка может давать уродливые варианты реализации. В этом смысле следует говорить о патриотизме как потребности реализации патриотической установки, комплекса переживаний, сформированного в процессе инкультурации. Если быть более точным, то возможны два варианта негативного патриотизма. Вариант первый предполагает неполноценные установки, второй – вызван условиями, и говорить следует в этом случае об уродливой реализации. Чаще всего с неполноценными установками мы встречаемся на уровне *этнической культурной идентификации*.

Известно, что закреплению негативной идентификации индивида может способствовать, во-первых, навешивание ярлыков, во-вторых, групповое или специальное давление. С этим согласны Р. Лэйнг, Э. Гоффман и другие. Таким образом, закрепляется и этноконфессиональный комплекс. Этноконфессионализм понимается как слияние этнической и конфессиональной идентификации, где и та и другая теряет свои границы, разрушается. Это то, что называется язычеством в точном смысле слова – религия «языка» (слав.) отдельного народа. Для этого комплекса характерна крайняя нетерпимость. В рамках мировых культурных традиций, основанных на мировых религиях, возможно формирование некоторых локусов, локальных пространств, где оформляется подобный комплекс. Истоки этноконфессионализма в том, что происходит упрощение процесса инкультурации следующим образом. Вместо формирования двух мировоззренческих комплексов как взаимодополняющих (например «русский» и «православный») формируется упрощенный гибрид («русский», потому что «православный» – или наоборот). Подобная простота «хуже воровства», поскольку стремится к официозу.

Возможна утрата индивидом системы патриотических установок, либо ее части. Эта потеря связана с возрастными кризисами или с быстрыми изменениями в среде социальной и культурной. Скорость внешних изменений может привести к деформации восприятия пространственно-временного континуума индивида и, следовательно, к разрушению (полному или частичному) системы мировосприятия.

Утрата проявляется в деперсонализации, маргинализации, психических патологиях и т.д. Влияют и кризисы индивидуальной жизни, возрастные. В период быстрых изменений кризис патриотических установок может иметь массовый характер, хотя это могут быть не только негативные, но и позитивные последствия (это вопрос отдельного исследования).

Вместе с тем механизм патриотических установок является необходимым условием культурной традиции и социальной структуры. Многие авторы отдают предпочтение термину «идентификация», который охватывает динамические аспекты формирования индивида, введен Фрейдом и использовался неопрейдистами. Это «центр», который обеспечивает способность «Я» к саморазвитию. Понятие широко используется в социальной психологии (Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Парсонс и др.), это механизм принятия социальных ролей, образцов и моделей.

УДК 316.3

ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ В СТРАТЕГИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Д.И. Заров

Саратовский государственный технический университет,
кафедра философии
E-mail: Zarov@inbox.ru

Статья посвящена анализу характеристик и противоречий гуманизма. Подчеркивается, что становление и вырождение гуманизма выступает основной причиной кризиса современного европейского сознания. Провозглашая ориентацию на человека, различные направления гуманизма отрицают объективность высших ценностей и переходят на позицию нигилизма. Разрушение представлений об объективности высших ценностей, подмена высших ценностей ценностями условными и преходящими разрушает цивилизационные основания христианских обществ и ограничивает их рост и развитие.

Ключевые слова: цивилизация, развитие цивилизаций, ценности, современность.

The Highest Values in Strategies of Civilization Development

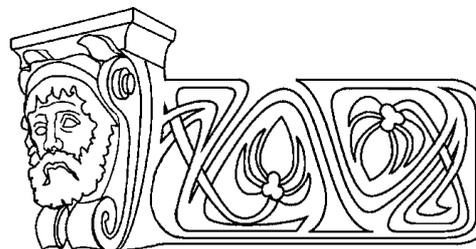
D.I. Zarov

This article is devoted to analysis of descriptions and contradictions of humanism. It is emphasized, that the formation and the degeneracy

of humanism is a main cause of crisis the modern European consciousness. In proclamation the orientation to the human being, the different directions of humanism are rejecting the objectivity of highest values and went over to the position of nihilism. The destruction of ideas of the objectivity of highest values, the substitution of highest values to conditional and momentary values is destroying the civilization foundations of Christian societies and is limiting the increase and development of them.

Примечания

- 1 См.: Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
- 2 См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
- 3 См.: Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
- 4 См.: Сухарев А.В. Теоретико-методологические следствия введения понятий этнофункциональной психической архегении и анархегении // Журн. прикл. психол. 2004. № 1. С. 60–66; Он же. Введение в этнофункциональную психологию и психотерапию М., 2002.
- 5 См.: Крайг Г. Психология развития. СПб., 2002.
- 6 См.: Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
- 7 См.: Крайг Г. Указ. соч.
- 8 См.: Хьелл Л. Теории личности. СПб., 2003.

of humanism is a main cause of crisis the modern European consciousness. In proclamation the orientation to the human being, the different directions of humanism are rejecting the objectivity of highest values and went over to the position of nihilism. The destruction of ideas of the objectivity of highest values, the substitution of highest values to conditional and momentary values is destroying the civilization foundations of Christian societies and is limiting the increase and development of them.

Key words: civilization, development of civilizations, values, modern times.

Целью данной работы является артикуляция противоречий гуманизма, становление и вырождение которого выступает одной из основных причин кризиса современного европейского сознания. Наиболее острой проблемой современных христианских цивилизаций – западноевропейской, североамериканской и российской – выступает тотальный нигилизм, который необходимо преодолеть, чтобы выжить в процессах столкно-

вения цивилизаций. Мы покажем, что различные течения современной культуры, скрывающиеся под названиями экзистенциализма или философии науки и определяющие себя как направления гуманизма, представляют собой разновидности нигилизма, ставящие на место высших ценностей установки гуманизма, либерализма или конвенции экуменизма. Более того, сама по себе общая концепция гуманизма по сути своей является вариантом нигилизма.

Напомним, что нигилизм – это отрицание объективности высших ценностей, представление их как произвольно обозначенных, либо субъективных. Прежде всего, речь идет о таких ценностях, положительных и отрицательных, как добро, зло, высшее благо, свобода в ее цивилизационных проявлениях, долг, честь, высшая справедливость, истина, красота. Показательно, что последние десятилетия высшие ценности аккуратно и незаметно вытесняются «общечеловеческими», которые в смысловом контексте противостоят высшим ценностям и совершенно исключают концепцию «всечеловеческих» ценностей в том значении, каком их понимал Н.Я. Данилевский.

Наиболее яркая фигура нигилизма – Ф. Ницше и ницшеанство – не случайно возникают напрямую из эпохи Возрождения и гуманизма, когда из науки и искусства вытесняются Бог и высшее начало, а критерием красоты и мерилом гармонии становится человек. Все великие ценности культуры, величественные конструкции религии, нормы морали, все, что мы любим, – условно и предназначено для человека в качестве «переходного звена»¹. Бог умер – и правильно сделал. Каждый должен освоить это нелегкое искусство – вовремя уйти, когда исчерпалась его роль. Вслед за Богом должны разрушиться высшие ценности, а возникающий Сверхчеловек должен стать «по ту сторону» добра и зла, конструируя новые ценности.

Обвинения Ф. Ницше в антигуманизме совершенно беспочвенны. Он отвергает христианскую мораль с ее назидательным гуманизмом, замечает в христианском «непротивлении» высокомерное невнимание к действиям врага: «... Если есть враг у вас, то не воздайте ему за зло добром, ибо это ... унизит его»². В этот же контекст укладываются и другие фразы, к примеру: «Лучше убить отшельника, чем унизить его»³. Ницше предлагает собственный вариант гуманизма и «сверхчеловеческого» гуманиста, главными чертами которого являются гордость и противостояние унижению.

Не менее ярко раскрывает нигилистические корни гуманизма Мераб Мамардашвили. Он замечает, что затруднение в выявлении природы человека очень хорошо выражает положение Ф. Ницше «человеческое – слишком человеческое». Положение современного человека Мамардашвили определяет как положение «прислоняющихся неумех». «Все мы живем, – пишет он, – прислоняясь к теплой, непосредственно доступной нам человеческой связи... Мы обогреваемся соприкосновением наших тел, мы

погружены в непосредственную человечность и не способны разорвать связь непонимания»⁴. Сбившийся ком «слишком человеческого» понимания мешает человеку видеть высшее благо, которое закрывается частным благом стоящего рядом. Мамардашвили полагает, что необходимо ориентироваться не на наличного человека, а на возможного, на того, который может промелькнуть в пространстве некоего усилия, в том числе и усилия морального, пробивающего путь к высшим ценностям, атрибутирующим образ человека: высшее благо, истина, красота.

Жан Поль Сартр, один из виднейших представителей захватившего европейское сознание экзистенциализма, манифестирующий его основные положения, подчеркивает свое убеждение в том, что существование предшествует сущности. «Бытием предшествующих сущностей, – пишет он, – является человеческая реальность... Для экзистенциализма человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет... Нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал»⁵. Человек в данном контексте – это прежде всего проект, который переживается субъективно. И «первым делом, экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование»⁶.

При всей красоте и глубине формулировок Сартра, не дающего власти никакого шанса ответственности за существование человека, следует отметить некоторые вытекающие из них следствия, за которые живо ухватились многочисленные представители; обозначим их как «обывательский экзистенциализм». Один из главных выводов состоит в том, что жизнь человека принадлежит самому человеку, т.е. не Богу, как в цивилизационнообразующей духовной конструкции Запада – христианстве. И не обществу, как это подчеркивается в коммунистических учениях. Жизнь человека, приватизирована самим человеком – и это уже вступает в противоречие с христианскими основаниями европейской культуры.

Конечно, из данного положения вытекает гуманистически ориентированная установка «заботы о себе», которая долгое время воспринималась как высшее откровение современной прогрессивной культуры. Но с другой стороны, если жизнь принадлежит самому человеку, значит допустимо и полное распоряжение собственной жизнью, – вплоть до самоубийства, – своими или чужими руками. И вот уже наиболее деятельные представители «гуманистического общества» размышляют о «гуманном убийстве» смертельно больных, пытаясь замаскировать суть дела научно-образным понятием «эвтаназия».

Таким образом, экзистенциализм как течение гуманизма, начав с отрицания высших ценностей, приходит к своему отрицанию в качестве гуманизма.

Не случайными выглядят попытки экзистенциалистов в своем гуманизме как-то отмежеваться

в своей идентификации от слишком откровенного нигилиста Ф. Ницше. Это делает и К. Ясперс в работе «Ницше и христианство», и А. Камю в анализе абсурдности человеческого существования⁷. И верно делает вывод М. Хайдеггер: когда верховные ценности обесцениваются, то все идет только к худшему и к пустоте, и этот упадок высших ценностей является основным процессом западной истории⁸.

Таким образом, в основных течениях европейской мысли прослеживается явная тенденция тотального нигилизма, который выступает одним из следствий провозглашенного тотального гуманизма, не признающего субординации различных ценностей.

В рамках российского общества и русской мысли не только происходило заимствование идей западноевропейской культуры, но и возникли собственные гуманистические установки, «снимающие» значение высших ценностей. Прежде всего, это в целом благородная установка на служение народу. Русский философ С.Л. Франк отмечает гуманистические, «слишком человеческие» истоки природного нигилизма русской интеллигенции. Он подчеркивает, что нигилистический морализм является основной и глубочайшей чертой русского интеллигента. Из отрицания объективных ценностей вытекает обожествление субъективных ценностей ближнего, например, «народа», а отсюда следует признание, что высшая и единственная задача человека есть служение народу⁹. Жизнь не имеет никакого объективного внутреннего смысла, а надежды и чаяния народа представляются в качестве высшей ценности.

Однако в самом духовном складе русского народа заложены установки на высшие ценности как на безусловные, не зависящие от «общечеловеческих» ориентиров. В духовном складе народа заложены установки на достижение высоких целей, служение великим идеалам, жертвенность во имя высшего блага. Безусловно, здесь не исключаются гуманистические идеалы, однако они доминируют на уровне коллективного целого, хранящего личность и принимающего ответственность за ее самореализацию и свободное развитие. Слом этих установок особенно активно происходил и в начале XX в., и в его окончании. Подмена высших ценностей «общечеловеческими», под названием которых выступали цивилизационные ценности одного из доминирующих обществ, ведет к разрушению изначально сложившихся объективно-идеальных структур и установок жизни человека, доминанте нигилизма в поведении людей и разрушению ценностных установок сознания.

Но главное состоит в том, что на смену конструктивному сознанию в обществе приходит декаданс, неспособный к созидательному порыву. Это особенно опасно в условиях современного столкновения цивилизаций, когда на мировую арену выходят новые пассионарные этнические и цивилизационные субъекты.

Глобализация общественного развития предъявляет особые требования существованию локальных цивилизаций и локальных культур. В их развитии сталкиваются, порождая жесткие противоречия и противостояния, два основных императива: необходимость соответствия логике собственного уникального и индивидуального развития и необходимость подчиняться требованиям более общей подсистемы глобального сообщества. Нет государств и обществ, ведущих совершенно самостоятельную геостратегическую линию; пространство глобальной системы разбито на группы и группировки. После распада Советского Союза разрушилась одна из подсистем, но ее место стали занимать другие подсистемы, в деятельности которых цивилизационные противостояния проявляются более рельефно, а их маскировка межгосударственными противоречиями становится более заметной.

В отличие от многих других авторов, рассматривающих глобализацию либо в качестве объективного закономерного процесса, поглощающего в тотальную систему любые локальные сообщества, либо в качестве мифа, оправдывающего субъективные устремления ряда стран на подчинение и эксплуатацию народов, находящихся «вне золотого миллиарда», мы полагаем, что глобализация – это особый этап взаимодействия цивилизаций, на котором перестраивается цивилизационная картина мира, апробируется цивилизационный статус различных обществ, проявляются и очерчиваются их устоявшиеся и новые идентификационные характеристики. Специфика взаимодействия обществ в эпоху современной глобализации заключается в отсутствии необходимости прямой аннексии территории. Аннексия территории, ее присоединение к высокоразвитому государственному образованию предполагает соответствующие значительные расходы на повышение качества жизни людей и обустройство территории. Менее обременительным и более перспективным является духовная экспансия с последующим включением того или иного сообщества или народа не в государственное образование, а в цивилизацию – в качестве ее окраины, демпфера или пространства для арены конфликтов с конкурирующей цивилизационной системой.

Цивилизация – это социальная целостность, имеющая единые духовные истоки и основы, единую историю, общие архетипы, схемы мышления и смыслы деятельности своих составляющих, занимающая определенное геополитическое и хозяйственное пространство и самобытно обособившаяся от других целостностей. Основа цивилизации – определенные способы социального кодирования, социокоды и объективно-идеальные смыслы, заложенные на этапе ее формирования и порождающие основополагающие мифы, по которым строится и понимается жизнедеятельность человека как субъекта данной культуры и

субъекта цивилизационных процессов, а также высшие ценности, которые вместе с цивилизационными ценностями выступают в сознании человека как сверхценности. Культура предстает перед человеком прежде всего как смысловой мир, объединяющий людей в нацию, религиозную или профессиональную группу, общество в целом и создающий особый контекст, который накапливается содержательно и передается из поколения в поколение, определяя способы бытия и мироощущение каждого отдельного человека.

Устойчивость цивилизационной целостности обуславливается также сохранением особенностей национального характера и психологии человека, типологических характеристик, доминирующих в обществе моделей человека. Для той или иной цивилизации существует соответствующая оптимальная модель человека, в рамках которой личность наиболее оптимальным образом распредмечивает и реализует в своей деятельности социокоды культуры и может выступать в качестве конструктивного субъекта развития.

В процессах общественного развития может происходить распад или дифференциация тех или иных цивилизаций, а также возникновение новых цивилизаций. Цивилизации разрушаются или распадаются прежде всего в результате смены ценностных оснований. Смена ценностных оснований возникает не случайно и не вдруг. Интересно данные процессы описаны в отношении Западной Европы в философском бестселлере М. Хардта и А. Негри «Империя». В результате колониальной экспансии в Европу был «ввезен» Другой человек – неевропеец, со своей особой культурой, которая изначально полностью ассимилировалась европейской культурой. Антропологическое и культурологическое описание неевропейских Других в эволюционной теории цивилизаций первоначально служило подтверждением и утверждением особого положения европейцев и тем самым легитимизировало колониалистские проекты в целом¹⁰. Одним из видов такой экспансии выступало распространение в качестве общечеловеческой ценности идеологии либерализма, которая в отличие от обычной идеологии распространялась вместе с целым набором институциональных организаций и практик. Западная наука и идеология «проникла во многие части света как неотъемлемая часть новых технологий и способов производства, медицинской техники и методов лечения, а также сельскохозяйственных инноваций»¹¹.

Однако только поверхностный взгляд замечал односторонние изменения культурно-цивилизационных пространств восточных и иных обществ. Постепенные изменения коснулись и духовного облика западного общества, и идеологии либерализма. Кризис либерализма обнажил его непреодолимые противоречия¹². Но столь же необходимо меняется облик западноевропейского общества. «Другие» не исчезли бесследно, их

духовный потенциал постепенно накапливался в основаниях западной культуры, формируя новый субъект цивилизационного развития – вовсе не тот, что создавал цивилизацию Запада. Их различия могут стать заметными, если исследовать относительно отдаленные эпохи. Нелегко заметить что-то общее между суровым римлянином эпохи Юлия Цезаря и современным суетливым итальянцем, таинственным друидом и современным французом. Но столь же существенное личностное и социально-культурное различие возникает, когда ценностные основания христианского Запада начинают заменяться исламскими основаниями. Именно смена ценностных оснований цивилизации ведет к социальным и национальным потрясениям.

Не случайно сейчас происходит выделение из западного цивилизационного материка американского общества, развивающегося в русле той же цивилизационной модели, но уже в качестве самостоятельной цивилизации, строящегося уже на неевропейских ценностных основаниях.

Сейчас становится все более очевидной цивилизационная неоднородность того культурно-цивилизационного материка, который называют Западом, – он все более заметно разделяется на Западную Европу и Североамериканскую цивилизационную систему. По всей видимости, зарождение и становление цивилизационных целостностей – процесс непрерывный, и если одни из них могут проходить этапы становления «в себе» в силу различных внешних и внутренних причин достаточно долгое время, то другие, создав необходимые для этого материальные и духовные основы, выходят на уровень «ставшей» локальной, самостоятельной цивилизации и строят необходимое для себя цивилизационное пространство за счет других целостностей. Последнее включает в себя собственно локальную цивилизацию, а также духовное пространство обществ, подвергнувшихся культурной экспансии.

Цивилизация задается обществу смыслов, схем мышления и идеалов, поэтому цивилизационные войны ведутся прежде всего за расширение пространств доминирования одних смыслов и поглощения других, распространение модификаций модели человека, реализующие данные цивилизационные процессы. Замена или значительное видоизменение цивилизационного пространства приводит к кризису традиционной доминирующей модели человека, проявлению ее негативных характеристик, неспособности носителя цивилизационной модели человека выступать в качестве деятельного, конструктивного субъекта развития. Прежде всего, проблема заключается в том, сможет ли народ как субъект цивилизационного развития мобилизовать надломленную пассионарность, способен ли он пройти до конца путь отстаивания своих интересов, сохранения цивилизационного пространства и роли в процессах глобализации. Положительное решение проблемы заключается в восстановлении ориентации на высшие ценности и сверхценности,

а также заполнении возникшего культурного вакуума массивом содержания, фиксирующего истоки, тексты и процессы развития русской культуры. Это могут быть научные и философские исследования истории российского общества. Это может быть построение грамотной мифологии и теоретических конструкций, создание и популяризация героического исторического эпоса, русских сказок и былин.

Другая сторона данной проблемы состоит в качествах субъекта управления. Ответственность власти заключается не в ее демобилизации, а в том, чтобы суметь пойти на решительные меры по реализации высшего, безусловного начала в обществе, цивилизационных оснований и ценностей. Для этого необходимо принятие жестких, государственно-ориентированных мер и разработка не популярной демагогии, но ясной и грамотной идеологии. Необходимо формирование с ее помощью новой духовной элиты, в чем преуспели в свое время наиболее успешные реформаторы в истории России: Петр I и марксисты. Новая духовная и политическая элита должна решиться взять на себя ответственность до степени равнодушия к ее негативной или «неоднозначной» оценке современниками и потомками.

Тотальный нигилизм конца 80-х и 90-х гг. XX в. разрушил не только коммунизм, но и значительную часть русской культуры, породив в итоге декаданс, неверие в собственные перспективы и сформировав деструктивный субъект развития, способный лишь к разрушению и бунту. Цивилизационная идеология позволяет уйти от дискуссии

«капитализм-коммунизм», переходящей чаще всего в споры о понятиях, не имеющих отношения к реальной жизни и не затрагивающих фундаментальных цивилизационных основ общества. Она позволяет вычертить стратегии цивилизационного развития российского общества, определить механизмы мобилизации субъекта цивилизационных процессов в направлении конструктивного развития собственной цивилизационной модели на основе высших ценностей.

Примечания

- ¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Алма-Ата, 1991. С. 11–12.
- ² Там же. С. 67.
- ³ Там же.
- ⁴ Мамардашвили М.К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 9.
- ⁵ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 323.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
- ⁸ Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Ницше и пустота. М., 2006. С. 93.
- ⁹ Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 185.
- ¹⁰ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 125.
- ¹¹ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрею Э., Пerratон Д. Глобальные трансформации. М., 2004. С. 400.

УДК 316.3

ПОНЯТИЕ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

М.В. Каткова

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: Margo996@yandex.ru

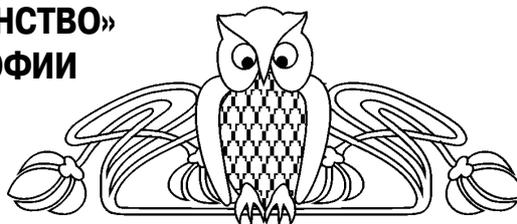
Одно из опасных противоречий информационной эпохи заключается в том, что, формируя информационное пространство и обеспечивая его существование и развитие, человек одновременно осознает, что само его биологическое существование поставлено в зависимость от уровня развития и скорости преобразования информационного пространства, играющего все возрастающую роль в жизни современного общества.

Ключевые слова: информация, глобализация, информационные потоки, информационные пространства, трансформация.

The Definition of «Information Space» in Modern Social Philosophy

М.В. Katkova

One of dangerous contradictions of an information epoch consists that, forming information space and providing its existence and

development, the person simultaneously realizes that its biological existence is put in dependence on a level of development and speed of transformation of the information space playing an escalating role in a life of a modern society.

Key words: information, globalization, information streams, information space, transformation.

Информационное пространство – многоуровневая структура. Понятие «информационное пространство» объединяет два термина: «пространство» и «информация». Пространство можно охарактеризовать такими свойствами, как структурность, протяженность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах. Следовательно это понятие используется для обозначения структурированных, протяженных и каким-либо образом скоорди-

нированных, т.е. взаимодействующих объектов. Эти атрибутивные свойства имеются не только у физического, но и любого другого пространства.

В процессе своего генезиса информационное пространство проходит несколько стадий. В племенном и родовом общественном строе до появления письменности функции сохранения взаимосвязей между объектами информационного пространства в значительной степени выполняли устные эпические повествования. С течением времени субъективность устной коммуникации была уменьшена при облачении информации в знаковую форму. Фиксирование знаков на материальном носителе обусловило появление документа. Протяженность информационного пространства теперь могла измеряться возможностями географического распространения (транспортировки) документа. С появлением и использованием документа оно становится более осязаемым (материальным), объективированным.

Документ как законченный квант информации дискретен, но лишь относительно. «Фактически он представляет собой продолжение или следствие предыдущего документа и одновременно служит источником, причиной создания последующего документа»¹. Очевидна дискретность информационных сообщений, знаков и документов, но и потребители информации – индивиды – тоже дискретны и неоднородны в силу различий их информационных тезаурусов. Непрерывность обеспечивалась коммуникационным процессом общения людей. Так, в информационном пространстве проявляется атрибутивное свойство любого пространства – протяженность, единство прерывного и непрерывного. Рассеянность информации, дискретность информационного пространства, коммуникативность, ведущая к тиражированию информации, стали условиями прочности этого пространства. Исчезновение информации (вместе с ее носителем) в одной точке, благодаря перемещению и тиражированию, сохраняет ее в другой точке. Первое информационное пространство, которое мы можем воспроизвести только в абстракции, было относительно единым, так как оно состояло из информационного тезауруса индивида. Одинаковые (близкие) условия существования первых людей определяли общность их информационных тезаурусов и закладывали общее (но не единое) информационное пространство. Неоднородность пространства объективна в силу субъективности его создателей.

Информационное пространство социума создается деятельностью всех документальных институтов. Мы можем рассматривать его как совокупность взаимодействующих информационных процессов и систем. Центры генерации, хранения и распространения информации стали обязательным элементом во всех областях деятельности общества – в управлении, производстве, обороне, экологии, природопользовании, в социальной сфере. Надежность функционирования этих центров

надо было обеспечить не только организационно, но и технически. Развертывание информационного пространства, стремление обеспечить его непрерывность на каждом этапе развития включало в систему коммуникаций новейшие средства тиражирования и транспортировки информации в формах, доступных тому или иному этапу материально-технического развития. Техническое оснащение современной фазы сохранения и передачи информации поистине революционно. В настоящее время средства связи, телекоммуникации и компьютерные технологии обеспечивают такую скорость прохождения информационных квантов, что временной фактор перестал быть сдерживающим при ее распространении. Мгновенность передачи информации изменяет масштабы событий, и в обществе появляются предпосылки создания единого, фактически безграничного пространства, возможности которого сегодня демонстрирует Интернет.

В силу особой системной сложности единство информационного пространства не может складываться стихийно. Необходимы согласованные скоординированные действия всех участников, большую роль при этом играет правовое обеспечение информационных процессов. Единое пространство можно представить и как информационную модель жизнедеятельности социума, отражающую связи между различными объектами территории и позволяющую оперировать их информационными аналогами на основе (гарантированных) правовых норм с использованием совместимых технических и технологических средств коммуникации. Во всех составляющих его элементах, на всех этапах развития государственная поддержка прогрессивных тенденций всегда являлась и является решающим фактором.

Создание единого информационного пространства – сложнейший интегративный процесс. Полное единение всех его субъектов и ресурсов – это труднодостижимый идеал, приближение к которому может быть целенаправленным, последовательным и достаточно длительным. Соединить эти разрозненные элементы станет возможным только благодаря целенаправленным действиям всех его участников. Таким образом, информационное пространство имеет ярко выраженный социальный аспект и может трактоваться как сфера отношений людей и их общностей по поводу информации.

Попытки дать определение понятию «информационное пространство» предпринимались неоднократно. Рассматривая информационные ресурсы как важнейший элемент, мы предлагаем следующую дефиницию: информационное пространство – это исторически сформировавшаяся, обеспеченная правовыми гарантиями и средствами связи, обеспечивающая наибольшую меру доступности для потребителя форма скоординированных и структурированных, территориально близких и удаленных информационных ресурсов,

аккумулирующих результаты коммуникационной деятельности людей.

Концепция информационного пространства разрабатывалась японскими учеными-социологами О. Кишидой и Й. Масудой в рамках исследований Института информационного общества и излагалась ими в терминах «философии времени». Считая информацию основным ресурсом выживания будущей цивилизации, японские ученые прогнозировали неизбежность возникновения проблемы быстроты получения и реализации информации – проблемы времени. Возникновение этой проблемы, по мнению японских авторов, должно изменить само отношение ко времени, которое станет жизнеспасающим ресурсом и социальной ценностью. Новый социальный статус времени в информационном обществе обусловит его использование для творческого создания совершенно иных ценностей – оно станет сомеханизмом творческого создания будущей цивилизации. Й. Масуда даже ввел понятие «время–ценность» для определения качественной характеристики преимуществ информационного общества.

С этой же системой «время–ценность» Й. Масуда связывал функционирование «глобального информационного пространства» – пространства без региональных границ, характеризующего информационную эпоху. Распространение этого информационного пространства, сформированного на основе всеохватной информационной инфраструктуры, коммуникаций, спутниковой связи, компьютеров, в мировом масштабе будет способствовать глобализации всех мировых процессов².

В России термин «информационное пространство» стал использоваться в 1992 г. в связи с необходимостью сохранения тиражей печатных СМИ, которые были его смысловым наполнением. В 1993–1994 гг. понятие «информационное пространство» и идея его сохранения выступили уже в качестве весомого аргумента специалистов по информатизации в пользу развития информационно-коммуникационных технологий в стране³.

В «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов», опубликованной в 1995 г., понятие «информационное пространство» включает в себя «совокупности баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей»⁴. В данном определении не учитывается необходимость предметной ориентации информационного пространства, что приводит к его стихийной организации.

Рассматривая понятие «информационное пространство», становится возможным изучать такие свойства объектов и процессов, как упорядоченность, объём, интенсивность, плотность. Вместе с тем «принципиальное отличие пространства как формы общественного бытия от всех иных разновидностей пространства заключается в том, что его возникновение и развитие всецело связано с деятельностью общественного субъекта (общества в целом, социальной группы, индивида)⁵. Также информационное пространство определяется как «форма существования информационных систем, характеризующаяся структурностью, протяженностью и дифференцированностью»⁶.

Следует отметить, что широкое применение и популяризация в масс-медиа словосочетания «информационное пространство» не обуславливает разработку его содержания как научного понятия. Можно сделать вывод, что употребление этого термина в общем смысле скорее метафорично, чем научно. Тем не менее операционализация понятия «информационное пространство» в рамках данного научного исследования необходима и основывается на анализе базовых компонентов его структуры.

К основным компонентам информационного пространства можно отнести информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационную инфраструктуру.

Понятие «информационные ресурсы» прописано в законодательстве Российской Федерации и обозначает отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других видах информационных систем)⁷. В более широком смысле под ними подразумевается совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации и в большинстве случаев доступных широкому кругу пользователей.

Информационные ресурсы тесно связаны со средствами информационного взаимодействия, совместно обеспечивая организацию процесса взаимодействия двух и более субъектов, целью и основным содержанием которого является изменение имеющейся информации хотя бы у одного из них – информационного взаимодействия. В современных условиях информационное взаимодействие осуществляется преимущественно посредством информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Что же касается информационной инфраструктуры, то она представляет собой совокупность информационных ресурсов и организующих к ним доступ граждан средств информационного взаимодействия (в том числе ИКТ), которая обеспечивает функционирование и развитие информационного пространства страны или региона.

На основании вышесказанного под термином «информационное пространство» будем понимать форму существования информационных

систем, обеспечивающую и стимулирующую оперативные информационные взаимодействия производителей информации и ее потребителей, трансляцию знаний, накопленных в информационных ресурсах, и их сохранение в сложившейся информационной инфраструктуре.

С точки зрения содержания информационного пространства представляют интерес два аспекта: его рассмотрение как вмещающей совокупности образов, знаков, концептов, текстов, документов, связанных между собой множеством возможных переходов – как гипертекстовой структуры и как совокупности субъектов информационных процессов – процессов создания, сбора, обработки, поиска, распространения и хранения информации. Многоплановое переплетение указанной гипертекстовой структуры и информационных процессов обуславливает формирование информационного пространства. Существующее, в том числе и за счет заполняющих его индивидов (субъектов), информационное пространство в то же время представляет собой наиндивидуальную реальность, имеющую системное качество, отсутствующее в людях.

Единство информационного пространства может быть обеспечено только за счет достаточной информированности любого его субъекта в любой точке этого пространства⁸. На современном этапе развития информационного пространства большое значение для достижения единства стран достигается путем комплексного использования возможностей информационно-коммуникационных технологий.

Становление информационного общества, усиленное и ускоренное процессами глобальной информатизации, ведет к качественному изменению роли информационных процессов в эволюции социальных систем. Интеллектуальные факторы начинают играть преобладающую роль в жизнедеятельности общества по сравнению с факторами материальными, что способствует образованию информационного пространства. Информационное пространство «представляет собой сферу производства, передачи, усвоения и использования информации», являясь физическим пространством, «в котором циркулируют информационные потоки – перемещающиеся во времени (передача информации) и пространстве (хранение информации)»⁹. Поскольку основным потребителем информации, циркулирующей в информационном пространстве, является человек, то все информационные процессы осуществляются

в соответствии с его информационными потребностями.

В сложившемся положении вещей заключается одно из опасных противоречий информационной эпохи: формируя информационное пространство и обеспечивая его существование и развитие, человек одновременно осознает, что само его биологическое существование поставлено в зависимость от уровня развития и скорости преобразования информационного пространства, играющего все возрастающую роль в жизни современного общества. В то же время трансформация информационного пространства в сторону интенсификации циркулирующих в нем информационных потоков несет в себе опасность снижения пропускной способности человеческого восприятия вплоть до полного его прекращения. Избежать этой опасности возможно, если усилить интеллектуальные способности человека. В настоящий момент решение этой проблемы – разработка новых информационно-коммуникационных технологий и создание на их базе информационных систем и новых методов обработки информации.

Примечания

- 1 *Столяров Ю.Н.* Онтологический и метонимический смыслы понятий информации // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества: Тр. 8-й Междунар. конф. «Крым-2001». Судак, 2001. Т. 1. С. 277–281.
- 2 *Масуда Й.* Информационное общество как постиндустриальное общество. М., 1997.
- 3 *Дзялошинский И.* Информационное пространство России: политическая метафора или научное понятие // Право знать: история, теория, практика. 2001. № 7/8. С. 56–57.
- 4 Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов. http://www-sbras.nsc.ru/win/laws/russ_kon.htm
- 5 *Потемкин В.К.* Пространство в структуре мира. Новосибирск, 1990. С. 17.
- 6 *Словарь прикладной интернетологии.* М., 2001.
- 7 Об информации, информатизации и защите информации. Федеральный закон от 25.01.95.
- 8 *Прохоров Е.П.* Журналистика и демократия. М., 2001. С. 195.
- 9 *Негодаев И.А.* На путях к информационному обществу. Ростов н/Д, 1999. С. 316.

УДК 821.161.1.09:801.73+929Тарковский

ЭОНОТОПОС В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. ТАРКОВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

С.В. Кекова

Саратовский государственный
социально-экономический университет,
кафедра истории культуры и искусства
E-mail: kekova@yandex.ru

Статья посвящена проблеме возможности религиозно-философской герменевтики поэтического текста. В качестве одного из инструментов такого анализа выбрана категория «эонотопоса», соотносимая с категорией «хронотопа». На примере творчества Арсения Тарковского, продолжающего философскую традицию русской лирики, проанализированы метаморфозы слова, происходящие в «эонотопосе» его поэтического мира в целом и в отдельных текстах.

Ключевые слова: эонотопос, имя, метаморфозы слова, преобразование, А. Тарковский.

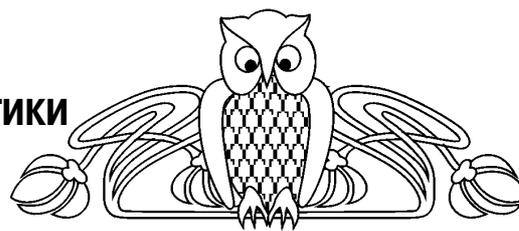
«Eonotopos» in the Poetical World of Arseniy Tarkovskiy: Problems of Religious-Philosophical Analysis of a Poetical Text

S.V. Kekova

The article is dedicated to the problem of the interpretation of the religious-philosophical text. One of the instruments of the analysis is the category of 'eonotopos', which is related to the category of 'chrontopos'. The philosophical tradition of Russian lyrical poetry is analysed on the material of Arseniy Tarkovskiy's poetry taking in view the transformation of the word in the 'eionotopos' of his poetical world.

Key words: aeonotopos, name, word metamorphosis, transformation, A. Tarkovsky.

Проблема восприятия и изображения времени и пространства в художественном произведении – одна из наиболее обсуждаемых в современной гуманитарной науке. В ряде работ, посвящённых изучению художественного хронотопа, наметилось особое направление, связанное прежде всего с анализом философских и богословских основ канонического церковного искусства и средневековой культуры в целом. В частности, в трудах В. Лепахина, посвящённых искусству иконописи, по аналогии с бахтинским термином «хронотоп» используется другой термин – «эонотопос». В исследовании «Икона и иконичность» в главе «Эонотопос в древнерусской литературе» В. Лепахин пишет: «Принцип иконичности – двуединства Первообраза и образа, Божественного и человеческого, небесного и земного – характерен не только для иконы, но и для всей древнерусской литературы, в частности, для трактовки времени и пространства. Чтобы обозначить особенности

понимания и изображения времени и пространства в Православии и древнерусской литературе, можно было бы говорить просто о «сакральном хронотопе», но такое словосочетание не выражает суть явления, поэтому мы предложили термин эонотопос (от греч. *эон* – вечность, век и *топос* – место, местность, область, страна, пространство)¹. Введение этого термина исследователь объясняет прежде всего тем, что в литературе Древней Руси, так же, как и во многих других средневековых христианских литературах, «... время не существует, не воспринимается и не изображается вне сопричастия вечности, а пространство можно скорее назвать внепространственностью ...»².

Эонотопос может изучаться, как показывает В. Лепахин, с разных точек зрения – с точки зрения богословской, научно-философской, литургической, а также с точки зрения позиции автора. Лепахин считает, что понятие «эонотопос» применимо не только для изучения средневековой, но и для анализа современной литературы, хотя он не есть чисто художественное явление и тем самым принципиально отличается от хронотопа.

Уже в трудах Бахтина мы находим некоторые подступы к проблеме эонотопоса; в частности, упомянутый выше термин «сакральный хронотоп» Бахтин употребляет в работах, посвящённых поэтике Достоевского. Бахтин пишет: «Действие совершается в хронотопических точках, изъятых из обычного хода жизни и из обычного жизненного пространства, в эксцентрических точках, в инфернальных, райских (просветление, блаженство, осанна) и чистилищных точках»³. В работе «Вопросы самосознания и самооценки» Бахтин пишет: «Организация пространства у Достоевского. Это не обычное художественное земное пространство, в котором человек прочно локализован и окружён. Эта организация пространства связана с Inferno... Всё действие совершается в Магометово мгновение. Время ничего не умерщвляет и не рождает, оно в лучшем случае только проясняет. Вся жизнь в одном мгновении»⁴.

Понятие «эонотопос», как нам кажется, обладает большим герменевтическим потенциалом, и метод анализа светской художественной литературы, при котором используется это понятие, может быть актуален и плодотворен с разных точек зрения: с точки зрения проблематики жанра, творческого метода, своеобразия мироощущения автора и т.д. Автор этого термина В. Лепахин го-

ворит о том, что «яркие энотопосы встречаются в поэзии Пушкина и Лермонтова, в прозе Гоголя, Лескова, Достоевского. Толстого, а XX веке в стихотворениях таких поэтов, как Вячеслав Иванов, Борис Пастернак, Николай Клюев, Сергей Есенин ...»⁵.

Хронотоп, как было показано в трудах Бахтина, присутствует в любом произведении искусства, энотопос же бывает явлен отнюдь не всегда. Но если художественное произведение воплощает энотопос, то в его силовом поле происходит преобразование слова. Суть этого преобразования в том, что слово приобретает духовную составляющую (кроме семантической и эстетической). Именно исследование процессов метаморфозы, преобразования слова в энотопосе, как нам кажется, – одна из важнейших задач философской герменевтики поэтического текста.

Одним из ярких поэтов XX в., в чьём творчестве мы встречаемся с явлениями энотопоса, противостоящего физическому времени и пространству, является Арсений Тарковский. Зачастую энотопос в художественной литературе появляется в текстах, в которых так или иначе представлена библейская тематика (хотя простое наличие библейской темы отнюдь не гарантирует «автоматическое» появление энотопоса). В творчестве Арсения Тарковского можно выделить целый пласт текстов, в которых всплывают так или иначе библейские мотивы, образы, реминисценции. Такие стихи, как «Степь», «Я учился траве, раскрывая тетрадь», «К стихам», «Я по каменной книге учу вневременный язык», «Как Иисус, распятый на кресте» и многие другие содержат в себе имя того или иного библейского персонажа. Так, в стихотворении «Я учился траве, раскрывая тетрадь» мы читаем: «И Адамову тайну я чудом открыл»⁶(1,65), в стихотворении «Степь» тоже появляется Адам: «И в сизом молоке по плечи / Из рая выйдет в степь Адам»(1,67), в стихотворении «К стихам» мы читаем: «И я раздвинул жар берёзовый, / Как заповедал Даниил»(1,64), в стихотворении «Надпись на книге» вторая строфа начинается такими словами: «Как птица, нищ, и, как Израиль, хром, / Я сам себе не изменил доньне»(2,59).

Характерной чертой поэтики Тарковского является то, что появление библейского имени создаёт особую внутритекстовую ситуацию. Следует заметить, что Тарковский никогда не обращается к именам библейских персонажей для того, чтобы написать стихотворение «на библейскую тему» (в отличие, например, от Б. Пастернака, А. Ахматовой, И. Бродского и других поэтов). В поэзии Тарковского явлен особый тип поэтического мышления, суть которого – осознание собственной судьбы, собственного экзистенциального опыта жизни и творчества через жизнь тех библейских персонажей, имена которых мы встречаем в стихах поэта.

Так, в уже упомянутом стихотворении «К стихам» присутствует имя пророка Даниила («И я раздвинул жар берёзовый, / Как заповедал Даниил, / Благословил закал свой розовый / И

как пророк заговорил»). Само имя Даниил и соотнесённое с ним слово «пророк» отмечены феноменом «двойного существования»: с одной стороны, они являются принадлежностью данного стихотворения, с другой – эти слова существуют в поле библейской образности, которая в свёрнутом виде присутствует в тексте Тарковского. Этот факт может быть и не замечен читателем, поскольку в стихотворении действует и другое «силовое поле» слов: традиционное для русской культуры, идущее от «Пророка» Пушкина, соотнесение поэта и пророка создаёт смысловой пласт, находящийся на поверхности и в каком-то смысле скрывающийся, маскирующий более глубинную связь.

В параллели поэт – пророк Даниил, реализованной в стихотворении «К стихам», присутствует и определённая историческая коллизия, которую можно было бы обозначить как коллизию поэта и власти. В стихотворении присутствует один из важных сюжетов из книги пророка Даниила: о трёх отроках, которые не поклонились золотому истукану, за что они были ввержены «в печь огненную». Пророк же Даниил возносил молитву и просил о милости истинного Бога, а не царя. Экзистенциальная позиция поэта Арсения Тарковского может быть в своей сущности уподоблена названным актам. Это пример далеко не единственный (что видно даже по тем цитатам, которые мы приводили выше), и мы можем сказать, что имена Адама, Давида, Иакова (Израиля), Исаяи, Лазаря, Петра и т.д. являются своеобразными коррелятами «домостроительства» поэтического мира Тарковского. Можно сказать, что в стихах Тарковского решается проблема сублимации как проблема «... возведения бытия по ступеням иерархии ценностей снизу вверх»⁷. В книге «Этика преображённого Эроса» Б.П. Вышеславцев говорит о том, что высшая сублимирующая и преображающая сила может принадлежать только святости. «Только образ, излучающий сияние святости, вызывающий мистический трепет, – только он сублимирует с предельной силой»⁸.

Таким образом, библейские имена в поэзии Тарковского – это «центры силы», своеобразные каналы, через которые вечность входит во время, а хронотоп поэтического текста преобразуется в энотопос.

В стихотворении «Я по каменной книге учу вневременный язык» таким «каналом» является имя величайшего библейского пророка Исаяи. Приведём это стихотворение полностью.

Я по каменной книге учу вневременный язык,
Меж двумя жерновами плыву, как зерно в камневерти,
И уже я по горло в двухмерную плоскость проник,
мне хребет размолотило на мельнице жизни смерти.

Что мне делать, о посох Исаяи, с твоей прямизной?
Тоньше волоса плёнка без времени, верха и низа.
А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной
Кожу мне холодила рогожная царская риза.(1,287)

Имя «Исайя» является духовно-энергетическим центром стихотворения, от которого расходятся своеобразные «крути», как бы «волны вечности», воплощённые в конкретных словесных образах «вневременного языка», плёнки «без времени, верха и низа». Эонотопос имени «Исайя» порождает и сложные, неоднозначные образы «каменной книги», «каменных жерновов», камневерти, камней пустыни, на которых собирается народ. Эти образы находятся между собой в особых отношениях, которые становятся понятными только благодаря тому, что происходит преобразование хронотопа стихотворения в эонотопос. Так, образ каменной книги, который можно интерпретировать и как Скрижали Завета, данные Моисею, и как Священное Писание, в целом – это одновременно и образ каменных жерновов, которые размалывают зерно человеческого тела. Жернова – как бы страницы Великой Книги, и в такую страницу «проникает», превращается в неё, пройдя через немислимые страдания, герой стихотворения («и уже я по горло в двухмерную плоскость проник»). «Двухмерная плоскость» священного «листа» каменной книги – это воплотившаяся вечность, которая во второй строфе явлена в строчке «тоньше волоса плёнка без времени, верха и низа».

В этом стихотворении мы находим также своеобразную реализацию метафоры «идти путём зерна». Сам этот образ восходит к евангельской притче о погибающем и воскресающем зерне. «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин., 12, 24).

В поэтической философии старшего современника Тарковского Владислава Ходасевича, поэта, которого ценил и на творчество которого опирался Тарковский, «путём зерна» идёт всё сущее, в том числе и сам поэт. Третья книга стихов Ходасевича так и называется «Путём зерна».

У Тарковского поэт тоже идёт «путём зерна», но у него смерть зерна иная. Здесь воплощается трагический опыт поэта второй половины XX в. Зерно, через образ которого решается образ человека, не бросается в землю, а размалывается. Это размалывание как будто бы говорит нам о смерти без воскресения. Но мука – это будущий хлеб, и, поскольку мы находимся в библейском контексте, логика развития этого образа ведёт к жизни – к Хлебу Жизни. Путь превращения в Хлеб Жизни – это путь страдания, путь жертвы, и только он даёт пророческую силу, пророческое слово и пророческий дар. Смысловой переход от первой ко второй строфе, на первый взгляд, не мотивирован. Но эта мотивация, безусловно, присутствует: как мы уже отмечали, путь страдания приводит поэта к тому, что в руках его оказывается «посох Исайи», одного из величайших пророков Ветхого завета. Именно в книге пророка Исайи мы встречаем пророчество о Рождестве Спасителя от Девы, и в этом контексте евангельская символика хлеба ассоциативно соотносится со скрытым, не

проявленным в стихотворении образом манны, которая была дарована избранному народу в пустыне во время исхода из Египта в землю обетованную. Последние две строки стихотворения («А в пустыне народ на камнях собирался, и в зной/ Кожу мне холодила рогожная царская риза») как раз и создаёт то ассоциативное поле, в котором возникает образ «манны небесной».

В контексте стихотворения «посох Исайи» – это пророческое слово поэта, указывающее путь народу, слово, которое, как манна, как хлеб небесный, необходимо людям, находящимся в духовной пустыне.

Мы видим, таким образом, что практически каждое слово стихотворения «Я по каменной книге учу вневременный язык» превращается в «иконослово» по терминологии В. Лепехина⁹. Соположение образов камня и хлеба в их священном символическом значении мы встречаем и в другом стихотворении Тарковского, посвящённом Григорию Сковороде:

.....
Топтал чабрец родного края
И ночевал – не помню где,
Я жил, невольно подражая
Григорию Сковороде,
Я грыз его благословенный
Священный каменный сухарь,
Но по лицу моей вселенной
Он до меня прошёл, как царь... (1,333–334)

В книге В. Эрн «Григорий Савич Сковорода. Жизнь и учение» говорится о странничестве, пустынножительстве Сковороды, о том, что «...в мешке у Сковороды хранилось самое большое его сокровище – еврейская Библия. Он не расставался с нею никогда. Относился к ней как к живому существу, называл её невестой своею...» (441). Говоря о том, что человеку для жизни нужно чем-нибудь питаться, Эрн пишет: «Он не сеял, не жал и во имя Господа, во имя мудрости, пользовался благодеяниями, которые оказывали ему его друзья, его почитатели и многочисленные люди, дивившиеся с хорошим чувством его необычайной, чудаческой и в то же время праведной жизни... он брал у друзей своих физические крохи, безусловно необходимые для его жизни, ... отказываясь от всего, что предлагали ему лишнего...»¹⁰ (442–443). Как мы видим, тема «хлеба насущного» рассматривается в работе Эрн о Сковороде в уже привычных для нас терминах: Эрн говорит о том, что философ «не сеял, не жал», пишет о «физических крохах» – и перед нами, конечно, встаёт образ хлебных крошек. В то же время Эрн отмечает, что для Сковороды наиважнейшим было слово Христа «Не хлебом единым жив человек». «О сем последнем ангельском хлебе день и ночь печётся Сковорода», – читаем мы в работе Эрн. Эти мысли и образы корреспондируют с образом «священного каменного сухаря» из стихотворения Тарковского, образа, который содержит в себе как прямой вещественный смысл, так и смысл символический. Этот

символический смысл напрямую связан с Библией, которая является одной из центральных тем философии Сковороды. Эрн пишет: «Отношение Сковороды к Библии настолько живое, личное, трепетное, влюблённое и исключительное, настолько Библия центральна для философского сознания Сковороды, что объяснить это отношение одним влиянием отцов Церкви никак нельзя. Сковорода вносит в отношение к Библии такую страстную личную ноту, что, очевидно, внутренняя неотразимость проблемы Библии была почувствована им глубочайшим образом и была осознана с творческою, первоначальною радостью»¹¹. Тарковскому, на наш взгляд, свойственно подобное же отношение к Священному Писанию, однако, в отличие от Григория Сковороды, оно выражено имплицитно, прикровенно, представляя своего рода «подпочвенные воды», которые питают поэзию Тарковского. В стихотворении «Полевого госпиталя», сюжет которого – пребывание на грани смерти и возвращение к жизни, Тарковский пишет: «Мне губы обметало, и ещё / Меня поили с ложки, и ещё / Не мог я вспомнить, как меня зовут, / Но ожил у меня на языке / Псалом царя Давида» (1,130). В другом варианте стихотворения в строке «псалом царя Давида» вместо слова «псалом» мы читаем слово «словарь». Можно сказать, что именно «словарь царя Давида» – это и есть истинный источник поэтического слова Тарковского.

В наиболее полном трёхтомном собрании сочинений А. Тарковского мы не найдём ни одного переложения псалмов Давида. Но тем не менее такой опыт у Тарковского был. В книге П.Д. Волковой «Арсений и Андрей Тарковские» приводится автограф поэта, который представляет собой парафраз 68 псалма. Характерно, что «словарь» этого парафраза есть своеобразный инвариант словаря Тарковского; во многих стихах, лишённых, на первый взгляд, «библейского эха», слова как бы «наэлектризованы», в них живут священные смыслы. Сам Тарковский, говоря о поэзии, о «тайне сильной мысли и обогащённого слова» (2,196), постоянно повторяет одну и ту же мысль: «... слово само по себе шире понятия, заключённого в нём, по своей природе оно – метафора, троп, гипербола» (2,223); «... есть слова в языке, которые уже сами по себе поэзия, потому что в них уже есть произведённый выбор: звезда, корабль, соль – может быть, почти весь язык. Но сообразно вкусам – особенно несколько слов» (2,205); «... каждое слово даже в обособленном виде – метафора (особенно в нашем языке) и работает само за себя» (2,220–221). Поэтическая и философская интуиция Тарковского находит свою опору в богословской мысли. О. Георгий Флоровский, говоря о человеческом слове в аспекте его соотношения со Словом Божиим, пишет: «Человеческий язык несколько не ослабляет абсолютность Откровения, не ограничивает силу Божьего Слова. Слово Божие может быть строго и точно выражено на языке человека. Человек способен слышать Бога, способен Его услышать, может вместить и соблю-

сти Божие Слово. Слово Божие не умаляется и не бледнеет от того, что Бог благоволил говорить на языке человека»¹². И далее: «Когда божественная истина сказуется, изрекается на человеческом языке, самые слова преобразуются. И то, что истины веры открываются в логических образах и понятиях, свидетельствует о преображении слова и мысли, – слова становятся священными... Это значит, что через изречение Божественной истины определённые слова, то есть определённые понятия и категории, увековечены»¹³. Именно эти «увековеченные слова», то есть слова-энотопосы, как нам кажется, Тарковский и называет «словами-метафорами», «словами-гиперболами», «словами-тропами». Именно они являются энергетическими сгустками, священными центрами в пространстве поэтического текста Тарковского.

Мы показали особую природу библейских имён в поэзии Тарковского, но не только они могут превращать хронотоп стихотворения в энотопос. Такие слова, как хлеб и вода, небо и земля, соль и желчь, плоть и кровь, ницета и тшета, царь и нищий, степь и пустыня, птица и камень, зерно и посох и т.д. имеют в поэзии Тарковского особую природу. Сквозь них просвечивает иная, священная реальность, внутри которой отчётливо осознаётся живая связь Бога и мира. Арх. Киприан Керн в труде «Антропология св. Григория Паламы» пишет: «Сам Спаситель учит нас такому подходу к миру явлений»¹⁴. И далее: «В Его притчах предметы, так сказать, самые прозаические, приобретают иной смысл и открывают свою потаённую суть, вводят в мир иных реальностей. Тогда зерно, закваска, вскипящая тесто, невод, соль, лоза и под. открывают нам тайны, скрытые от телесного взора. За этими предметами внешнего мира видятся истинные их логосы, смыслы высшего бытия»¹⁵.

В стихотворении «Голуби на площади» одним из таких «простых слов», сквозь которые просвечивает священный смысл, является слово «глина».

Я не хуже, не лучше других,
И на площадь хожу я со всеми
Покупать конопляное семя
И кормить голубей городских.
Потому что я вылепил их,
Потому что своими руками
Глину мял я, как мёртвые в яме,
Потому что от ран штыковых
Я без просыпу спал, как другие,
В клейкой глине живее живых,
Потому что из глины России
Всем народом я вылепил их. (2,66)

В стихотворении оно обозначает и тот «материал», из которого вылеплены голуби, и реальную окопную глину, пропитанную солдатской кровью, и вещество родной русской земли, и ту глину, из которой создан человек согласно библейскому повествованию. Первый человек и назван Адамом по тому материалу, из которого он создан: Адама

в переводе с древнееврейского означает «красная земля», «красная глина».

Таким образом, мы видим, что, подобно тому, как в художественном тексте может происходить оживление внутренней формы слова, в этом стихотворении Тарковского происходит оживление «библейского», священного слоя в слове. Но в стихотворении мы наблюдаем и другое явление. Своеобразный процесс «усвоения» евангельского смысла происходит со словосочетанием «штыковые раны». С одной стороны, именно это словосочетание в языковой плоти стихотворения является единственным «знаком» той страшной войны, которую пережил русский народ. Но в контексте нашего анализа «штыковые раны» преобразуются в «язвы гвоздинные» и «прободенное ребро» Христа. Не случайно в других стихотворениях о войне Тарковский раскрывает состояние человека на войне как «крестную муку». И это, безусловно, не просто метафорическое употребление вошедшего в язык евангельского выражения, а оживление его изначального смысла. В стихотворении «Земля» Тарковский пишет:

К тебе, истомившись, потянутся руки
С такой наболевшей любовью обнять,
Я снова пойду за Великие Луки,
Чтоб снова мне крестные муки принять.(1,134)

Таким образом, в поэтическом мире Тарковского мы встречаем не только разные виды хронотопов, но и энотопосы. Реализация энотопоса осуществляется посредством определённых поэтико-религиозных философем. Такими философемами являются во-первых, определённые состояния человеческого бытия и духа (детство, творчество, любовь, страдание, смерть). Во-вторых, вхождение вечности во время реализуется на уровне слова, которое само по себе энотопично (это может быть имя библейского персонажа или обычное,

«простое» слово, сохранившее в себе священный слой). В силовом поле энотопоса все остальные слова поэтического текста претерпевают различные метаморфозы, исследование типологии которых является насущной задачей религиозно-философской герменевтики поэтического текста.

Примечания

- ¹ *Лепяхин В.* Икона и иконичность. СПб., 2002. С. 291.
- ² Там же. С. 291.
- ³ *Бахтин М.М.* Риторика в меру своей лживости // Автор и герой. СПб., 2000. С. 233.
- ⁴ *Бахтин М.М.* Вопросы самосознания и самооценки // Там же. С. 244.
- ⁵ *Лепяхин В.* Указ. соч. С. 308; *Он же.* Икона в русской художественной литературе. М., 2002; Применение некоторых аспектов методологии Лепяхина в анализе времени и пространства поэтического мира И. Бродского представлено: *Измайлов Р.Р.* Хронос и Топос: поэтический мир И. Бродского. Саратов, 2006.
- ⁶ *Тарковский А.* Собрание сочинений: В 3 т. М., 1993. Все цитаты стихотворений Тарковского даются по этому изданию; в скобках указывается номер тома и страница.
- ⁷ *Вышеславцев Б.* Этика преображённого эроса. М., 1994. С. 67.
- ⁸ Там же. С. 67.
- ⁹ *Лепяхин В.* Икона и иконичность. СПб., 2002, С. 172.
- ¹⁰ *Эрн В. Г.* Сковорода. Жизнь и учение // *Борьба за Логос. Г. Сковорода. Жизнь и учение.* Минск; М., 2000. С. 442–443.
- ¹¹ Там же. С. 509.
- ¹² *Флоровский Г.* Богословские отрывки // *Вера и культура.* СПб., 2002, С. 441–442.
- ¹³ Там же. С. 449–450.
- ¹⁴ *Керн Киприан, арх.* Антропология св. Григория Паламы. М., 1996, С. 327.
- ¹⁵ Там же. С. 327.

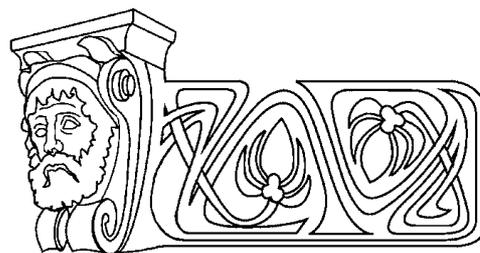
УДК 101.1:316

ФЕНОМЕН ОТЧУЖДЕНИЯ КАК АТРИБУТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

А.Л. Крайнов

Институт социального образования (филиал) Российского государственного социального университета в г. Саратове, кафедра рекламы и маркетинга
E-mail: alkraiov@yahoo.com

В статье проводится социально-философский анализ современных интеграционных процессов, в основе которых лежит идея тотального объединения людей посредством новых информационных технологий. Компьютерные сети, Интернет, сотовая связь, выступая, с одной стороны, мощным средством коммуникации, способствуют виртуализации социального бытия, подмене реального общения, утрате истинных социальных связей.

Ключевые слова: глобализация, отчуждение, информационная цивилизация, социальные сети, виртуальность, жизненное пространство.

Phenomenon of Alienation as Attribute of Globalization: Cultural Aspect

A.L. Krainov

In clause the socially-philosophical analysis of modern integration processes in which basis the idea of total association of people by means of new information technologies lays is spent. Computer

networks, the Internet, cellular communication, acting, on the one hand, powerful means of the communications, promote virtualization of social life, substitution of real dialogue, loss of true social communications.

Key words: globalization, alienation, digital civilization, social nets, virtuality, environment.

Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, основными характеристиками которого являются распространение капитализма по всему миру, мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты денежных, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение культур разных стран.

Для культурной глобализации характерно сближение деловой и потребительской культуры между разными странами мира, широкое использование английского языка для международного общения, рост употребления Интернета для получения информации и общения, распространение по всему миру американских фильмов, телепередач и программного обеспечения, а также рост международного туризма. Таким образом, глобализация в культуре тесно связана с американизацией. Например, сеть ресторанов быстрого питания McDonald's и один из их бургеров БигМак уже давно стали универсальными символами культурной глобализации общества¹.

Показательно в этой связи существенное различие в понимании проблем культурной глобализации между западным и отечественными учеными. На Западе культурную глобализацию, как правило, оценивают положительно и интерпретируют сквозь призму эмпирических культурных течений и социальных процессов, рассматривающихся как движение от «центра» к «периферии», которая, согласно этим теориям, воспринимает культурные влияния, видоизменяя их и придавая им новую форму². Подобные процессы восприятия описываются теориями культурной «гибридизации», «созревания» и «креолизации»³. В России, напротив, глобализация за редким исключением оценивается отрицательно и понимается как политический или даже идеологический проект, «инициированный и проводимый Западом»⁴. Глобальное общество рассматривается как западная идея; мировая культура приравнивается к американизации «периферийных» национальных культур, а экономическая и политическая глобализация интерпретируются как средства придания России (и всем иным цивилизациям) второстепенной роли в интересах Запада и прежде всего США. В области культуры западный экспансионизм в основном приписывается Америке и, в частности, американской «поп-культуре». Глобальная информационная сеть описывается как «проводник американской культуры и национальной идеологии».

Таким образом, одним из последствий культурной глобализации как американизации является жесткое подавление и выхолащивание национальных культур, что, вне всякого сомнения, ведет к обеднению мировой цивилизации. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, где в одномерном унифицированном мире люди, лишенные ценностей национальной культурно-религиозной идентичности, получают счастье зависимых существ.

Данные тенденции могут также спровоцировать жесткую реакцию со стороны незападных наций и породить предсказанное Хантингтоном столкновение цивилизаций⁵.

Наиболее ярким атрибутом глобализации из перечисленных выше является объединение общества посредством глобальной информационной сети Интернет. Сегодня многие видят в ней панацею от всех социальных проблем, так как Интернет позволяет получать любую информацию из различных точек земного шара, позволяет общаться, смотреть телепередачи, участвовать в аукционах, слушать музыку, организовывать свой досуг. Такой огромный потенциал новых коммуникационных технологий вызывает у современного поколения безудержную страсть к обладанию доступом в эту манящую соблазнами сеть, рождает у них новые ценности, формирует новые социальные цели, конструирует новую реальность.

Безусловно, для социально-экономического развития и военного потенциала государства наличие такого канала оперативного реагирования, каким является Интернет, крайне важно. Если обратиться к истории, то первоначально данная сеть была разработана Калифорнийским университетом по заказу министерства обороны США для повышения обороноспособности страны. Но мы рассматриваем социокультурный аспект данного феномена.

Сегодня можно с уверенностью констатировать факт, что Интернет конструирует новую реальность и формирует нового человека. О виртуальном бытии сказано много. Чтобы не повторяться, сделаем акцент на проблеме социального отчуждения как атрибуте глобализации. На первый взгляд, данные вещи несовместимы. Ведь общение посредством Интернет предполагает поиск новых друзей, установление социальных связей, интеграцию в глобальные процессы современности. Эти «плюсы» имеют ценность только для виртуальности. Как показывает практика, вся коммуникация в мире грез на 90% там и остается, оставляя в реальном мире пустоту и незаполненность социального бытия. Оставшиеся 10% виртуальных связей имеют под собой прочные реальные основания, устойчивые социальные связи, которые были сделаны при живом непосредственном общении.

Сегодня во всем мире все большую значимость приобретают так называемые социальные

сети. По статистике comScore, за последний год количество пользователей этих сервисов выросло в несколько раз⁶. К ним относятся «Moikrug.ru», «Odnoklassniki.ru», «Vkontakte.ru», «Sosedi-online.ru», «Vspomni.ru», «MySpace.com», «Facebook.com», «Hi5.com», «Friendster.com», «Orkut.com», «Bebo.com», «Tagged.com». Для современных подростков становится модным встречаться в онлайн и общаться с помощью таких сервисов как MySpace и Odnoklassniki. Представители нового поколения, которые выросли в онлайн, просто не помнят времени, когда Интернета не существовало. Для них это нормальное поведение – «тусоваться» именно в Сети, а не в кино, дискотеке или клубе, как это делали их папы и мамы.

Сегодня особенно опасным становится психологическое влияние социальных сетей на потенциального их члена. Вас там оценивают, выставляют баллы вашим фотографиям, вы не можете присутствовать инкогнито на сайте, вы постоянно стараетесь угодить требованиям самого сервиса, с одной стороны, и требованиям вновь приобретенных социальных групп – с другой. Более того, когда вы надоедите новым знакомым, вас могут просто удалить из друзей нажатием одной кнопки, и вы сразу же узнаете об этом. Такой стереотип общения участники социальных сетей невольно будут переносить в реальную жизнь. Но как нажать кнопку в реальной жизни и сразу же устранить неприятного нового или старого знакомого?

Самым последним явлением виртуальности стало возникновение антисоциальных сетей. Новые сервисы являются зеркальным отражением идеи современных социальных сетей – не дружить, но ненавидеть. Технически оставаясь социальными сетями – те же узлы-люди и связи-отношения, дают выход для отрицательной эмоциональной энергии участников. Управлять группами ваших врагов вы можете посредством сервиса Enemybook.com, составлять списки ненависти через Snubster.com, а если нужно кого-то хорошенько отругать – вам поможет Hatebook.org. «Враг вашего врага – ваш друг!» – девиз данного сервиса⁷.

Несложно представить, что рано или поздно такие отношения из сети перейдут в реальность, что только повысит уровень криминала в мире и еще больше разобьет людей. В чем же глобализация?

Получается парадоксальная ситуация: поколение-net избегает реальности, предпочитая общаться посредством монитора и клавиатуры. Более того, такое общение все больше удаляет людей друг от друга, изолирует их пределами комнаты или офиса с выходом в Интернет. Чем объяснить такой феномен? Такое отчуждение приводит не только к псевдообщению, оно формирует совершенно асоциального человека. Как ни странно данное суждение, но если большую часть времени современный подросток проводит

в сети, а остальное время спит, то у него не останется ни минуты на то, чтобы активно участвовать в жизни социума.

«Журналисты взяли несколько интервью у подростков, которые «живут» в онлайн-социальных сетях, таких как MySpace. Они объясняют, что воспринимают страницу MySpace неотрывно от своей личности. Твоя страница – это и есть ты»⁸.

Следствием подмены виртуальным бытием основного зачастую является физическая неполноценность, хроническая болезненность, нервная истощенность, отсутствие желаний, кроме желания укорененности во вновь созданном мире.

Эти факторы и вовлеченность в путешествие по Интернету с одного сайта на другой приводят к тому, что люди начинают воспринимать компьютеры как продолжение своей личности в «пространстве», отражающем их вкусы и интересы. В терминах психоанализа компьютеры и киберпространство можно рассматривать как тип «промежуточного пространства» (transitional space), расширяющего внутренний психический мир человека. Это состояние может настолько захватывать, что временами происходит растворение собственного «Я», деперсонализация и отожествление, к примеру, с личностью персонажа игры, проходящей на экране⁹.

«Люди, общаясь в Интернете, регрессируют. Это очевидно», – так начинает свою статью о регрессе в Интернете английский филолог Norman Holland¹⁰. И дальше развивает свою мысль, показывая три основных признака регрессивного поведения в киберпространстве:

- болтливость;
- сексуальная озабоченность;
- ничем не обоснованная чрезмерная щедрость и открытость.

Он прослеживает появление этих регрессий из реакций переноса на компьютер – бессознательные фантазии о силе, доминировании, сексе, нарциссическом любовании и родительской любви. Основой регрессии является тенденция людей к смешиванию понятий человека и машины. В киберпространстве люди бессознательно воспринимают машины как живых людей и в то же время общаются и с людьми как с чем-то меньшим, чем человек, – в результате снятия запретов на сексуальное и агрессивное поведение.

Само понятие виртуального секса стало возможным только с возникновением Интернет. Анонимность, которая обеспечивается глобальной сетью, дает безграничные возможности к смене половых ролей и индивидуальности. Никогда не знаешь, кто находится на другом конце кабеля, – мужчина или женщина, подросток или старик, порядочный юзер или коварный мошенник. Есть лишь образ собеседника – его виртуальный двойник, которого вы любите или ненавидите, с которым вместе переживаете и общаетесь.

Покойный ныне Ж. Бодрийяр метко применял понятие симулякра для обозначения подобных феноменов¹¹. Нищета и эмоциональная скудность нашей повседневной жизни замещаются приобщением к виртуальному миру зрелища – самому крутому наркотику нашего времени. Возникает полная иллюзия сопричастности с происходящими, пусть и не реальными событиями.

«Можно предположить, что фантастический успех искусственного разума вызван тем, что этот разум освобождает нас от разума природного; гипертрофируя операционный процесс мышления, искусственный разум освобождает нас от двусмысленности мысли и от неразрешимой загадки ее отношений с миром. Не связан ли успех всех этих технологий с функцией заклинания злых духов и устранения извечной проблемы свободы? Какое облегчение! С виртуальными машинами проблем более не существует. Вы уже не являетесь ни субъектом, ни объектом, ни свободным, ни отчужденным, ни тем, ни другим: вы все тот же, пребывающий в состоянии восхищения от коммутаций»¹².

Вытесненная на периферию скучная бытовая реальность служит нам только неким неприятным дополнением виртуальной гиперреальности, внося душевный разлад в созданную идиллию. В своей повседневной жизни человек постоянно вживается в образы навязанных извне персонажей, воспринимает еще вчера чуждые ему модели поведения. Таким образом, наряду с поведенческими стереотипами человек воспринимает и заложенные в них идеологические установки и штампы. Никто и ничто больше не заставляет нас поступать так, а не иначе. Нам лишь настойчиво, раз за разом, повторяют однотипные ситуации, доводя до автоматизма наши ответные реакции. По существу никакая идеология, внушаемая коллективно, теперь не нужна, достаточно стереотипов поведения, навязанных, например, той же телевизионной рекламой или официальной пропагандой.

По мысли автора теории «виртуального общества» А. Бюля, с развитием технологий виртуальной реальности компьютеры из вычислительных машин превратились в универсальные машины по производству «зеркальных» миров¹³. В каждой подсистеме общества образуются «параллельные» миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества: экономические интеракции и политические акции в сети Интернет, общение с персонажами компьютерных игр и т.п. Процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства как места воспроизводства общества пространством виртуальным Бюль называет виртуализацией.

Модель «виртуализации социального» М. Паэту¹⁴ базируется на теории Н. Лумана, в которой общество определяется как система коммуникаций¹⁵. Паэту интерпретирует воз-

никновение гиперпространства сети Интернет как результат «использования» обществом новых форм коммуникации для самовоспроизводства – «аутопойесиса», по терминологии Лумана. Наряду с традиционными формами – «реальной» интеракцией и организацией, коммуникация посредством компьютера вносит вклад в производство социальности. Изменение общества рассматривается как структурная дифференциация системы вследствие появления в ней новых элементов – виртуальных аналогов реальных коммуникаций. Представление о перманентной структурной дифференциации играет в системной теории столь же фундаментальную роль, что и тезис о перманентном росте производительных сил в историческом материализме. Поэтому виртуализация социального рассматривается как просто очередной системный эффект.

В эпоху постмодерна сущность человека отчуждается уже не в социальную, а в виртуальную реальность. Речь в данном случае идет не только о так называемых киберпанках – людях, для которых смыслом жизни стало погружение в миры компьютерных симуляций и «бродяжничество» по сети Интернет, хотя именно киберпространство – базовая для предлагаемой концепции метафора. В виртуальной реальности любого рода человек имеет дело не с вещью, а с симуляцией¹⁶. Человек эпохи модерна, застающий себя в социальной реальности, воспринимает ее всерьез, как естественную данность, в которой приходится жить. Человек эпохи постмодерна, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно «живет» в ней, сознавая ее условность, управляемость ее параметров и возможность выхода из нее.

Гипертекст, как атрибут информационного общества, все больше погружает личность в глубины симуляции и виртуальности. Главное отличие гипертекста от традиционного печатного текста заключается в многомерности и объемности первого. Текст эпохи книгопечатания линейный и предсказуемый. Гипертекст, напротив, дает человеку массу возможностей переходов по гиперссылкам ссылок. Одни ссылки являются актуальными, другие, напротив, ложными, третьих вообще не существует. Есть только симуляция референта в виде гипертекстовой ссылки, которая ни с чем не связана и ни к чему не приводит. Именно эта качественная трансформация самой природы текста указывает на вхождение в постгуттенбергову эру – текст более не может мыслиться исключительно в качестве линейно выстроенного, имеющего определенную направленность, структуру и границы, то есть он перестает соответствовать принципам, наложенным как станком Гуттенберга, так и мировоззрением модерна, и становится воплощением постмодернистского мироощущения¹⁷.

Особого внимания заслуживает такой феномен глобализации, как реклама. Именно она обретает самостоятельное бытие. Инфор-

мационные технологии обеспечили ей ту привилегированную роль, которую она занимает в современной культуре. Реклама – это не что иное, как симуляция. Если на заре становления рекламного обращения оно было соотносено с означаемым рекламируемым объектом (вещью или услугой), то сегодня реклама трансформировалась в самостоятельное пространство, функционирующее по своим законам. Реклама призвана формировать образы, имидж, бренд рекламируемого товара. Но зачастую созданные бренды-образы обретают самостоятельное бытие и переживают сам товар, бывший когда-то их референтом. Бренды руководят массовым сознанием, заставляют человека совершать определенные поступки и покупки. Если на заре становления товарно-денежных отношений вещи приобретались с точки зрения их функциональности, то сегодня приобретаются вовсе не вещи, а образы, которые данные вещи будут ассоциировать у других людей. Под влиянием раскрученных брендов совершается большая часть покупок и действий. Образ, навязываемый человеку по каналам массовой коммуникации, способен поставить его на более высокую социальную ступеньку или опустить вниз. Все дело в социальных ожиданиях. Если вы бизнесмен средней руки, то общество от вас ждет обладания определенными вещами: иномаркой, собственной квартирой, дорогой одеждой. При игнорировании социальных ожиданий вы рискуете попасть в аутсайдеры, утратить часть социальных связей и престижа.

Если рассматривать рекламу как вещь в себе, то в информационной глобальной сети Интернет этому есть много примеров: баннерообменные сети, «мертвые» сайты, реклама без адреса. Интернет является наилучшей средой для бытия рекламы как симуляции. Очень много рекламных обращений в сети существуют сами по себе, не соотносясь ни с какими ресурсами или товарами. Интернет-сайт может перестать обслуживаться в связи с неплатой фирмой за хостинг, а баннерообменные сети все еще будут транслировать его рекламу, которой потенциальный клиент никак не сможет воспользоваться.

Рассмотренные выше примеры деперсонализации личности в результате ее подчинения миру виртуального заставляют задуматься о вреде такого феномена, как Интернет. Но есть и другая сторона медали, связанная с социальным расслоением на основе причастности к сетевым информационным технологиям.

С прочным вхождением информационных технологий в повседневное пространство личности возникает феномен цифровой дискриминации. Это дискриминация по степени вашей принадлежности к вычислительным благам: к компьютеру, к Интернету, к ресурсам, позволяющим выполнить за вас гигантскую работу. Слабое подобие цифровой дискриминации сегодня – это возрастающие

требования к человеку, который устраивается на работу, к его компьютерной грамотности, к его возможностям эффективно использовать компьютер в своей повседневной работе. Цифровая дискриминация – это отсутствие компьютера, неумение им пользоваться, незнание Интернета, недоступность Интернета. Если все это – про вас, то вам следует понимать, что ваши возможности найти хорошую работу с каждым годом все увереннее и увереннее будут стремиться к нулю. И если сегодня вам отказали на трех вакантных местах из десяти, то завтра откажут в пяти, а послезавтра – в десяти из десяти.

Таким образом, глобализация представляет собой довольно сложный неясный и противоречивый процесс, суть которого до сих пор непонятна. В макроэкономическом масштабе еще можно обосновать значимость тенденций глобализации, но в масштабе конкретной личности это сделать не совсем просто. Попытка глобального подгона мира под единые стандарты, навязываемые рядом организаций, таких как Организация Объединенных Наций, Всемирная торговая организация, Европейский союз, НАТО, МВФ и Мировой Банк, проходит без учета интересов отдельно взятого человека, его ценностных приоритетов, духовного мира.

Стремясь объединить общество средствами Интернет-технологий, необходимо в то же время оградить его от соблазна спроецировать свою жизнь в новую реальность. Сегодня попытки взять Интернет под контроль ограничиваются только запретом выкладывать детские фотографии на сайты знакомств или сайты социальных сетей, хотя педофилы были задолго до возникновения этих сайтов. Если мы строим гражданское общество и правовое государство, следует более жестко контролировать сферу Интернет, не допуская удвоения данной коммуникационной сетью социального бытия.

Примечания

- 1 Алле М. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М., 2003. С. 45.
- 2 Alonso J.A. Globalisation, civil society, and the multilateral system // Development in practice. Oxford, 2000. Vol. 10. № 3/4.
- 3 Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2001.
- 4 Малиновский П. Россия в контексте глобальных тенденций современности // <http://www.archipelag.ru>
- 5 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- 6 Материал с сайта <http://www.comscore.com/>
- 7 По материалам Рубикон.Ру <http://rubicon.ru/articles/639.html>
- 8 Ализар А. Поколение «MySpace» и бум социальных сетей // Вебпланета. 2006. <http://www.webplanet.ru/news/internet/2006/1/23/myspace.html>

- ⁹ Алексенко Н.Н. Психоаналитические аспекты поведения человека в киберпространстве // Журнал практической психологии и психоанализа. М., 2000. № 3. С. 25–26.
- ¹⁰ См.: Holland N. The Internet Regression. (Psychoanalytic Studies e-journal, 1996).
- ¹¹ См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1993.
- ¹² Бодрийяр Ж. Ксерокс и бесконечность. М., 1990.
- ¹³ Bühl A. Die virtuelle Gesellschaft. Ökonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen, 1997.
- ¹⁴ Becker B., Paetau M. Viralisierung des Sozialen. Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt, 1997.
- ¹⁵ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. М., 1999.
- ¹⁶ Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.
- ¹⁷ Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.

УДК 111.1

ИСКУССТВО В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Лапченко

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: filosof@info.sgu.ru

В статье осуществляется попытка рассмотрения искусства как одного из факторов, направляющих развитие общества, утративших сегодня свою значимость. Обращаясь к моменту возникновения творческих усилий человека, автор делает вывод, что подобные усилия возникают на основе особого отношения человека с миром.

Ключевые слова: развитие, искусство, общество, современность, культура.

Art in Intellectual Aerial of the Modern Society

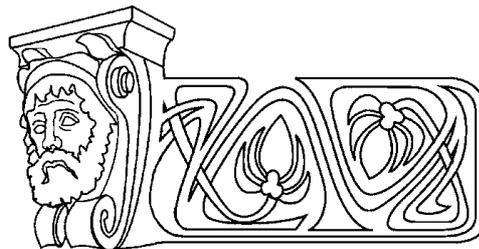
A.V. Lapchenko

In the article «Art in intellectual aerial of the modern society» is produced trial of the inspecting art as the one of the factors which is directing development of the society. The factors lost their meanings. Appealing to the moment of the appearing of the creating efforts of the human, the author does the conclusion that those efforts appeared on the special basis of the attitude human with the world.

Key words: development, art, society, modern times, culture.

Истины эстетического порядка всегда занимали особое положение в противопоставлении истинам порядка социального. Искусство, содержащее в себе отрицание, прорыв, осуществляло преобразование фактического существования человека и в этом заявляло утвердившемуся порядку о его собственной возможности. Думается, именно поэтому литература стала пространством, активно «обживаемым» философскими идеями, что особенно отчетливо проявилось в экзистенциальной философии XX в.

Сегодня критическая функция искусства – лишь ностальгия по безвозвратно ушедшему. Изменение отношения между двумя порядками истины (истины искусства и истины социального) или даже их взаимопроникновение – свершившийся факт, описанный и исследованный философами

и культурологами. Ж. Бодрийяр писал: «Нужно рассматривать наше современное искусство как ритуальную практику, которая выполняет важные антропологические функции, но не вызывает никаких эстетических суждений... так мы можем вернуться на примитивную стадию развития культуры и начнем культивировать ультра- или инфраэстетику»¹. Искусство больше ничего не утаивает, но и не содержит, нет больше вопросов о красивом и некрасивом, реальном и ирреальном, трансцендентном и имманентном. Проникнув во все сферы жизни, изображая реальность реального, подчеркивая повседневность повседневного или наивность наивного, единственная истина, которую выражает искусство, – это истина меркантильного мира, оценивающего его как товар.

Немногом ранее Бодрийяра, как показывает сравнительный анализ, схожие идеи высказывал Г. Маркузе: «Образы искусства утратили свою подрывную силу, свое содержание – свою истину. Благодаря такому превращению они стали частью повседневной жизни. Отчуждающая сила произведений интеллектуальной культуры приняла вид хорошо знакомых товаров»². Сущность искусства, драматизм и накал произведения оказываются выхолощены социальной действительностью. Многие образы литературы прошлого сегодня не могли бы возникнуть – им просто не нашлось бы места. Институализация психологии превращает Гамлета в пациента психоаналитика, а либерализация сексуальной морали сводит на нет внутренний конфликт мадам Бовари. Произведения встраиваются в существующий порядок вещей и начинают циркулировать в нем как «часть механизма», становясь функциональными элементами украшения, развлечения или психоанализа существующего порядка.

Но проблема даже не в том, что современное искусство уже не может дать нам произведения

и образы, масштабность которых захватывает дух, повергая нас в благоговейное оцепенение, которое сродни кантовскому переживанию возвышенного при встрече с величием океана. Проблема, как уже было сказано, состоит в том, что искусство, поглощенное социальной действительностью, не может заявить человеку о возможности качественно иных изменений человеческого существования, общества, культуры в целом, результатом чего является не только столь распространенное сегодня ощущение бессмысленности, но и непосредственно связанные с ним «болезни общества», изнутри разрушающие «сытое тело» постиндустриальной цивилизации. Но не будем голословны в своих утверждениях, а попробуем развить сказанное, представив один из вариантов происхождения творчества.

Уже на ранних стадиях человеческой культуры возникает первобытное искусство, дошедшее до наших дней в разнообразных окаменелостях и артефактах, а также в наскальной живописи. На что указывает начало символического отображения человеком мира, своей деятельности и, в конечном счете, самого себя как части этого мира? И что явилось причиной подобного – религия или искусство? Наука при ответе на этот вопрос указывает на зачатки религиозного мировоззрения, которые появляются у человека, выделившегося благодаря труду из животного мира, и связывается с желанием «приручить» неизвестный мир, заручившись сверхъестественной поддержкой природных сил, в труде, «хозяйственных делах», охоте, собирательстве и так далее. М. Дюфрен, отвечая на вопрос «о первичности», говорит, что на ранних стадиях человечества он не имел смысла, «религия и искусство отделяются друг от друга значительно позже». Символическое отображение, то есть первобытное искусство, являлось непосредственным выражением связи человека и природы.

Как видится, в связи человека и природы можно обнаружить указание на «духовный» облик первого человека. Конечно, понятие «духовный» в данном случае несколько условно, тем не менее, выяснив, что именно выступает в качестве источника связи человека с природой и какой характер она имеет, мы сможем понять «идеальное» содержание возникающей культуры. Указывая на источник символического отображения мира, М. Дюфрен видит его в исконной близости человека и природы, своего рода эстетическом мироотношении, в котором раскрывается предчувствие будущей возможности реального: «природа способна к красоте; это значит, что она несмотря на эмпирическую стихийность, которая к тому же не является собственно природной, поскольку всегда несет на себе отметину человеческого разума, есть скрытая возможность», это возможность формализовать чувственные формы в реальные объекты³. И произведения искусства, и научные системы имеют один общий источник в эстетическом ощущении: «один и тот же опыт

свидетельствует о том, что единство поэзии и науки имеет свое начало не в человеческом логосе, не в его конституирующей деятельности, а в самой природе... в этой встрече, до появления языка, говорит сама природа»⁴. Но что за «голос природы», о котором говорит Дюфрен? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к наиболее архаичным пластам человеческой психики.

Исследуя коллективное бессознательное, К.Г. Юнг⁵ выделяет две формы мышления: *определенно-направленное мышление* и *мечтание, или фантазирование*. Определенно-направленное мышление функционирует при помощи элементов речи и направлено на создание приспособлений, воздействующих на действительность, тогда как фантазирование отходит от действительности и высвобождает субъективные желания, оказываясь не продуктивным в вариантах приспособления. Можно было бы предположить, и это было бы вполне логично, что до появления определенно-направленного мышления, человека деятельного, эволюционное развитие вело по пути приспособления. Именно такого понимания придерживаются научные концепции возникновения человека, в соответствии с которыми человек есть продукт эволюции, венец природы, создание, выделившееся из окружающей природной среды. При этом, если обратиться к эволюционной концепции развития животного мира, мы можем сказать следующее. Наиболее характерным явлением в животном мире выступает удивительная приспособленность организмов к сохранению и поддержанию жизни. Спектр, демонстрирующий подобную приспособленность, необычайно богат: это и различные комбинации с зубами, когтями, защитным покровом, и даже такие «кисошренные» варианты, как мимикрия. Что стоит за подобными изменениями? С точки зрения биологии любое изменение живого организма происходит под воздействием среды обитания. Но для того, чтобы необходимость в изменении возникла, в самой среде должен проявиться источник опасности, грозящий прекращением физического существования, т.е. смертью. Жизнь эволюционирует перед лицом грозящей опасности, которая выступает в качестве стимула. При этом сами эволюционные изменения направлены на сохранение живого организма в качестве живого. Поэтому обозначим в качестве основы, поддерживающей жизнь (то есть того, к «чему» обращен «стимул»), такое стремление, как «жажда жизни». Несколько схожую трактовку, мы встречаем у А. Шопенгауэра, для которого «жажда жизни» есть проявление Мировой воли. Однако в нашем варианте «жажда жизни» не несет однозначно негативного характера, приписываемого ей А. Шопенгауэром, являясь скорее элементом «баланса». «Жажда жизни», присущая любому конечному существу, есть некая «готовность» к сохранению жизни, «формулированию ответов» (способов приспособления) на угрозы со стороны среды обитания.

Для более точного разъяснения нашей мысли обратимся к понятию из биологии, к такому свойству организмов, как «гомеостаз» – свойство организма поддерживать свои параметры в определенном диапазоне, основанное на устойчивости организма по отношению к возмущающим воздействиям внешней среды обитания. Следует уточнить, что «жажда жизни» проявляется не только на длительном отрезке эволюции, в ходе которой выживали наиболее приспособленные виды (т.е. способные к «структурным» изменениям, возникновению качественно иных механизмов адаптации), но и на относительно коротком промежутке жизни живого организма, где наблюдается результат изменений, формирующий инстинктивную «стратегию» живого организма, что позволяет организму сохранять себя в качестве живого – поддерживать собственные параметры в определенном диапазоне.

Развитие жизни происходит (происходило?) как качественное изменение структуры живого организма, способствующее приспособлению к среде обитания. В качестве условия подобного развития выступают, во-первых, наличие угрожающих организму опасностей, провоцирующих изменения, и, во-вторых, стремление к сохранению организма в качестве живого, что обозначено нами как «жажда жизни». Отметим основные принципы развития «животного мира», становится очевидно, что человек не обладает теми механизмами адаптации, которые присущи животному миру, тем не менее человек едва ли не самый «процветающий» вид на Земле. С точки зрения неприспособленности человека к жизни в «дикой» природе можно говорить о совершенно иных способах его развития.

К.Г. Юнг говорит о том, что хронологически первым является именно мечтание/фантазирование, которое протекает спонтанно и не является утомительным. На его основе впоследствии проявляется определенно-направленное мышление, которое требует внимания, т.е. использования аппарата сознания.

Древние люди не могли выбирать одну из форм мышления, первично им было дано мечтание/фантазирование. По К. Юнгу, они фантазируют о том, чего именно не хватает, но для того, чтобы подобная «нехватка» обрела содержательную сторону, стала «желанием чего-то конкретного», это «что-то» должно быть мысленно представляемо в «модусе настоящего», как то, что есть сейчас и в «модусе будущего», каким это «сейчас существующее» должно быть, для чего требуется использование сознания, определенно-направленного мышления, но это более позднее приобретение человека. Это может значить, что то, чего недостает человеку, исходит из его природной, «естественной» основы, одновременно являясь ее выражением. Появляется очень тонкая грань. С одной стороны, указание на естественное происхождение фантазии, казалось бы, должно

отсылать нас к инстинктивному и в конечном счете – животному. Но фантазия не происходит из инстинкта, для проявления инстинкта не нужна фантазия, они, так скажем, параллельны, фантазирующий человек также проявляет инстинкты, но не фантазирует на тему инстинктов, так как для этого ему необходимо «ввести» инстинкты в содержание сознания. Поэтому сексуальное содержание фантазий, о чем можно предположить в связи с естественностью их возникновения, и вспоминая неизменное отождествление естественного и инстинктивного, проводимого во многих современных исследованиях, кажется спорным. Но как возникает фантазия? На этот вопрос дать однозначный ответ очень сложно. Возможно, в фантазии и проявляется качественно иной уровень приспособления человека (это даже нельзя назвать «приспособлением», оно не является приспособлением в собственном смысле). Абсолютно иной, не находящий аналогов в животном мире с его «жаждой жизни», можно только выдвигать предположения о «избранности» человека Природой (?), Богом (?). . . Выскажем предположение о том, что «естественная нехватка» есть активность природы, желающей познать и быть познанной. Косвенным подтверждением этому служит известная фраза из «Метафизики» Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию», стремление, возникающее на основе способностей к чувственному восприятию, а также памяти и опыту, которые в свою очередь есть явления природы. Природа, заключенная в человеке и вне человека стремится быть познанной, отсюда и проистекает «нехватка», это – нехватка познанный. При этом, не обладая инструментами познания, она может быть исключительно способом чувственного мироотношения, которое можно назвать эстетическим мироотношением (интересно, что Э. Фромм также видел значение фантазии в выражении специфического отношения к миру – *А.Л.*). В нем проявляется самое глубокое и самое благоговейное отношение к миру как «дому», будь он даже самым опасным и неизвестным. Именно это отношение, как думается, лежит в основе всякого подлинного творчества, выступая основанием для возникновения продуктов творчества, искусства в собственном смысле. И если верно, что истинное творчество возникает как невыносимая жажда, как мучительное, но еще слепое озарение, как порыв к Иному, тогда мы должны признать, что творцом может быть только тот, кто способен сохранить в себе первобытную близость миру.

Стремление к творчеству, возникающее на основе эстетического мироотношения и выражающее общую устремленность человеческого существа к познанию, предполагает в качестве собственной реализации использование определенно-направленного мышления, в результате чего и возникает само произведение искусства. По сути имеет место процесс отчуждения или того, что Н.А. Бердяев называл «объектива-

цией», когда творческое вдохновение реализуется в предметы материального мира, начиная «жить» по законам этого мира, оно уже не принадлежит своему создателю, сохраняя лишь следы того особого эстетического мироотношения, лежащего у его истоков. Но именно в этом и есть его смысл, его истина, всегда указующая на возможность познания – возможность, которая потенциально бесконечна, как бесконечны глубины, скрытые в человеческой природе.

Однако в реальности потенциальная бесконечность возможности познания, открывающая себя через произведение искусства, часто остается нами незамеченной. Дело в том, что на практике мы сталкиваемся совсем с другой формой отчуждения (нежели отчуждение произведения от его создателя) – отчуждения, возникающего в связи с господствующим в культуре способом интерпретации действительности. Вся история человечества – это история нарастающего отчуждения. При этом отчуждение следует понимать не только как объективное состояние, находясь в котором, человек своей деятельностью противоречит реализации собственной сущности, что приводит к чувству отчужденности по отношению к своей деятельности и в конечном счете к самому себе, но и сознательное или бессознательное подавление таких естественных проявлений, как страх, боль, сострадание, фантазирование, признаваемых неуместными или даже недопустимыми по какому-то «высшим соображениям» – религиозным, идеологическим, экономическим.

Пожалуй, этот процесс возникает уже на ранних стадиях культуры, приобретая четко выраженную тенденцию в Новое время, достигая сегодня своего максимума. Мир предстает, прежде всего, как картина мира, то есть артикулируемая человеком и призрачная для его сознания в силу этой артикулированности, опредмеченная в своей знаковой или наглядной форме модель освоения, познания мира локализуется в пределах определенной предметной области. Формируя представление о наличии законов, присущих природе и миру вообще, человек переносит свои усилия по освоению мира в сферу науки, выстроенной по принципу «поиска закономерностей в среде вещей», что сужает творческую активность человека до рамок заданных самими вещами. Как замечает М. Шугуров, «... Сначала в своем когнитивном, а затем и технологическом отношении к миру человек выталкивает себя на уровень объективированного мироотношения. Позиция замкнутой субъективности (замкнутой в объективном мироотношении. – А.Л.) упрощает отношение человека с миром – как чуждым человеку, враждебным началом, поэтому мир должен быть «покорен» с помощью технической силы, должен быть превращен в хайдеггеровский «постав» – в объективность, представленную перед человеком. Если же сил человека окажется

недостаточно, он должен временно отступить до нового решающего столкновения»⁶.

Такое отношение захватывает все сферы культуры, создавая своего рода культурную матрицу, организующую весь спектр культурной активности человека в соответствии с имеющимся образцом, и творец здесь не исключение, чему свидетельствует наше сегодняшнее искусство. Современное искусство лишается своего особого измерения, в котором обыденность могла быть преодолена посредством требования – требования Иного. Распространение представления о абсолютной функциональности, сподручности мира переводит Иное в разряд не проявленного, но прогнозируемого элемента существующего порядка, подменяя всякое требование «руководством по использованию».

Но отчуждение не остается незамеченным, оно дает о себе знать, репрезентируя себя в таких чувствах, как заброшенность, тоска, одиночество или абсурд. И здесь не лишним будет заметить, что чувство абсурда, столь подробно исследованное в творчестве А. Камю и предполагаемое как изначальное состояние, обнаруживаемое всякой честной мыслью, оказывается вовсе не изначальным, по крайней мере в теоретической плоскости нашего исследования. Поэтому если проецировать концепцию А. Камю в пространство нашего исследования, попробовав рассмотреть его идеи через призму предложенного нами видения человеческой истории, мы увидим историческую обусловленность «абсурдного мировосприятия», которое, однако, становится судьбой современного человека. Свое эссе об абсурде Камю начинает словами: «Абсурд, который принято воспринимать как следствие, в этой работе берется как отправной пункт». В подтверждение этого тезиса он приводит факт чуждости, который вдруг возникает у нас при взгляде на знакомого человека, или когда мы наедине с природой: «Как только мы опустимся еще на ступеньку ниже, то сразу попадаем в чуждый нам мир ... Как только мы поймем это, так сразу же ближайшие горы, ясное небо, ветвистые деревья теряют иллюзорную значимость, которую мы им предавали. Они удаляются от нас, приобретая очертания потерянного рая... Мир становится непостижимым оттого, что все это время мы воспринимали в нем те образы и силуэты, которыми сами же его наделяли»⁷. Здесь и кроются следы культурного влияния в понимании Камю. Почему «чуждость», а не «нейтральность» – ведь лишившись значений, мир должен восприниматься как незначительный (не имеющий значения). Ответ кроется в феномене отчуждения. Если верно, что первично (на этапе возникновения) человек обнаруживал свою близость миру, чувствуя в нем себя «как дома», а последующее развитие вело по пути отчуждения этой близости, то мы должны говорить о репрезентации отчуждения в тягостных, негативных чувствах, и тогда действительно абсурд первичен,

он возникает еще до того, как человек высказывает суждение о мире.

Не находя возможности справиться с тягостными чувствами, такими, как абсурд – обращаясь к истинам искусства, срывает простой психологический механизм, который в концепции психоанализа именуется «проекция», когда субъективное содержание чувства, к примеру «абсурда», проецируется на внешний по отношению к субъекту объект, которым может быть общество, природа, человек или мир в целом. Ну, а какие действия последуют по отношению к источнику «тягостных» чувств, понять несложно; думается, в любом проявлении агрессии в нашем мире сквозит то самое отчуждение, которому подвергала человека история.

В заключение мы можем сказать следующее: конечно, утверждение, что именно посредством обращения к искусству человек способен противостоять «демонам» нашего времени, кажется только отчасти истинным. Наша задача состояла в указании на наличие возможности рассматривать современное состояние, а также перспективы раз-

вития общества, через рассмотрение искусства. При этом, учитывая современное состояние искусства, нам думается, что перспективы исследования данной проблематики могут быть перенесены в так называемое пространство «контркультуры», где особое внимание должно быть уделено тем формам творчества, которые пока что в силу своей новизны и авангардности не заняли «отведенного» им места.

Примечания

- 1 Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2002. С. 26.
- 2 Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2003. С. 92.
- 3 Дюфрен М. Вклад эстетики в философию // Антология. Феномен человека. М., 1993. С. 347.
- 4 Там же. С. 346–348.
- 5 Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 33.
- 6 Шугуров М.В. Человек: бытие и отчуждение. Саратов, 1999. С. 273.
- 7 Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. М., 1999. С. 28.

УДК 316.3

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

А.И. Парфёнов

Саратовский государственный университет,
кафедра философии культуры и культурологии
E-mail: anteater1@yandex.ru

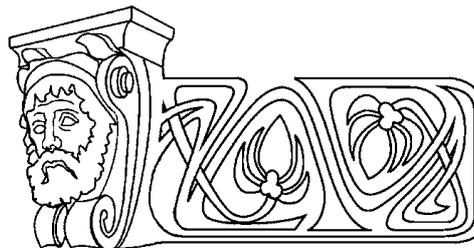
Всякий идеологический универсализм выступает формой насилия по отношению к личности, причём не только в контексте тоталитаризма. Демократия, хоть её и принято противопоставлять тоталитаризму, также использует средства идеологического насилия, только в несколько иных формах. В результате корректировки мышления, производимой под воздействием всепроникающей идеологии, изменяются не только политические предпочтения индивида, не только его социальные характеристики, изменяется он сам на психосоматическом, антропологическом, даже на физиологическом уровнях. Вместе с тем, наблюдается кризис идеологии как системы значимостей. Идеология иррационализируется, но не в силу перманентного присутствия мифа как структурного элемента, а в связи с собственной избыточностью.

Ключевые слова: идеология, насилие, политика, социальный порядок, миф.

Ideological Violence and Formation of the Global Social Order

A.I. Parfenov

Everyone ideological acts as the form of violence over the person, and not only in a context of totalitarianism. Democracy though also

it is accepted to oppose with it to totalitarianism as uses means of ideological violence, only in a little bit other forms. As a result of the updating of thinking made under influence of ideology, change not only political, not only its social characteristics, it changes on anthropological, even, on physiological levels. At the same time, crisis of ideology as system is observed. Ideology is mystification, but not by virtue of permanent presence of a myth as structural element, but in connection with own redundancy.

Key words: ideology, violence, politics, social order, myth.

Всякий идеологический универсализм выступает формой насилия по отношению к личности, причём не только в контексте тоталитаризма. Демократия, хоть её и принято противопоставлять тоталитаризму, также использует средства идеологического насилия, только в несколько иных формах. Но в обоих случаях важнейшим средством производства идеологии оказываются средства универсалистского дискурса. Предметом идеологического культа в наши дни становятся не нация, не социальный класс, не вождь, не государство, как в известных тоталитарных режимах, но безличное человечество, ещё более абстрактные «права человека», «толерантность» и прочие спекулятивные понятия. При этом прежние «тоталитарные» понятия становятся атрибутами «дурного тона», их употребление становится опасным: если

вы скажете «раса», то вас заподозрят в «расизме», если «нация» – в «национализме», если «мужчина» – в «сексизме» и т.д.

Сегодня слово «русский» считается «неполиткорректным», в современном отечественном политическом дискурсе принято говорить «россиянин». Россиянин – существо без национальной принадлежности, определяемое лишь территориально, т.е. россиянин – это человек, постоянно проживающий на территории Российской Федерации. А почему, собственно, человек? Разве, используя способ территориальной идентификации, мы не должны считать россиянами животных, проживающих на данной территории? Ведь с политической точки зрения животные отличаются от людей прежде всего тем, что не ходят на выборы. В остальном они такие же «россияне». Слово «россиянин» не обладает достаточной семантической полнотой для того, чтобы охарактеризовать им именно человека, в то время как указание национальной принадлежности императивно предполагает, что имеется в виду именно человек, а не бобр или выхухоль.

С позиции современных либералов слово «русский» коннотативно подразумевает националистическую, шовинистскую позицию того, кто его произносит. Получается, что быть русским «неполиткорректно», точно так же как быть белым в Америке. Право дискурсивно определять себя в качестве представителей «нации» сегодня дозволено только «национальным меньшинствам», которых власти на дискурсивном уровне оберегают от дискриминации со стороны большинства, при этом ничего не делая, чтобы помочь им решить жизненные проблемы на уровне социальной реальности. Как всегда, проповедует мораль «двойного стандарта». В США слово «негр» дозволено употреблять только чернокожим, белого за употребление этого слова посадят в тюрьму, но это не изменяет реального положения вещей – негры в своём большинстве находятся внизу социальной лестницы. Нарушение правил высказываний на национальные темы преследуется в большей мере, нежели реальная дискриминация. Такое положение вещей можно назвать «идеологическим изнасилованием реальности».

Первым объектом такого рода насилия становится язык, неизбежно вместе с ним мышление человека, и как следствие сам человек, взятый не только в качестве политического субъекта, но во всей полноте своих антропогенных характеристик. В результате тотальной корректировки ментальности, производимой под воздействием всепроникающей идеологии, изменяются не только политические предпочтения индивида, не только его социальное мышление. Изменяется он сам на психосоматическом, антропологическом, даже на физиологическом уровнях. Подобно тому, как речь выхолщивается до уровня «птичьего» языка, сотканного из политкорректных клише, а мышление программируется сообразно идео-

логическим алгоритмам, человек превращается в невыразительную биомассу, сводится к своей социальной функции или просто занимает место в пространстве.

Г. Маркузе называл таких людей «однотипными»¹, Э. Фромм – «кибернетическими», о таких людях блестяще сказал О. Шпенглер: по его словам, это «люди, лишённые естественных влечений, погрязшие в логике, живущие в мире истин, идеалов и утопий, книжные черви, пытающиеся подменить реальность логикой, силу фактов – абстрактной справедливостью, судьбу – разумом. В любой культуре этот процесс начинается с людей, объятых вечным страхом, которые спасаются от реальности в монастырях, кабинетах и духовных сообществах, объявляют мировую историю безразличной, а заканчивается в любой культуре апостолами всеобщего мира. Каждый народ порождает такие отбросы ...»²

Эти жертвы «репрессивной толерантности» (термин Г. Маркузе), вернее их идеологические гуру, навязывая тотальную идеологию, выступают под лозунгами «демифологизации». Обращает на себя внимание их желание разоблачать российские мифы, особенно те, в которых усматриваются «симптомы национализма», и упорное нежелание анализировать мифы, порождённые западной пропагандой, «удельный вес» которых в современном политическом сознании значительно больше. Объясняется данная тенденция очень просто: большая часть «просветительских» исследований и публикаций на данную тематику финансируется западными фондами (Фонд Сороса, Фонд Карнеги и др.), которые известны своей политической ориентацией. Бедственное положение вынуждало в последние годы российских учёных сотрудничать с этими организациями, это сотрудничество продуктивно, однако нередко ангажировано. Исследователь, зачастую без злого умысла, предлагает априорную интерпретацию событий, оказавшись в дискурсивном поле, в котором заранее определены ценностные приоритеты (западные ценности), стереотипы (западные идеологические клише), политические ориентиры (западный либерализм) и т.д. Пытаясь соответствовать заданной программе, исследователь вынужден высказываться определённым образом, для него проблематично подойти к вопросу феноменологически, отбросив все теоретические и идеологические установки.

Понятие «демифологизации» профанируется, оно становится синонимом здравого смысла, научности. Но не надо забывать о том, что победить миф рациональными средствами невозможно. Его, выражаясь словами Р. Барта, «можно только обмануть», выходя за пределы заранее структурированного поля высказываний, т.е. выходя за пределы того языка, над которым миф (метаязык) установил своё господство³. Западное видение мироустройства мифологизировано в самых глубинных мировоззренческих основаниях, поэтому разоблачить «идеологические мифы», принимая правила «западного» языка, в

принципе невозможно. Уже упомянутая много раз «политкорректность», эта религия двойного стандарта и лицемерия, фактически не позволяет многим западным учёным даже помыслить нечто, выходящее за рамки стереотипов западного политического языка.

К примеру, дискуссия о Балканах по-прежнему строится в терминах, предполагающих западное (антисербское) толкование проблемы. Как и несколько лет назад, «правозащитники» настойчиво требуют суда преимущественно над сербскими «военными преступниками». Необходимо отметить, что роль так называемых «правозащитников» чрезвычайно важна в современной политической игре. Образ юродивого, взывающего к человеколюбию, закрепившийся за тем или иным «правозащитником», вводит обывателя в заблуждение. На самом деле эти певцы пацифизма, космополитизма и «общечеловеческих» ценностей, не имеющие ничего общего с подлинным правозащитным движением, цинично выполняют определённый политический заказ, если не из материального интереса, то в силу стремления преодолеть комплекс собственной неполноценности либо, что опаснее всего, в силу патологического фанатизма.

Сказочный образ Балкан, равно как и сказочный образ России, несомненно, востребован на Западе, особенно в США, геополитическое положение которых позволяет обывателям интересоваться геогграфической картой только в связи с поиском новых туристических маршрутов. В коллективных представлениях жителей США восточноевропейский регион ассоциируется с территорией, лежащей за пределами «цивилизованного мира», на которой вопреки воле этого самого «цивилизованного мира» нарушаются «права человека». Толкование данного понятия возможно только на западный манер, любые альтернативные интерпретации расцениваются как своего рода ересь. Игры с понятиями-символами подобного рода, за которыми не скрывается ничего кроме пропагандистских целей, привели к формированию на Западе метаидеологии, по масштабу не имеющей прецедентов в истории.

Яркий пример: интерпретация военных операций НАТО как «гуманистических» акций есть следствие как вопиющей пропагандистской кампании, так и ментальных перверсий, характерных для западного общественного сознания. Речь идёт об абсурдной трансформации самого понятия «гуманизм». То, что сегодня именуют гуманизмом, есть эклектическое соединение воинствующего пуританства и утилитаризма с его принципом «наибольшего счастья для наибольшего количества людей». При этом «любовь к человечеству» сводится к «защите прав человека», так как их понимают на Западе, т.е. права находиться в силовом поле западной правовой системы. В аспекте подобного гуманизма человек определяется прежде всего как субъект права, «права человека» оказываются выше самого человека:

машина государственного принуждения готова навязывать человеку его «права» даже вопреки его воле. «Свободный мир», фетишизированный на Западе, оказывается в значительной степени «механистическим», в котором детерминированы потребности, способы социального действия и способы мышления.

Навязчивое желание индивида, порожденного западной демократией, видеть даже в представителях иной культуры своё собственное подобие составляет глубинное основание того одобрения, которое выказывает большинство западных граждан по отношению к действиям НАТО. В большинстве своём американцы наивно верят в благородную миссию своей страны, для них абсурдно всякое сомнение, которое высказывается на этот счёт. По их мнению, Америка несёт людям новую надежду и демократию, но вместо того, чтобы встречать американскую армию приветственными криками, неблагодарные люди недовольны, они подозревают, что за этим подарком стоит что-то еще. Американец реагирует на это как ребенок, обиженный неблагодарностью тех, кому «бескорыстно помогала» его страна⁴. При этом одержимому мифом о «мессианстве США» в принципе безразлично, где осуществляется военная акция – в Югославии, в Ираке или где-то в «виртуальном» пространстве компьютерной игры. Важен постоянно повторяющийся сюжет: вечная «война добра со злом», в которой «добро» обязательно победит.

Один из излюбленных риторических приёмов западной пропаганды – провозглашение «гуманитарной катастрофы» в той или иной точке мира, из чего следует необходимость вмешательства «цивилизованного мира» и решения проблемы, в том числе и военным путём. То обстоятельство, что военная операция может привести, и с необходимостью приводит к «гуманитарной катастрофе» значительно большего масштаба, игнорируется. Подтверждается точность той формулировки закона, определяющего степень эффективности влияния пропаганды на массовое сознание, которая приписывается доктору Геббельсу: «Ложь должна быть чудовищной, чтобы в неё поверили». Технология внедрения в массовое сознание политического мифа – особое искусство: кроме продуманных риторических приёмов, политик, манипулирующий мифом, должен придерживаться определенных правил поведения. Образ «гуманиста» предполагает «голливудскую» улыбку, спокойный и размеренный тон речи, аккуратность формулировок и постоянные ссылки на «международное право». Стереотипное поведение большинства западных политиков бросается в глаза, их индивидуальность дипломатично замаскирована. Они редко говорят от своего имени, опасаясь обвинений в волюнтаризме и отсутствии «политической корректности»; напротив, они всегда говорят от имени многих, зачастую даже не собственного народа, а всего человечества. Как не вспомнить в связи с этим

слова Сартра: «Культ человечества приводит ... к фашизму. Такой гуманизм нам не нужен»⁵.

Сегодня в качестве альтернативы неозападничеству отечественные политтехнологи пытаются противопоставить «пророссийскую» идеологию, такая информационная политика прослеживается на государственных телеканалах. Но о какой информационной конкуренции с Западом может идти речь, когда отечественные политики и СМИ приняли в качестве обязательных законы универсалистской (западной) политической риторики. Те политики, которые используют свой альтернативный по отношению к стандартам дискурса язык (акратический⁶, по Р. Барту), находятся на маргиналиях политического пространства. Да и возможности трансляции идеологических доктрин в массовое сознание различны: российский информационное пространство открыто для идеологических «инъекций» с Запада, а обратной связи нет – «голос» России на Западе не слышен.

В результате потребителями отечественных идеологических ноу-хау становятся исключительно наши сограждане, сознание которых раздираемо взаимоисключающими концепциями: от космополитизма до национал-патриотизма, от либерализма до традиционализма и т.д. Что приводит к недоверию каждой из них. Это и есть пресловутый плюрализм, который в своё время пропагандировался как западная ценность, но сегодня на Западе его нет и в помине – жвачка политкорректности ассимилировала все идеологические концепты, привела их единому знаменателю. В этом смысле современная западная идеология тоталитарна. В России попытки создать унитарную идеологию национальных интересов пока не убедительны.

Вообще, идеология демократии обнаруживает много общего с идеологиями диктаторских режимов, а также с идеологиями экстремистских движений. Ю. Хабермас отмечал, что их суще-

ственное отличие состоит в том, что радикально-демократические режимы морализируют идеологию, в то время как право-радикальные (фашистские) движения и лево-радикальные (анархические) движения эстетизируют её. (Отметим, что Р. Барт признавал богатое эстетическое содержание лишь за правой идеологией⁷). «Несмотря на различия в содержании, эти мировоззрения разделяют с идеологиями первого поколения – «отпрысками» рационального естественного права, утилитаризма, буржуазной социальной философии и философии истории – еще и форму целостных представлений о мировом порядке, которые характерны для политического сознания соратников по борьбе. Тем не менее именно эта форма способного к интеграции и глобального общего толкования, спроецированного под углом зрения жизненного мира, должна распадаться в коммуникационной структуре развитого современного общества. Когда угасает отсвет ауры сакрального, исчезает синтезирующая образ мира власть воображения, то форма понимания, основанная на силе аргументов, становится столь прозрачной, что повседневная практика коммуникации не оставляет больше никакой ниши для господства идеологических структур»⁸.

Но пока мы наблюдаем обратный процесс. Формируется глобальная метаидеология, уже захватившая западную цивилизацию. Она рациональна, лишена сакрального измерения, но не менее эффективна как средство контроля над сознанием, чем прежние тоталитарные идеологии. Она действительно бедна эстетически по сравнению с религией, но беспрецедентна по возможностям трансляции и формам идеологического насилия. Она проникает во все сферы жизненного пространства человека, на всех уровнях.

Для наглядности представим структуру современной глобальной идеологии в форме таблицы.

Характеристики	Уровни		
	Глобальный	Социокультурный	Индивидуальный
Субъект идеологического воздействия	Транснациональные корпорации	Национальные правительства, административная система	Семья, учебные заведения
Объект идеологического воздействия	«Человечество»	Национальные, религиозные, социальные общности	Индивид
Основные элементы	Метаидеология глобализма	Идеологические, религиозные стереотипы, мораль	Потребительские интересы, нормы поведения
Форма трансляции	Дискурс глобальной власти	Массмедийные сообщения, реклама	Повседневное общение, обучение
Средства идеологического насилия	Политкорректность	Цензура, пропаганда, корпоративные стандарты	Воспитание, стандарты мышления

Тотальность метаидеологии для её характеристики позволяет использовать понятие, вышедшее не так давно из моды: она носит ярко выраженный «империалистический» характер. Э. Хобсбаум, давший понятию «империализм» новую жизнь (уже не в рамках марксистско-ленинской парадигмы), писал: «... мир конца XX столетия окрашен в цвета буржуазного века, и в частности – эпохи империи ... сегодняшний мир сформирован тем, что можно назвать историческим ландшафтом, оставшимся после эпохи империи и её заката»⁹.

Характеристики, данные империализму, пожалуй, крупнейшим его исследователем Дж. Гобсоном более полувека назад, до сих пор актуальны. Исходя из биологической парадигмы социальной философии, Гобсон усматривал истоки империалистических устремлений в «борьбе за существование», характерной для человека в той же мере, как и для других животных. Проявляется она и на индивидуальном уровне в состязаниях разного рода, лучшее из которых «охота на людей», и в борьбе за контроль над территориями и ресурсами на уровне межгосударственном. Идеология, попытки научного оправдания экспансии – лишь маскировка истинных намерений, лежащих в экономической плоскости; мнимый «цивилизаторский» альтруизм – мимикрия экономических интересов, «извращение естественного национализма». Пропаганда стандартов западного социального порядка больше рассчитана на граждан «метрополии», большинство жителей «третьего мира» ещё не научились думать «по-западному» и вряд ли научатся – ментальные различия слишком существенны.

Выражаясь терминологией Гобсона, биологическая программа экспансии сродни биологической программе «паразитического организма». В то же время следует отметить, что действительное убожество, нищета и дикость стран «третьего мира» побуждает их население ожидать подачек с Запада в виде программ экономического сотрудничества, кредитов, гуманитарной помощи (разворываемой политическими элитами), либо покидать пределы исконного жизненного пространства, устремляясь опять же на Запад. Биологическая интерпретация идеологии как мимикрии социальных паразитов¹⁰, наделённых властным ресурсом, не противоречит классической марксистской и неомарксистским трактовкам идеологии как некоей духовной структуры, «надстраивающейся» над материальным экономическим интересом. Следует признать, что всякое исследование идеологии разными путями приводит нас именно к марксистскому видению проблемы,

очевидно, что более адекватной по отношению к социальной реальности системы интерпретации идеологии, её природы и функций никто так и не придумал.

В заключение хотелось бы вернуться к мысли об универсализации языка как основном средстве распространения глобальной метаидеологии. Этот процесс свидетельствует о беспрецедентном расширении бюрократического поля, захватывающего теперь не только социальное пространство национальных государств, но и глобальное пространство. Для бюрократии нет границ – она прорастает повсюду, отравляя всё живое потоками идеологического яда.

Вместе с тем расширение пространства коммуникации порождает новую проблему: возрастание и трансформация рациональности социальной организации приводит к её перерождению в собственную противоположность. Скорость наращивания актов коммуникации и форм взаимодействия социальных субъектов намного превышает возможность порождения смыслов. Результат – двойственность ситуации: с одной стороны, тотальная идеологизация, с другой – кризис идеологии как системы значимостей. Идеология иррационализируется, но не в силу перманентного присутствия мифа как структурного элемента, а в связи с собственной избыточностью. Идеология мутирует в PR, в «политическую рекламу», утрачивает всякую убедительность и отчуждается от собственных функций.

Примечания

- 1 Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003.
- 2 Шпенглер О. Закат Европы: В 2 т. Т. 2. Всемирно исторические перспективы. Минск, 1999. С. 236.
- 3 Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 72–130.
- 4 Жижек С. Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос, 2003. № 1.
- 5 Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 343.
- 6 Барт Р. Война языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- 7 Барт Р. Миф «справа» // Там же.
- 8 Habermas J. Theorie der Kommunikativen Handelns. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft 2. Bd. 3, durch Frankfurt-am-Main, 1985. Bd. 2. S. 551.
- 9 Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. М., 1997. С. 481.
- 10 Гобсон Дж. Империализм. Л., 1927. С. 286.

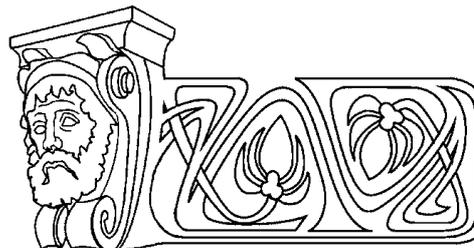

УДК 316.37

ТОПОСЫ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Е.А. Рыбалка

Ростовский юридический институт,
кафедра государственно-правовых и политико-философских дисциплин
E-mail: alex_61_rus@mail.ru

Статья посвящена выявлению функций пространства в жизненном пути личности. Центральное место в ней отводится концепту «топос». Выдвигаются адаптационный, ценностный и темпоральный горизонты исследования топосов личностного бытия, обсуждаются проблемы смысла жизни, анализируются феномены закрытого и открытого пространства, выясняется их влияние на жизненный мир личности.

Ключевые слова: личность, жизненный путь, топос, человек и общество.

Toposes of the Person's Vital Way

Е.А. Rybalka

The article is devoted to the discovering of functions of the space in the person's vital way. The concept «topos» is in the center of this work. Adaptation, valuable and temporal horizons of the research are put forward of the toposes personal existence. The problems of the sense of life are discussed, phenomena of the closed and opened space are analyzed and their influence to the vital world of the person is found out.

Key words: person, life path, topos, human and society.

Человек расширяет путь,
а не путь расширяет человека.

Конфуций

Многообразие свойств личности раскрывается в непрерывном обновлении жизненного опыта, в появлении новых ценностных установок, в утверждении индивидуальных стратегий деятельности в неоднородной социокультурной среде. Различные понятия, метафоры, образы жизненного пути имеют непосредственную связь с пространственной бытийственностью личности. Представленная статья направлена на выяснение многомерной структуры личностных топосов и обоснование эвристических возможностей этих моделей в осмыслении роли пространственных структур в жизни личности.

В повседневном опыте личности связь пространства и жизненного пути представлена в категориях здравого смысла, где пространство предстает как место проживания – «жить в городе», «жить в деревне»; как защитная территория – «безопасное место», «охраняемая территория», «свободная территория»; как опасное для жизни человека пространство – «гибкое место», «зона риска», «криминальная среда». Преодолевая однозначные суждения и оценки обыденного сознания, философская рефлексия жизни отличается целостностью восприятия жизненного пути как проявления

жизненного пространства личности. По нашему мнению, весьма привлекательной и конструктивной категорией, выражающей подвижное соотношение дискретности и непрерывности развития личности, единство пространственных и временных форм ее бытия, выступает категория «топос жизненного пути». В философской литературе пока отсутствует методологический опыт такого применения категории к пространству личности. В представленном контексте топос можно определить как нормативное поле, определяющее поведенческую и познавательную сторону жизнедеятельности личности в сложившихся пространственных структурах общества. Освоенное личностью нормативное поле выражает типичное, повторяющееся в пространственных практиках личности, закрепляется в знаках, смыслах, которые становятся символическим аналогом социальных дистанций внешнего для личности социального пространства. Топос как познавательный конструкт может, по нашему мнению, наиболее полно раскрываться в адаптационном, ценностном и темпоральном горизонтах пространства.

Адаптационный горизонт топосов жизненного пути позволяет очертить функциональные свойства пространства индивидов, объединенных территориальными условиями жизни, общими нормами поведения и коммуникационного общения. Адаптационные свойства пространства личности раскрываются, прежде всего, в предельно простых формах человеческой бытийственности, способных воплощать в миниатюре все пространство мира, оказывать влияние на человеческую судьбу. К таким начальным топосам жизненного пути личности, объединяющим приватный образ жизни и самые общие представления об окружающем пространстве, относится дом. «Жилище есть специфический человеческий топос, микрокосм, структура которого изоморфна, и/или эквивалентна структуре космоса, т.е. разумной, логичной сущной ипостаси реальности»¹. Допуская метафоричность в определении дома как человеческого топоса, А.В. Шипилов справедливо отмечает беспредельные возможности структурирования человеком самого близкого и дорогого ему жизненного пространства – пространства дома. Создавая дом как особый микрокосм, выстраивая собственную пространственную бытийственность, человек благодаря жилищу стремится жить по-человечески, обустроить свою жизнь, свою судьбу.

Адаптационные возможности дома и других исходных топосов жизненного пути, таких, как родная земля, родной город, определяются разными факторами. Для личности особое значение приобретают ресурсы, которые концентрируются в индивидуальном пространстве. Ресурсы определяют масштабы и функциональные свойства пространства индивидов. В зависимости от видов деятельности и социально-территориальных связей с окружающей социоприродной средой человек обретает разные по своей функциональной направленности ресурсы. Одни из них обеспечивают его жизнь в природе и благодаря природе (телесные, продовольственные ресурсы), другие – возможность адаптироваться к изменяющейся экономической среде, где определяющую роль приобретает человеческий капитал, третьи необходимы для коммуникационного общения, для обретения культурной идентичности и выступают в качестве информационных ресурсов.

В процессе становления информационной цивилизации жизненный путь личности во многом обусловлен ее информационными ресурсами и индивидуальными способностями к усвоению и воспроизводству информации. Располагая в индивидуальном пространстве обретенными ресурсами, личность создает некий ресурсный потенциал жизненного пути. От надежности и защищенности индивидуальных ресурсов зависит отношение к той среде, где протекает человеческая жизнь, обогащается, или, наоборот, упрощается внутренний мир личности, определяются возможности самореализации. Стремясь увеличивать жизненные ресурсы и находить новые средства их реализации, личность осваивает новые горизонты пространственного бытия. При всем разнообразии пространственных структур, обеспечивающих защищенность личности, устойчивость ее существования в индивидуальном сознании, происходит оценивание роли пространства в собственном жизненном мире. Тем самым открывается еще один важный аспект пространственной бытийственности.

Ценностный горизонт. В отличие от категорий и метафор, раскрывающих функциональную направленность пространства личности, дифиниция «ценности жизненного пути» содержит базовые для личности ценностные установки. Эти установки, концентрируя опыт проживания в городском или сельском пространстве, выражая положительное восприятие места, ставшего для человека родным и близким, образуют особую духовную матрицу места, где личность находит взаимопонимание и поддержку среди других людей. Социальные роли этих индивидов раскрываются в средовых терминах: «земляки», «односельчане», «сограждане». Личностные установки, взаимодействуя с общечеловеческими ценностями, реализуются

в различных жизненных ситуациях, оказывают воздействие на содержание жизненного пути личности. Ценностное отношение к пространству выдвигает проблему личности в центр субъективного пространства. Этот переход точно обозначил М.С. Каган: «Как только мы начинаем рассматривать пространство не само по себе и не в его отношении к органам восприятия, а в отношении к *человеку как субъекту*, оно мгновенно становится субъективированным, то есть приобретает *ценностную значимость для субъекта*»². Оценивая значимость пространства не только с позиций полезности территории для реализации своих потребностей, интересов, целей, личность неизбежно приходит к осознанию ценностей, которые захватывают глубинные пласты пространственной бытийственности.

Объемным ценностным содержанием отличается понятие «малая родина», наполненное глубоким личным смыслом. В метафизическом плане малая родина может определяться как «архетипическое стремление моделировать большое пространство в малом»³. В ценностном контексте малая родина выражает стремление человека обрести и сохранить духовное родство с пространством, где он вырос, возмужал, «стал человеком». Это идеализированное пространство, где человек испытывает чувство тоски по ушедшему прошлому и таит надежду на лучшее будущее. Преодоление личности метафизического начала в образе малой родины достигается в конкретных образах родной земли, родного города, родной улицы. Ценностная структура малой родины дает возможность сохранить духовную сопричастность человека с ближним социальным окружением (семья, соседи, сверстники) конкретной местности, которая для личности значит значительно больше, чем территория совместного проживания, и выражает незаменимость личного присутствия, сопереживания, участия в судьбах близких людей.

Специфические особенности ценностей жизненного пути личности проявляются через связь индивидуальных, лично реферируемых ценностей культуры, которые становятся духовными пунктирами жизненного мира. Образное восприятие пространства как движения вверх по тропам жизни облекается в метафоры, проникнутые ценностным содержанием. Можно вкладывать разный смысл в метафору «движение вверх». В религиозном плане это стремление обрести те духовные ценности, которые позволяют приобщиться к божественному, сверхъестественному, в светском понимании «движение к вершине своей жизни» может выражаться в ценностях познающего разума или личного достоинства, творческого порыва. Крушение идеалов жизненного пути может ассоциироваться с утратой важных ценностных установок и выражается в средовой метафоре «падение вниз». Социальное содержание этой

метафоры может раскрываться в утрате личного статуса, в утрате доверия окружающих, в крушении прежних целей и жизненных установок.

Наличие индивидуально выраженных ценностей жизненного пути всегда дополняется ценностями культуры, которые становятся жизненными ориентирами для конкретной личности в конкретную эпоху. Во взаимодействии ценностного мира человека и ценностей эпохи присутствует тонкая грань между конечным и бесконечным, сиюминутным и вечным. Благодаря непрерывному взаимодополнению индивидуального и типичного в жизненном мире личности появляется экзистенциальное пространство, где личность на своем жизненном пути постоянно встречается с пространством культуры и пространством своей эпохи. Очертания такого пространства стремятся выявить, прояснить философы-экзистенциалисты. Габриэль Марсель замечает: «Истинная мудрость нашего века, века абсолютной необеспеченности заключается в том, что с необходимым благоразумием, но не без трепетного восторга искателей пуститься по тропам, ведущим не скажу – за пределы времени, но за пределы нашего времени»⁴.

Аксиологический анализ жизненного пути свидетельствует, что экзистенциальное пространство неотделимо от экзистенциального времени. В этой связи появляется возможность более обстоятельно рассмотреть *темпоральный горизонт* жизненного пути личности, он воплощается, прежде всего, в событийном времени. Событие, в котором оказывается личность, наполнено временными ритмами, связанными с пространственными перемещениями или структурой места пребывания, существования. В предельно широком контексте жизненный путь каждого из нас пронизан модулями настоящего, прошлого, будущего. События прошлого, закрепленные в предметном мире в традициях, в памятных местах и архетипах, обозначают темпоральные истоки жизненного пути. Человеческая память, постоянно воспроизводя связь прошлого с настоящим, воздействует на поведенческие модели личности в настоящем. В понятии «памятное место» органически дополняются пространственные и временные структуры личностного бытия. Образ места, закрепленный в памяти в виде словесного описания, артефакта из прошлого, связан с событиями, оставшимися на всю жизнь дорогими для личности.

В связи настоящего с будущим событийное время «уступает» место экзистенциальному времени, когда существование человека в настоящем подвергается переоценке с позиции внутреннего «Я», с позиций ценностей и еще не реализованных возможностей. Если для человека в целом или для отдельных социальных общностей будущее – это проектирование того, что должно произойти, осуществиться, то для конкретной личности будущее становится столкновением бытия и не-

бытия. Устремленность в будущее таит для индивида опасность утраты своего места, приносит смятение в его сознание и ценностный мир. В художественном сознании встреча литературных героев с будущим часто таит в себе угрозу утраты бытийственности. В этой связи весьма характерны переживания главного героя в романе В. Катаева «Алмазный мой венец». В размышлениях литературного героя вырисовывается экзистенциальное осмысление времени: «По отношению к будущему настоящее находится в прошлом. Так где нахожусь я сам? Неужели для меня теперь нет постоянного места в мире? Или «теперь» – это то же самое, что «тогда»?»⁵. В вопрошении к самому себе выстраивается парадокс неоднозначного понимания места и времени в жизненном пути личности. Обретение места в будущем неизбежно ставит перед человеком вопрос о месте в прошлом, потому что модули будущего и прошлого утрачивают свою событийность, осязаемость и перемещаются из реального бытия в потенциальное бытие, где пространственность обретает символические формы, замещается знаками, символами ушедшего или еще не состоявшегося. Темпоральный горизонт жизненного пути личности предполагает вовлечение в проблемное поле исследования ценностного и адаптационного аспектов личностного бытия, где особое значение приобретает вопрос о смысле жизни.

Обретая метафизические основания в соотношении жизни со смертью, проблема смысла жизни содержит разные возможности постижения жизненного пути личности. В иррациональном контексте смысл жизни предстает как вера в личное бессмертие, и сама проблема жизни оказывается за пределами жизни. Для А.И. Веденского «вера в личное бессмертие есть условие и логической и нравственной познавательности веры в смысл жизни»⁶. Вера в бессмертие души превращает модули времени в игры человеческого разума, а пространственность фиксирует внешние стороны жизни человека – место рождения и смерти человеческого тела. В проблемном поле жизненного пути личности в философском наследии А.И. Веденского нет места для модулей времени и топосов жизни личности. В философских эссе В.В. Розанова жизненный путь личности связан со смыслом жизни посредством реализации духовных усилий, включая: 1) усилия знать истину; 2) усилия сохранить для себя свободу; 3) усилия к добру. Идеалы истины добра и свободы образуют смысл жизни личности. Время и пространство становятся формами жизненного пути личности и общества. «Из совокупности индивидуальных усилий слагается жизнь человечества во времени и пространстве, т.е. и история, и состояние общества»⁷. Стремление увидеть общие стороны жизненного пути личности с позиций общечеловеческих ценностей приводит В.В. Розанова к синтезу рационального и ценностного начал в постижении смысла жизни.

При переходе от общего взгляда на топосы личности к анализу конкретных пространственных структур представляется возможным обозначить методологические требования для выделения основных топосов жизненного пути. Во-первых, каждый топос образуется в результате сочетания социально значимых (общинных, групповых, корпоративных) и индивидуальных начал как устойчивых конструкт жизненного пути, где принятые в данном сообществе поведенческие практики всегда имеют конкретных субъектов.

Во-вторых, в зависимости от качеств личности и социально организованной среды обнаруживается доминирование одной или нескольких референций жизненного пути – в одних топосах преобладают ценностные основания, в других – адаптационные факторы, в-третьих – устанавливается относительно устойчивое равновесие индивидуально выраженных ценностных установок и социально обусловленных норм и функций пространственного бытия. В соответствии с выделенными факторами можно определить два основных топоса жизненного пути: «открытое пространство личности», «закрытое пространство личности».

В моделировании топоса открытого пространства все заметнее участие дисциплинарных методологий. В исследованиях психологов, культурологов в последнее время феномены открытости пространства связываются с особыми состояниями человека, когда субъект проецирует свои экзистенциальные интенции вовне, придавая им семантические значения и ценностную окрашенность. В феноменах открытого пространства можно установить, по мнению А.А. Пилипенко, непрерывное порождение культурных ценностей, а сам человек из существа творящего пространство становится субъектом культуры, «тогда время и пространство будут существовать постольку, поскольку они *о-смыслены*, и даже самые объективированные представления о них будут если не тождественны, то, по крайней мере, глубоко изоморфны культурным референциям»⁸. Между со-творением пространства и его осмыслением может быть значительная дистанция, вместе с тем каждая эпоха снижает эту дистанцию. В современном обществе осмысление и проектирование пространственных структур открытого типа может опережать их объективизацию. Открытость пространства самым непосредственным образом связана с открытостью личности на протяжении всего жизненного пути. Состояние открытости применимо, прежде всего, к личностям, обладающим яркими индивидуальными качествами, делающими их выдающимися людьми своего времени. Это образы героев (Т. Карлейль), «великие личности» Г.В. Плеханова, «пассионарии» Л. Гумилева. Благодаря своим способностям и талантам выдающиеся личности открывают свое пространство другим, формируют общественное мнение, утверждают новый

образ жизни, который становится достоянием многих. В гуще событий выдающийся человек способен выделять главное, находить истину. По мнению Т. Карлейля, выдающийся человек «должен обладать истиной», как яркая личность такой человек «испытывает благородную необходимость быть истинным»⁹. Превращение истины в ценность жизненного пространства раскрывает одну из важнейших характеристик топоса открытой личности, которая утверждает и расширяет сферу влияния своего личного пространства средствами культуры, используя богатые культурные ресурсы эпохи для реализации своих замыслов.

Проектирование топоса «закрытое пространство» основано на существовании определенного типа личностей, для которого, по нашему мнению, характерны следующие черты: самостоятельная жизненная позиция, ориентированная на личный успех и благополучие; завышенные самооценки собственного «Я», порождающие эгоцентризм; наличие ценностных установок, определяющих избирательное отношение к социальному окружению с позиций интересов и потребностей своего «Я». Личность как субъект «закрытого», «заслоненного», «эндогенного» пространства отличается способностями к организации собственных поведенческих практик, которые воплощаются в стратегиях жизненного пути. Эти стратегии обусловлены стремлениями личности усилить функциональную заданность индивидуального пространства, создать собственную защитную территорию, превратить, как говорят англичане, дом в крепость. Образуется топоцентризм, где индивидуальная жизнь реализуется в жизненных позициях, направленных на сохранение своего места в межличностных связях, места в социальных структурах общества.

Удивительная гамма положительных и отрицательных, позитивных и негативных феноменов «закрытого пространства» раскрывается в жизненном пути личности эпохи Ренессанса. Отгораживаясь от беспокойной общественной жизни собственной защитной территорией, личность демонстрирует безграничные возможности индивидуализма и эгоизма, внутреннюю силу творческих порывов и разрушительную энергию разочарований и необыкновенного цинизма. Исследуя проявления титанизма эпохи Возрождения, А.Ф. Лосев отмечает: «Едва ли весь этот безграничный разгул страстей, пороков и преступлений можно целиком отрывать от стихийного индивидуализма и от прославленного титанизма всего Ренессанса»¹⁰. Безграничный разгул страстей в закрытом пространстве реальной личности социально ограничивается территорией дома, замка, дворца. Личность в своих жизненных исканиях вынуждена «открываться» воздействиям культуры, нравственным правилам, наконец, общечеловеческим ценностям, отличающим человека от животного.

Живя в обществе с его обезличенным и институционально ориентированным пространством, личность сохраняет индивидуальность в относительно закрытом самобытном пространстве. В свою очередь, открытое пространство героев, гениев, выдающихся людей содержит индивидуальные жизненные ресурсы, без которых невозможно величие и героизм личности. Выражая индивидуальные возможности и социокультурные условия деятельности человека, топосы жизненного пути открывают новые познавательные горизонты пространственного бытия личности.

Примечания

¹ Шитлов А.В. Имплицитная культура // Человек. 2006. № 4. С. 14–15.

УДК 001:1

ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ ЖИЗНИ

Н.Н. Рыжлова

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
Email: ryhlova@gmail.com

В предлагаемой статье делается попытка дать методологию познания жизни и определить границы этого познания. При этом, как автор считает, время человеческой жизни выступает как интегратор бытия, а последнее – как посыл простиранья жизненного времени за счет способности транслировать прошлое, преобразовывать настоящее, творить будущее.

Ключевые слова: жизнь, познание жизни, теория познания, границы знания.

The Boundaries of Life

N.N. Rihlova

In the article an attempt is made to propose a methodology of life cognition and to determine the boundaries of this cognition. Here the authors believe that the period of human life acts as an integrator of being, and the latter – as a premise of spreading life time with the help of ability to compile the past, to transform the present and create the future.

Key words: life, cognition of life, theory of knowledge, limits of knowledge.

Важнейшим вопросом философии и наук о Земле в XX веке стал вопрос о возможных границах познания жизни, который потребовал уточнения понятий «границы» и «конец». Эти понятия различны: ведь за границы можно заглядывать, их можно преодолевать, но это не имеет смысла относительно конца чего-либо. Науки биология, социология, педагогика, психология в их эмпирических аспектах занимаются только измеримыми компонентами реальности, а их современное развитие, прежде всего биопсихосоциальные характеристики, показали, что

² Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 73.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 280.

⁴ Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 364.

⁵ Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1981. С. 471.

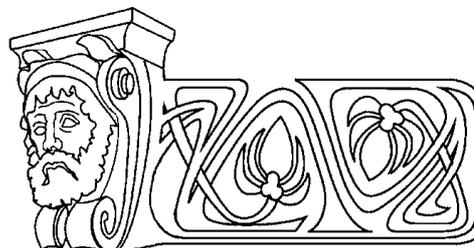
⁶ Смысл жизни в русской философии. Конец XIX – начало XX века. СПб., 1995. С. 53.

⁷ Розанов В.В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни в русской философии. 1995. С. 172.

⁸ Пилипенко А.А. Время и пространство в восприятии человека // Мир психологии. М.; Воронеж, 1999. № 4. С. 30–31.

⁹ Карлейль Т. Герои и героическое в истории. М., 2001. С. 210–211.

¹⁰ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1982. С. 135.

при достижении неких экспериментальных областей становится уже невозможным невозмущающее измерение соответствующих параметров. В этой связи не современное состояние технологических возможностей ограничивает точность измерения, а граница лежит в природе феноменов жизни и коренится в методе науки. Поэтому данная граница может быть названа **методологической**.

Методологическую границу нельзя передвинуть без принципиального изменения современного способа формирования научных понятий. Возможность такого изменения нельзя ни исключить, ни предсказать, о чем свидетельствует постнеклассическое биогеофилософское объяснение категории «жизнь» как универсального геокосмического феномена материального и духовного мира, охватывающего разнопорядковые геосистемные субстраты, и объяснение категории «простиранье жизни» как процесса и результата локализации и распространения качественного и количественного многообразия материи в земном и геокосмическом пространстве-времени. В этом смысле категория простиранья человеческой жизни понимается как непрерывная цепь событий освоения человеком временного пространства своей жизни. Время человеческой жизни выступает при этом как интегратор его бытия, а последнее – как посыл простиранья жизненного времени за счет способности транслировать прошлое, преобразовывать настоящее, творить будущее.

Определение жизни как результата деятельности сил природы, постепенно охватывающего

все большую и большую область геокосмического пространства-времени, восходит к философии Древнего Мира, древнегреческой философии через признание единства микрокосма, макрокосма и космоантропной организации хаоса жизни. Био-философский смысл познания жизни нашел отражение в теориях возникновения жизни на Земле абиогенным путем (А.И. Опарин, Дж. Холдейн, С. Фоке, С. Миллер, Г. Меллер), в эволюционной теории Ч. Дарвина, в биогенетическом законе (Ф. Мюллер, Э. Геккель, А.Н. Северцов), в законе необратимости эволюции (Л. Долло) и законе биогенной миграции атомов (В.И. Вернадский).

Можно констатировать, что основой комплексного познания жизни являются диалектический материализм, экзистенциализм, позитивизм и сциентизм, в частности, систематика К. Линнея, законы Ж. Кювье и К. Бэра, эволюционное учение Дарвина. Законы К. Бэра о зародышевой организации и эмбриональном развитии различных классов позвоночных животных, закон соподчинения функций Ж. Кювье и закон естественного отбора Дарвина стали предпосылкой к философскому осмыслению пространственно-временной организации жизни и действующих принципов жизненного пространства-времени. Решающими предпосылками развития философии жизни явились труды Н.И. Вавилова (закон гомологических рядов в наследственной изменчивости), И.И. Мечникова (фагоцитарная теория), И.П. Павлова (учение о высшей нервной деятельности), К.А. Тимирязева (закон фотосинтеза), А.П. Карпинского (работы по палеонтологии), И.В. Сеченова (рефлекторная природа деятельности) и др.

В настоящее время границы познания жизни расширяются. Идеалистическое экзистенциальное понимание жизни сменяется постнеклассическим синергетическим подходом. Междисциплинарный и постпозитивистский подход вышел на новые биофизические и психо-физиологические измерения эволюции Земли и Вселенной. На базе Института исследования природы времени МГУ им. М.В. Ломоносова с середины 1980-х гг. действует Российский междисциплинарный семинар по изучению жизненных феноменов пространства-времени. Биологическое пространство-время рассмотрено согласно учению В.И. Вернадского в аспекте геологической вечности жизни (Г.П. Аксёнов) и темпоральном аспекте географических наук (А.Д. Арманд), как предмет квазихимического моделирования (Ю.А. Ершов). Создан контекст реляционного и субстанционального времени (М.Л. Арушанов, С.М. Коротаев), бытия и комплексных величин естественных систем (А.П. Левич, Г.Е. Михайловский).

Чтобы понять специфику постнеклассической модели объяснения жизни применительно к фундаментальным научным понятиям, сначала следует уяснить, какие биологические, педагогические, психологические законы доступны человеку. Именно здесь и возникает основная слож-

ность ввиду того, что данные науки имеют дело преимущественно с функциональными типами и свойствами, и, как следствие, любые обобщения, применимые в данной ситуации, будут связывать между собой функциональные типы или функциональные типы со структурами.

Но человек, являясь пространственно ограниченной, не является замкнутой системой. Ей присущ обмен с внешней средой, что обеспечивает простиранье жизни не только в пространстве, но и во времени. Язык пространства-времени является тем инвариантным языком, который позволяет «сшить» жизнь от прошлого к настоящему и далее к будущему в целом и философски осмыслить жизнь через синтез наук в системе «природа-человек-общество».

Продвижение методологии синтетической реконструкции геосистемных положений о жизни, таких, как пространственно-временной принцип жизни, категории простиранья жизни и ее субстратов, динамической устойчивости жизни и креативной основы бытия человека и ее развития посредством педагогических функций, позволяет, с одной стороны – быть ближе к фактической методологии биологических, педагогических, психологических и социальных наук, а с другой – помогает обнаружить логику динамики жизни как эволюционного процесса жизни, выявить нелинейную динамику экспансии жизни.

Для философского познания жизни важную роль играет постулированный принцип космизма жизни, проходящий через всю историю русской философии. Проблема существа жизненного пространства-времени занимала центральное место в философии русского космизма (В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский), в котором человеческий мир и Земля рассматриваются как всеединые динамические и органические целостности, как геохронотопное единство живых существ. В условиях глобального экологического кризиса, когда решается судьба жизни человечества на Земле, сделаны решающие шаги по дальнейшему развитию философии русского космизма в пограничных областях естествознания, гуманитарных и обществоведческих дисциплин.

Расширение границ познания жизни осуществляется через историческую стрелу времени «биосфера – ноосфера». Идеи русских космистов о живой и разумной Вселенной, о роли сознания в эволюции человечества получили широкое признание в философии науки (Э. Леруа, Н. Бехтерева, Р. Джан и Б. Данн, С. Гроф, В. Налимов, Н. Моисеев, В. Дюррант, Ф. Типлер, Дж. Бэрроу и др.). Научно-философские положения о космическом происхождении жизни на Земле, об «искании мировой космической связи», о биосфере и ее переходе в ноосферу активно разрабатывались российскими философами и естествоиспытателями (Н. Умов, П. Флоренский, В. Муравьев, А. Горский и др.). Комплексным проблемам экологически устойчивого развития жизнедеятельности

посвящен ряд философско-научных исследований отечественных авторов¹.

В последние десятилетия на основе бурного праксиологического развития биотехнологий в оборот философии науки и техники прочно вошли термины «философия биологии» и «биофилософия». Проведена линия преемственности биофилософии с философией жизни и ее многочисленными ответвлениями (витализм, евгеника, биоэтика, биоэстетика и др.). Создано новое направление «био- и экофилософия», появились соответствующие коллективные философские труды: Лисеев И.К., Огурцов А.П. Философия природы: коэволюционная стратегия (М., 1995); Шаталов А.Т., Олейников Ю.В. К проблеме становления биофилософии // Биофилософия. М., 1997; Идея смерти в российском менталитете / Под ред. Ю.В. Хен (редкол.: И.К. Лисеев, Л.В. Фесенкова, А.Т. Шаталов, О.Е. Баксанский. СПб., 1999). Разрабатывается стратегия решения цивилизационных проблем человеческого бытия и определяется ориентация человечества на геосистемную целостность природы, человека и общества, которая содержательно представлена агробио-, биосоцио- и духовно-ноосферным, валеологическим и биомедицинским подходами как взаимосвязанными методологическими регулятивами научной картины мира в работах А.К. Адамова, В.Г. Борзенкова, Н.И. Вавилова, Г.А. Добровольского, Н.П. Дубинина, Д.И. Дубровского, Ю.Ю. Елисеева, В.Б. Самсонова, А.А. Понукалина, И.П. Фролова, Г.И. Худякова и др.².

Для решения философско-методологических проблем жизни очевидна полезность достижений синергетики в области сложных процессов самоорганизации открытых систем. Это способствует философскому осмыслению взаимодействий природы, человека и общества для восстановления процессов самоорганизации биосферы. Работы по синергетике имеют теоретико-методологическое значение для познания жизни и ее сложных процессов в геосистеме «природа-человек-общество», в диссипативных системах с нелинейными взаимодействиями живой и неживой природы. Синергетика как наука, объединяющая теорию сложных систем, теорию хаоса, теорию катастроф и т.д., сегодня достигла ряда существенных результатов в различных областях философии жизни (М. Глейк, Э. Ласло, И. Пригожин, И. Стенгерс, А. Тьюринг, Г. Хакен, М. Эйген, А.А. Андропов, В.И. Арнольд, В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович, С.П. Капица, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий, Н.Н. Моисеев, Е.Я. Режабек, Г.Ю. Ризниченко, В.С. Степин, А.И. Субетто и др.).

Вместе с тем необходима дальнейшая разработка философии творческого человеческого существования на Земле, отвечающая конструктивному осмыслению жизненных феноменов для целенаправленного креатив-

ного развития человека и человеческого мира в геокосмическом пространстве-времени. Это направление современной философии жизни исходит из критической оценки современного философско-методологического состояния множества наук о жизни, которые, по оценке О.Л. Кузнецова, П.Г. Кузнецова и Б.Е. Большакова, не соответствуют ныне общенаучному принципу инвариантности, возможному использованию фундаментально-прикладных результатов проектирования геосистемы.

Многие научные методы основываются на ряде основополагающих допущений, без которых нельзя даже начать заниматься исследованием жизни. К их числу относится, в частности, принцип непротиворечивости. Например, биология, пропускает биологическую реальность через своего рода логический фильтр. О новой границе биологического познания здесь можно говорить, разумеется, в том случае, если мы убеждены, что за ней что-то есть, что биологическая действительность не тождественна действительности вообще. Чтобы утверждать последнее, достаточно одного высказывания о действительности, несовместимого с логическими аксиомами. Его сделать трудно, поскольку любое конструктивное мышление логично, а противоречивые высказывания кажутся бессмысленными и зачастую просто отбрасываются. Но задача значительно облегчается, если признать, что различение смысла и бессмыслицы само предполагает логику. Противоречивые высказывания типичны, к примеру, в рассуждениях о боге, душе, сущности времени, сущности жизни и т.д. Но тем самым эта граница биологического познания, исключающая противоречивую часть действительности, становится личной проблемой каждого человека. Ее существование уже не может быть логически доказано, но только прочувствовано. Эту границу можно назвать *онтологической границей* познания и утверждать, что она является по существу стимулом всякого исследования жизни.

Например, новыми смыслами наполняется универсальная закономерность человеческого бытия «жизнь-смерть-бессмертие». Отечественные разработчики современной концепции практического бессмертия человека (В.Ф. Купревич, П.А. Ребиндер, Л.В. Комаров, Л.Е. Балашов, Г.Д. Бердышев и др.) использовали различные подходы и взгляды на проблему жизни, смерти и бессмертия человека таких русских религиозных философов, как К.Н. Леонтьев, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и П.А. Флоренский, а также наработки по линиям «смертнического» (В.Г. Белинский, А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский) и «бессмертнического» материализма (К.Э. Циолковский, биокосмисты, А.М. Горький)³.

Желание постичь жизнь разумом, логически упорядочить ее и понять лежит в основе деятельности каждого исследователя. Но это равнозначно

желанию отодвинуть онтологическую границу бытия. Прогресс естественных наук, в общем, справедливо связывают с изгнанием духа из природы. Бояться этого можно, лишь считая онтологическую границу концом.

Духовное нельзя обосновать логически, оно может быть только пережито. Отсюда следует, что все наши действия, в конечном счете, определяются личным решением, а не общезначимыми логическими доказательствами. По-видимому, именно боязнь личных решений может стимулировать попытки сведения действительности к био-, психо-, социо-реальности и отрицания онтологической границы, где кончается наука и начинается философия, в нашем случае идущая от природы к идее и, наоборот, от идеи к природе. Их совместное рассмотрение привело нас к мысли, что процесс геосистемного и философского исследования жизни и процесс проектирования безопасности человеческого бытия есть лишь разные названия единого, целостного процесса будущего устойчивого развития мира. Такой подход расширяет границу научного познания и задает *технологическую границу*.

Многие тысячелетия до начала XX в. знания о сущности жизни в культуре сводились к одному – к рассмотрению существования живой и разумной материи без феномена жизненной среды. Хайдеггеровское «бытие как присутствие», «жизнь как воля к власти» Ницше, «жизнь – как способ бытия» Дильтея – это продолжение традиции философского анализа бытия через призму жизненных проблем человеческого существования. Последовательно геосистемное осмысление человеческой жизни и земного бытия осуществляется отечественными школами философии науки. В связи с этим в саратовской философской школе Я.Ф. Аскина представляют интерес работы В.В. Афанасьевой, В.Н. Гасилина, Е.М. Иванова, В.Г. Косыхина, С.Ф. Мартыновича, Р.В. Маслова, С.П. Позднейвой, В.Б. Самсонова, В.И. Снесара, В.Б. Устьянцева, В.Н. Ярской и др.⁴

Геосистемная категория как объект новой научной картины мира позволила рассмотреть феномен жизни в ключе философии антропокосмизма (В.Н. Сагаатовский), поставить вопрос об обществе риска в жизненном пространстве (В.Б. Устьянцев) и ввести в философско-научный оборот топотемпомерный метод понятия геохронотопа и биопсихосоциальной материи человеческого бытия (В.Б. Самсонов).

Перспективными для расширения границ познания явились исследования в области коэволюции природы, человека и общества, устойчивого развития социоприродных систем (Н.Н. Моисеев, Л.Н. Гумилев, Э.С. Кульпин, А.Д. Урсул и др.). Процесс формирования этого новаторского направления в отечественной философии начался при дальнейшей специализированной пространственно-временной трактовке совре-

менной картины мира и творчества как феномена креативного человека⁵ и безопасного его бытия. Свой вклад в этот вектор познания жизни внесли защищенные в последние годы некоторые диссертации по специальности «философия науки и техники, философские науки».

Отметим диссертационные исследования по следующим темам: «Биотехнический прогресс в контексте эволюционизма» (И.М. Вакула, 2003), «Концепция экологически безопасного развития малого региона» (А.В. Чеботарев, 2003), «Философские аспекты проблем создания искусственного интеллекта» (И.А. Быковский, 2003), «Развитие и безопасность социоприродных систем» (А.Л. Романович, 2003), «Коэволюционная парадигма формирования социоприродных систем» (Е.И. Салов, 2004), «Ответственность субъекта природопользования» (Н.В. Бессонова, 2004), «Концепция экологического кризиса в современной философии хозяйства» (В.Н. Елманов, 2004), «Риск в природопреобразующей деятельности» (Д.И. Токарев, 2005), «Биогеофилософская концепция простиранья жизни» (И.И. Колишник, 2007), «Субъектная динамика культуры жизни» (Е.Н. Лысенко, 2007)⁶. Таким образом, в рамках философии науки и техники созданы достаточные предпосылки для расширения границ познания жизни и формирования новых направлений философии жизни.

Достижения наук биологии, педагогики, психологии, социологии ведут к новым технологиям, позволяющим расширять границы познания жизни, проектировать мероприятия, способные обеспечить состояния благополучия человеческого существования в мире в единстве с определяющими её условиями общественной жизни и сферами жизненного пространства-времени (образование, трудовая сфера, быт, брак и семья, социальное обеспечение, здравоохранение, охрана окружающей среды и др.).

Посредством педагогической деятельности расширяется познание жизни человеком. Обращенное в прошлое, образование транслирует метаисторию, обращенное в настоящее – актуальную современность, а обращенное в будущее – прожективную виртуальность. В процессе педагогической деятельности обеспечивается культуротворящая преемственность между прошлым и настоящим. Познание жизни человеком происходит в жизненном пространстве-времени определенной страны. Человек воспитывается на культурных традициях в рамках национально-культурного кода, создает цивилизационные ценности.

Применение принципа культа образа опирается на историко-цивилизационные истоки, общеобразовательный характер, идеологическое назначение, высокий духовный замысел и педагогический образец. Любопытно, что практически у каждого народа в образовательно-педагогических целях для обеспечения межпоколенной преем-

ственности своей самобытной культуры сформирован собирательный образ народного героя, олицетворяющего в себе черты этнического или национального характера. Закрепленные в национально-культурном коде цивилизационные и национальные ценности незаменимы. Отечественный культ образа по существу всегда имеет народный характер и образовательную целенаправленность.

В процессе педагогической деятельности обеспечивается целостность настоящего – взаимодействие двух видов опыта (общественно-исторического и индивидуально-творческого), которое в образовании человека должно идти не по линии вытеснения индивидуального и наполнения его общественным опытом, а путем их целостности, постоянного согласования, использования всего того, что накоплено личностью как субъектом творчества и его жизнедеятельности. Познание жизни идет не только путем овладения человеком образцами творческой деятельности, но и через постоянное обогащение, преобразование субъектного опыта как важного источника собственного развития. Национальная система образования порождает креативного человека, целесообразного смыслом в жизненном времени, обращенного в будущее. Познание жизни через творчество есть путь концентрации будущего в настоящем, потому что оно всегда есть будущетворение (А.И. Субетто).

Познание жизни через творчество уникально. Оно рождает первичную творческую интуицию, творческие замыслы и внутренний творческий акт любви к человеку и красоте мира. Природа творческого акта дуальна, она всегда есть встреча. Есть первоначальный творческий акт, в котором человек сталкивается со своим внутренним миром. Это есть, прежде всего, познание, с одной стороны, внутреннее еще неизвестное миру и не выраженное для мира, сокровенное. С другой стороны, внешнее – то есть вторичный творческий акт, в котором человек стоит перед лицом целого сотворенного мира. И здесь познание связано с тем, что человек есть существо социальное и дарованная человеку наследственность реализуется в мире творчества.

Источник, питающий развитие креативного человека, является ее основой. Это потенциальная открытость человека миру, позволяющая ему в процессе присвоения знаний выходить за пределы известного, усвоенного, в том числе за пределы самого себя, создавать новое, творить.

Таким образом, границы познания жизни сегодня определяют новые тенденции развития. Они связаны с комплексом вновь возникших или по-новому поставленных философско-мировоззренческих, гносеологических и социально-этических вопросов, обращенных к диалектике как наиболее адекватному методу их исследования.

Примечания

- ¹ Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. М., 1993; Лосев К.С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития в XXI веке. М., 2001; Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития). М., 1999; Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М., 2002; Урсул А.Д., Лось В.А., Демидов Ф.Д. Концептуальные основы устойчивого развития. М., 2003 и др.
- ² Фролов И.П. Перспективы человека. М., 1983; Худяков Г.И. Ноосферные структуры. Саратов, 1993; Российская цивилизация: Пространственно-временные характеристики / Под ред. В.Б. Самсонова. Саратов, 2001; Борзенков В.Г., Юдин Б.Г. Человек как объект комплексного междисциплинарного исследования: методологические аспекты // Личность. Культура. Общество. М., 2002; Адамов А.К. Ноосферная философия. Саратов, 2004 и др.
- ³ Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. М., 2005.
- ⁴ Аскин Я.Ф. Культура и время. Саратов, 1998; Афанасьева В.В. Детерминированный хаос: от физики к философии. Саратов, 2001; Позднева С.П. Категорийный язык современной науки. Саратов, 2002; Маслов Р.В. Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты. Саратов, 2003; Мартынович С.Ф. Ценность, креативность, научная рациональность // Проблемы эффективности, рационализации и человеческая деятельность. Новосибирск, 1991; Снесар В.И. Методологические аспекты гуманной цивилизации. Саратов, 1996; Устьянцев В.Б. Ценностное бытие человека // Ценности, мир XXI века: история, герменевтика, феноменология. Саратов, 2004; Самсонов В.Б. Синергетическая теория геосистемы // Вестник СГСЭУ. 2004. № 8. С. 98–106 и др.
- ⁵ Современная картина мира: общество, время, пространство / Отв. ред. В.Б. Устьянцева: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2001; Эмпиризм и рационализм креативного образования / Под ред. В.Б. Самсонова, И.И. Колисник. Саратов, 2006.
- ⁶ Там же.

УДК 316.74:39

ЭТОС КАК ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ

А.В. Рязанов

Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина,
кафедра социальных коммуникаций
E-mail: ryazanov62@mail.ru

Статья посвящена анализу содержания понятия «этнос» и попытке его интерпретации через понятие «этносоциальный опыт». Особое внимание уделено рассмотрению возможностей спланированного изменения этноса с целью облегчения процесса модернизации российского общества.

Ключевые слова: этнос, этносоциальный опыт, габитус, возможности спланированных изменений, модернизация.

Ethos as Ethno-Social Experience

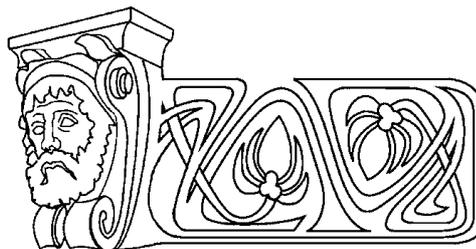
A.V. Ryazanov

The article is devoted to analysis of the 'ethos' notion content and attempt to interpret it through the concept 'ethno-social experience'. Particular attention is given to the consideration of the opportunities of 'ethos' planned change with the purpose to make easier the modernization process of the Russian society.

Key words: ethos, ethno-social experience, habitus, opportunities of planned change, modernization.

Проблема социальных изменений на современном этапе развития гуманитарного знания является одной из ключевых. Термины, используемые для описания этих изменений, не являются в достаточной степени определенными. В итоге исследователи оперируют близкими по содержанию, но разными терминами, что создает в ряде случаев проблемы при сопоставлении полученных результатов. Среди таких терминов можно выделить «этнос» и «габитус», которые могут быть интерпретированы как «этносоциальный опыт». Интересно отметить, что, несмотря на очевидную близость (хотя и не тождественность) понятий «этнос» и «габитус», авторы, исследующие проблематику социальных изменений, почему-то сравнительно редко комментируют этот факт. Одним из немногих комментариев является такой найденный в интернет-ресурсе: «при социологическом исследовании габитуса можно выделять в нем функциональные элементы, такие, как «этнос» (совокупность усвоенных моральных правил и норм) и «экзис» (манеры поведения, телесные диспозиции ...)»¹ Таким образом, габитус представляется более объемным понятием, чем этнос. Анализ содержания этих понятий важен, так как они часто используются современными социологами, культурологами и философами для описания изменений в транзитивных обществах.

Понятие «этнос» не имеет сколько-нибудь четкого определения и может пониматься по-разному. Речь может идти об этносе этноса, культуры, религиозном и даже глобальном этносе. Р. Бенедикт

считала, что «каждая культура имеет уникальную конфигурацию внутрикультурных элементов, которые все объединены одной культурной темой (которую Бенедикт называла этносом культуры), определяющей не только каким образом элементы культуры соотносятся друг с другом, но и их содержание... Таким образом, этнос культуры проявляется во всевозможных сферах человеческой жизни: в системах распределения собственности, в структурах социальной иерархии, в материальных вещах и технологиях их производства, во всех разновидностях половых отношений, в формировании союзов и кланов внутри общества, в способах экономического обмена и т.п.»² В ее понимании этнос представляет собой отобранный обстоятельствами структурированный опыт, воплощенный в представлениях и находящийся выражение в определенных практиках, предназначенный для последующего воспроизводства интериоризировавшими его субъектами. А поскольку культуры имеют этническую окраску, то этнос можно интерпретировать как этносоциальный опыт. Следовательно, этнос имеет смысл считать особым идеальным социокультурным образованием и одновременно комплексом поведенческих программ, реализация которых обеспечивает его воспроизводство.

Н. Элиас утверждает, что «...всякий отдельный человек, при всех его отличиях от других людей, несет на себе также специфический отпечаток, общий для всех членов общества, к которому он принадлежит. Этот характерный склад, то есть социальный габитус индивидов, образует своего рода плодородную почву, на которой вырастают те личные признаки, благодаря которым отдельный человек отличается от других членов своего общества»³. В соответствии с таким подходом, чем более традиционным оказывается рассматриваемый социум, тем в большей степени поведение человека определяется именно социальным габитусом. Индивидуальный же габитус оказывается слабо выраженным. Чем больше выражена степень индивидуализации, распространенная среди членов того или иного социума, тем менее весомую роль для индивида будет играть инкорпорированный в него социальный габитус.

Габитус, являясь по происхождению чисто социальной силой, составляет природу индивида. «Понимание человека как агента социальных практик не требует обращения к таким «внутренним» характеристикам, как переживание, интенция. Понимание состоит в схватывании объективного наме-

рения, лежащего в основании практик, и не требует воссоздания исходных намерений и переживаний актора»⁴. В соответствии с такой трактовкой не агент использует социальные практики, а социальные практики пользуются агентом.

По мнению П. Бурдьё, «являясь продуктом истории, габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные, а следовательно – саму историю в соответствии со схемами, порожденными историей. Он обеспечивает присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия, более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени»⁵. При такой трактовке габитус оказывается настолько тесно сопряженным с этосом, что отделить одно от другого представляется делом весьма сложным.

Представляется, что этос не может быть не воплощенным в какой-то своей части в коммуникативных или хозяйственных практиках, свойственных той или иной группе. Он структурирует их, являясь источником их стабильности и изменения. Таким образом, габитус стоит над человеком, так как институты «объективированы в телах» «в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованиям среды»⁶. Этос же, являясь результатом длительной адаптации группы к определенной среде, обладает большей самостоятельностью и интериоризированный человеком и через человека участвует в этих практиках как активное начало. Следовательно, склонность к использованию одного или другого термина может быть объяснена системой координат, которой придерживается (или к которой склонен) конкретный исследователь.

Этос как этносоциальный опыт имеет сложную структуру, он прочно связывает человека с социальной историей своего народа. Этос сохраняется в пословицах, поговорках, сказках, усваивается с изучением родного языка, проникает в психические и ментальные структуры индивида, определяет особенности его коммуникативного поведения и возможности адаптации к окружающей среде. Этносоциальный опыт сохраняется в концептах. «Концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта. Типизируемость этих единиц закрепляет представления в виде различных стереотипов, их осознаваемость дает возможность передавать о них информацию другим людям, их значимость закрепляет в индивидуальном и коллективном опыте важные (и потому эмоционально-переживаемые) характеристики действительности»⁷. Этносоциальный опыт, таким образом, оказывается эмоционально и ценностно окрашенным.

Этос как этносоциальный опыт, связывая человека со многими поколениями его предков,

тесно сопряжен с исторической памятью, которая служит механизмом его сохранения и воспроизводства во времени. Практическая целесообразность его применения в таком случае подкрепляется исторической традицией.

Этносоциальный опыт любого народа содержит определенные в каждом конкретном случае, постоянно повторяющиеся мифологические и архетипические сюжеты, которые являются средством адаптации его представителей в соответствующей природной и социальной среде. Вытеснение этих сюжетов или замещение их какими-либо другими может создавать реальную угрозу существованию преемственности поколений, а значит и этноса. Внедрение и продвижение новых мифов может привести к искажению или даже разрушению национальной (этнической) картины мира, что грозит непредсказуемыми последствиями в будущем. Поскольку мифы являются неотъемлемой частью жизни человека, они сопровождают функционирование идеологии, политики, массовой коммуникации. Культурно обусловленные архетипы ориентируют человека в социальном пространстве, стимулируя выполнение упакованных в них поведенческих программ. Актуализированные таким образом архетипы выступают в роли каркаса и удерживают этносоциальную систему в жизнеспособном состоянии.

Этос как воплощение этносоциального опыта находит свое выражение в коммуникативных и хозяйственных практиках, подготавливая их и составляя их эмоционально окрашенное сопровождение. Этос этноса не однозначен, он содержит разные, а иногда и противоположно направленные составляющие, актуализируя необходимые в зависимости от ситуации.

Резко возрастает значение сохранения этоса как этносоциального опыта в условиях транзитивного общества, когда происходит переоценка многих исторических событий. Преемственность в данном случае сохраняет связь поколений, предохраняет общество от наступления культурного шока (шока перехода, культурной утомляемости)⁸, поддерживает континуитет свойственных данному социуму ценностей. По мнению П. Бергера, «общество «предоставляет» нам ценности, логику и запас информации (как, кстати, и дезинформации), которые составляют наше «знание». И далеко не каждый в состоянии произвести переоценку не только всей навязанной обществом картины мира, но даже ее отдельных фрагментов. В действительности человек просто не чувствует потребности в такой переоценке, так как привитое в процессе социализации мировоззрение кажется ему самоочевидным»⁹. Социальная оснастка, усваиваемая и воспроизводимая человеком в процессе его жизнедеятельности, еще недавно гарантировала ему, при сравнительно медленных изменениях в течение жизни одного поколения, комфортное существование в рамках своей группы.

Информационный бум, технологический прорыв привели к быстрому наращиванию знаний, изменению быта многих людей, что само по себе представляется неизбежным. В то же время произошел рост степени индивидуализации и ослабление коллективистского начала в тех обществах, которые изначально к этому тяготели. Индивид становится все более независимым как в экономической, так и в социальной сфере. Функция социализации постепенно переходит к средствам массовой коммуникации.

Крайне осторожно имеет смысл воспринимать попытки некоторых специалистов обосновать возможность и необходимость «ремонта» этноса. Проблема в том, что подобные действия не могут быть с достаточной точностью просчитаны, а следовательно, их последствия сложно предугадать. Вполне возможно, что после такого реформирования, тем более, если оно будет происходить в неблагоприятном контексте, в коммуникативном пространстве этноса могут начаться негативные процессы, которые могут привести к кризису и даже к последующему распаду этноса. Нужно бережно относиться к историческому наследию. Подчас то, что сейчас кажется никому не нужным анахронизмом, впоследствии может стать источником роста как в экономическом, так и в духовном плане.

Представляется целесообразным не экспериментировать с феноменом, механизмы формирования и функционирования которого до сих пор остаются не ясными. Более продуктивным может быть поиск и последующее использование тех способов и форм деятельности, которые могут активизировать применение имеющегося на данный момент этносоциального опыта. Вероятно, в такой ситуации будет правильным приспособлять заимствованные извне формы к российским реалиям, а не наоборот. Определяющим должно быть соответствие планируемых изменений этносоциальному опыту, хотя бы его учет. В настоящее время, скорее, происходит обратное. Результатом является дезорганизация в экономической, социальной и политической сферах современного российского общества.

Этос как этносоциальный опыт, выполняя стабилизирующую и адаптивную функцию, представляет собой сложно структурированное образование, которое способно активизировать подчас неосознаваемые поведенческие императивы и программы их реализации. Он, будучи исторически изменчивым, обуславливает характер взаимодействия между людьми, являющимися его носителями, и в этом смысле лежит в основании человеческого и социального капитала¹⁰. Индивиды, используя этот багаж, «расширяют свои собственные возможности и способности, следуя правилам сотрудничества, которые, хотя и стесняют их свободу выбора, позволяют им вступать во взаимодействие с другими индивидами и координировать свои действия»¹¹.

В условиях глобализации возможность сохранения внутриэтнических связей и солидарности повышает конкурентноспособность и индивида, и его группы в целом. Поддержание в рамках этноса этноса определенного баланса ценностей и норм необходимо для сохранения самого этноса. А.И. Пригожин определяет этос как «социальный генотип нации, ее личность» и сравнивает его с «неким кодом, невидимой программой, которая воспроизводит соответствующие ей стереотипы деятельности»¹². Он также подчеркивает, что этос складывается двояким способом: «спонтанно-исторически в сочетании многих, далеко не всегда ясных обстоятельствах, факторов» и «управленчески, в результате решений органов власти, общественных договоров, точнее – их предусмотренных или непредвиденных последствий»¹³.

Создается впечатление, что вес второго фактора в данной системе взглядов существенно преувеличен. Он может быть только вторичным и, следовательно, в значительной степени зависит и определяется первым. Процесс управления тем, что само по себе является феноменальным образованием, механизм образования и функционирования которого остается во многом не ясным, неминуемо связан с существенными социальными рисками. Эти риски чреватые нежелательными последствиями, которые далеко не во всех случаях удается предугадать и предупредить. Ситуация усугубляется тем, что в условиях глобализации такие последствия могут быть особенно тяжелыми и даже иметь необратимый характер.

Внедрение «идеологием цивилизационного уровня»¹⁴ (законности, качества труда, взаимной обязательности), предлагаемое А.И. Пригожиным, само по себе вряд ли может «обогащать» этос. Законность будет соблюдаться большинством только в том случае, если законы будут соответствовать реальной жизни, а не желаниям законодателя. Труд будет качественным, если (дополнительно к иным необходимым условиям) он будет достойно вознаграждаться. Взаимная обязательность (в том числе и в деловой сфере) начинает работать тогда, когда она действительно *взаимна* и люди видят отдачу от следования образцам.

А.И. Пригожин также считает, что возможно целенаправленное и ускоренное изменение этоса нашей страны. По его мнению, «обогащению» этоса может способствовать «синергичное лидерство», внедрение кодексов и даже «международный аутсорсинг для внутренних задач»¹⁵. Однако проблема в том, что дискурс декларативных реформ в современной России обесценен, люди не будут ему следовать, так как он долгие годы не сопровождается параллельными адекватными действиями власти. Нужны не виртуальные, а реальные изменения.

Даже в том случае, если курс, характер и ресурсный потенциал реформ определены адекватно сложившейся в стране ситуации, остается проблема, связанная с желанием элиты (в том

числе и интеллектуальной) разрешить ее радикально. «Генеральная проблема состоит в том, что нельзя сохранить и развивать наследуемые институции, ибо в их системном ядре заложено тупиковое интенсивное качество. Задача состоит в том, чтобы похоронить перечисленные реалии, сохранив при этом нацию и государство, деструктурировать отмирающие организмы на кирпичики и сложить заново на качественно новых основаниях»¹⁶. Однако то, что сложилось исторически в результате взаимодействия факторов различного происхождения и постоянно воспроизводится, несмотря на усилия поколений реформаторов, в большинстве случаев невозможно изменить быстро и кардинально. Традиционные установки имеют свойство консервироваться, переживать неблагоприятные обстоятельства и актуализироваться, в то время как наивные прогрессисты объявляют их пережитками и достоянием историков¹⁷. Быстрые и кардинальные изменения нельзя считать рациональными. Необходимо найти способы использовать лучшие проявления этносоциального опыта в деле реального, а не имитационного реформирования экономической и политической сферы российского общества и государства.

Конструктивистские усилия реформаторов естественно ограничены проявлениями этносоциального опыта, которые могут и не иметь явного, внешнего выражения, но оказываются в состоянии блокировать инородные воздействия. Блокировка будет носить скорее неявный характер: формально (в том числе и в информационном пространстве) возможна видимость «успеха» нововведений. В действительности же ресурс адаптивности этносоциального опыта (если он сохранен) может сказать свое слово, и реальное содержание социальных процессов будет иным, нежели предполагают реформаторы.

Однако следует признать, что дискурс власти (подкрепляемый проводимой ею политикой) в условиях усиления «вертикальности» коммуникаций обладает значительным потенциалом¹⁸ и может быть использован во благо всего общества. Тем не менее необходимо понимать имеющиеся ограничения на пути реально необходимых социальных, политических и экономических инноваций и вовремя корректировать политику и ее идеологическое оформление. К сожалению, действующая власть не показывает признаков понимания имеющейся ситуации и не берет в полном смысле слова на себя ответственность за происходящее. Ее позицию можно охарактеризовать словами З. Баумана: «В настоящее время любимые стратегически принципы власть имущих – бегство, уклонение и независимость, и их идеальное состояние – невидимость. Попытки предугадать их шаги и непредвиденные последствия этих шагов (не говоря уже о том, чтобы предотвратить или остановить наиболее нежелательные из них)

имеют практическую эффективность, мало чем отличающуюся от эффективности действий Лиги предотвращения погодных изменений»¹⁹.

Власть должна быть внимательна к мнениям экспертного сообщества относительно направленности и характера проводимых реформ. Существует настоятельная необходимость экспертизы (реальной, а не имитационной) принимающихся законов с точки зрения их «вписывания» в российский контекст, так как немалая их часть не работает вообще или работает не так, как ожидали законодатели. В современной России именно это становится абсолютным пределом управляемости страны и главным энтропиком для реформаторских процессов в ней²⁰.

Манихео-гностический комплекс, свойственный русской культуре, подробно описанный И.Г. Яковенко и являющийся источником дуализации картины мира, блокирования диалога, мироотречности и «двойного морального стандарта»²¹ хорошо накладывается на историю США и проявляется в проводимой этим государством политике. Комплекс таких характеристик можно считать свойственным многим американцам, хотя мироотречность – не их черта. Манихео-гностический же комплекс, несомненно, присущий русским староверам, также не способствовал проявлениям в их среде мироотречности. Напомним, что немалая часть русских купцов была именно староверами. Таким образом, черты, свойственные вышеупомянутому комплексу, не всегда явно и в полном объеме присутствуют в этосах народов – его носителей. Оценки этих черт как позитивных или негативных носят субъективный характер и зависят от системы координат, в рамках которой мыслит исследователь.

Негативные черты русского этоса имеют обратную позитивную коннотацию. Так, мироотречность превращается в умение довольствоваться малым, манихейские черты – в готовность к мобилизации в необходимый момент. Следовательно, вышеупомянутый комплекс нельзя считать однозначно негативным, в нем есть и позитив, что необходимо учитывать в деле реформирования российского общества. По мнению А.С. Ахизера, заблуждение реформаторов заключается в том, что они считали важным не путь к введению, например, рынка, не «возможность бесконечных интерпретаций, необходимых для поиска эффективного пути, а воплощение идеального финала, ради которого надо использовать любые средства. Эти постсоветские реформаторы походили на большевиков, мало задумывавшихся над тем, что «любые средства» разрушают любые цели»²².

Несмотря на сложность структуры этоса как воплощения этносоциального опыта и неоднозначность его содержания, он, несомненно, является основой устойчивости экономической, социальной и политической жизни. Как ни странно может показаться, именно имеющийся этос, а вовсе не заслуги и прозорливость российской

власти в 90-е гг. прошлого века, позволил развитие постсоветской России по относительно бескровному сценарию. Реформы проводятся тем успешней, чем в большей степени они учитывают этносоциальный опыт народа или народов, проживающих в государстве. История показывает, что слепое копирование чужих институтов и практик редко кому шло на пользу. Этнос невозможно изменить декларациями, какими бы красивыми и многообещающими они ни были. Этнос – всегда результат опыта, много раз проверяемого и составляющего часть индивидуальной и групповой культуры.

Примечания

- 1 <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text>
- 2 Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 53–54.
- 3 Элиас Н. Общество индивидов / Пер. с нем. М., 2001. С. 253.
- 4 Гутнер Г.Б. Следование правилу и габитус в описании коммуникативной деятельности // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 108.
- 5 Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001. С. 105.
- 6 Бурдые П. Структуры, habitus, практики // Современные социальные теории. Новосибирск, 1995. С. 23.
- 7 Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М., 2005. С. 8.
- 8 Стефаненко Т. Этнопсихология. М.; Екатеринбург, 2000. С. 281.
- 9 Бергер П. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива / Пер. с англ. М., 1996. С. 110.

- 10 См.: Быченко Ю.Г. Социологическая концепция человеческого капитала. Саратов, 2000. С. 33–34.
- 11 Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер с англ. М., 2003. С. 27.
- 12 Пригожин А.И. Российский этнос: обогащение или лечение? // ОНС. 2006. № 2. С. 33.
- 13 Там же.
- 14 Пригожин А.И. Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М., 2007. С. 168.
- 15 Там же.
- 16 Яковенко И.Г. От экстенсивной к интенсивной стратегии исторического бытия (перспективы, риски, стратегии оптимизации) // Современные трансформации российской культуры / Отв. ред. И.В. Кондаков. М., 2005. С. 71.
- 17 Яковенко И.Г. Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М., 2006. С. 47.
- 18 См.: Рязанов А.В. Властный дискурс и общество в современной России // Власть и общество в России: традиции и современность: Материалы IV Всерос. науч. конф. В 2 т. Рязань, 2008. Т. 2. С. 154–159.
- 19 Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. СПб., 2008. С. 48.
- 20 См.: Пригожин А.И. Дезорганизация. С. 165.
- 21 См.: Яковенко И.Г. Манихео-гностицистический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 73–194.
- 22 Ахизер А.С. Российская цивилизация – пути изучения (опыт использования новых методов изучения) // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007. С. 39.

УДК 130.2

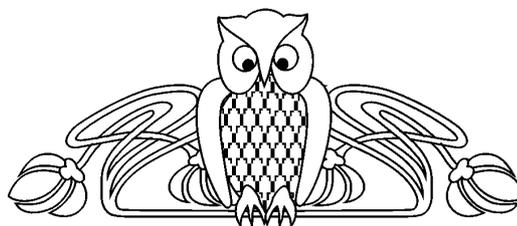
ЭСТЕТИКА СЛЕДОВ: ВОЛЯ К ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ АВАНГАРДНОГО ИСКУССТВА

С.И. Трунёв

Саратовский государственный технический университет, кафедра культурологи
E-mail: si_trounev@mail.ru

Анализируя современное искусство, автор приходит к выводу, что его (искусства) теоретической основой является философия жизни. В рамках данного направления впервые сформировались идеи, согласно которым любой объект (природы и культуры) является отпечатком индивидуальной воли к жизни (следом). След несет в себе историю индивидуального существования и в этом аспекте оказывается значимым как для автора, так и для потребителя. Для автора он представляет опредмеченную жизнь, для потребителя – свернутую индивидуальную историю, подлежащую расшифровке. Таким образом, в основе чувства удовольствия, получаемого от созерцания произведения искусства, лежит чувство власти над следами собственной или чужой жизни.

Ключевые слова: современное искусство, философия жизни, воля к власти, отпечаток, след.

Aesthetics of Traces: Will to the Power in a Context of Vanguard Art

S.I. Trounev

Analyzing the modern, the author comes to conclusion, that its (art) theoretical basis is the philosophy of life. In the frame of given direction innovative ideas were developed, according to which any object (the nature and culture) is a print of individual will to live (trace). The trace includes the history of individual existence and in this aspect it appears significant both for the author, and for the consumer. For the author it represents a life which is transformed into an object, for the consumer – the pressed individual history which is subject to decoding. Thus, at the base of feeling of the pleasure received from contemplation of a masterpiece of art, the feeling of the power over traces of author's own or alien's (contemplator's) life lays

Key words: modern art, philosophy of life, will to the power, print, trace.

Общество предоставляет художнику право тащить в выставочное пространство любой «сор жизни», самым актом экспозиции превращая его в искусство.

Б. Гройс

В 1917 г. М. Дюшан впервые выставил на всеобщее обозрение писсуар, эстетизировав указанный предмет повседневности самым названием – «Фонтан». Это событие открыло возможность художникам, как справедливо заметил Б. Гройс, превращать в произведение искусство практически любой объект, помещая его в пределы выставочного пространства. Период в развитии подобного рода искусства с начала XX в. до 1960-х гг. видится своеобразной паузой, вызванной внезапно открывшейся возможностью художественного освоения повседневности, вслед за которой на зарубежного и отечественного зрителя обрушивается лавина предметов, требующих признания в качестве произведений искусства. Так, в 1962 г. Э. Уорхол создает свои знаменитые «16 банок из-под супа» и, как повторение пройденного, в 1974 г. экспонирует консервные «Банки» В. Турецкий, а с 1975 по 1978 гг. над эстетизацией «Банок» успешно работает Д. Пригов. Далее, в 1971 г. В. Сидур выставляет своих «Железных игроков», тела и конечности которых смонтированы из элементов системы водоснабжения и канализации; в 1975 г. И. Шелковский экспонирует «Пакет молока». А далее – пыльные модели С. Волкова (пыль как строительный материал повседневности), деревянные модели А. Басанца, мусорные объекты (из технологического мусора) Е. Китаевой и группы «Речники», рассыпающиеся глиняные объекты А. Бродского ...

Двигаясь параллельно развитию визуального искусства, но в несколько иной плоскости, создает «Мусорный роман» и «Мусорного человека» И. Кабаков. Оба произведения – своеобразные шедевры эстетизации (и музеификации) бытовых отходов. Так, «Мусорный роман» представляет собой 16 томов подшитых и снабженных пояснительными надписями «документов» (проездных талончиков, квитанций и т.п.), а «Мусорный человек», в свою очередь, набран из приклеенных к деревянной основе частиц, обычно сметаемых во время уборки в совок или подбираемых пылесосом. «Между тем к каждому предмету приклеена этикетка, напоминающая, когда и в какой связи он был куплен, подобран, использован, выброшен, дающая краткую справку о сопутствующих житейских обстоятельствах. Все элементы мусора строго документированы и вплетены автором в канву собственной жизни. Причем в расположении этих предметов нет никакого разгула, разгрома, хаоса, подобающего мусорной куче, – напротив, они очень тщательно подобраны, стройными продольными и поперечными рядами расположены на стенде, аккуратно подклеены в альбоме»¹. На самом деле в этом нет никакого

противоречия: актом упорядочения «сора жизни» художник продемонстрировал значимость любых отходов человеческой жизнедеятельности для формирования истории каждого человека, взятого в его, порой ничем не примечательной, повседневной жизни.

Приведенный краткий исторический экскурс позволяет, с одной стороны, очертить масштабы расширения горизонтов эстетики во второй половине XX в. и, с другой – заново поставить вопрос о сущности и причинах данного процесса. На наш взгляд, экспансия повседневности в искусство имеет длительную предысторию. Приблизительно на рубеже XIX–XX вв. (а точнее, несколько раньше) представители так называемой «философии жизни» произвели поистине коперниканский переворот в области эстетики и, если брать шире, в понимании сущности культуры как таковой. Дело касалось прежде всего вопроса сотворения форм: природных форм и форм культуры во всем их многообразии. Согласно представителям указанного философского направления, и у тех, и у других оказалась одна основа – жизнь, понимаемая как биологический творческий импульс или некая самостийно творящая воля. В этом аспекте любой, в том числе эстетический, объект обрел свою специфику не в качестве индивидуальной формы, воплощающей родовую идею, но в качестве *следа*, спонтанно оставленного самой жизнью.

Уже в 1855 г. была напечатана и защищена диссертация Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», в которой автор, по сути, защищает один ключевой тезис: объекты природы, как и произведения искусства, прекрасны в той мере, в какой они являются носителями жизни. Все, что противоречит жизни или искажается, вследствие неблагоприятных жизненных обстоятельств так или иначе кажется нам безобразным. Это положение касается прежде всего природы: «Не нужно подробно говорить и о том, что и в растениях нам нравится свежесть цвета и роскошность, богатство форм, обнаруживающие богатую силами свежую жизнь. Увядающее растение нехорошо; растение, в котором мало жизненных соков, нехорошо»². Это касается также и красоты человеческого тела, костное и мускульное сложение которого повествует нам о качестве жизни, о низком или высоком качестве условий, в которых оно сформировалось: «Одним словом, в описаниях красавицы в народных песнях не найдется ни одного признака красоты, который не был бы выражением цветущего здоровья и равновесия сил в организме, всегдашнего следствия жизни в довольстве при постоянной и нешуточной, но не чрезмерной работе. Совершенно другое дело светская красавица: уже несколько поколений предки ее жили, не работая руками, [...] необходимым следствием всего этого должны быть маленькие ручки и ножки – они признак такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высших классов общества»³. Тела растений, животных, человека

оказываются, согласно теории Н.Г. Чернышевского, не видимыми индивидуальными проявлениями родовой идеи, но именно следами благоприятных или неблагоприятных проявлений жизни. И поскольку жизнь есть свойство индивидуальных существ, отвлеченные идеи не входят в сферу эстетики. Собственно, эстетика Н.Г. Чернышевского, на наш взгляд, не только предопределила дальнейшее развитие эстетической проблематики в философии жизни, но определила основную ее направленность: от классического эстетического объекта к объекту, являющемуся отпечатком определенных жизненных обстоятельств, *следом бытия*.

В работах А. Шопенгауэра индивидуальная вещь еще не является *прямым* отпечатком воли к жизни, поскольку между ними располагается мир объективаций. Согласно учению данного мыслителя воля к жизни как вещь-в-себе непознаваема, но ее объективации, родственные платоновским идеям, могут быть созерцаемы незаинтересованным сознанием художника и по этой причине составляют подлинное содержание изобразительного искусства. Учитывая последнее, можно обозначить положение, занимаемое философской эстетикой А. Шопенгауэра как промежуточное, т.е. отмечающее границу между классической (платоновско-гегельянской) и неклассической, идущей, вероятно, от Ф. Ницше, эстетическими линиями.

Для Ф. Ницше миром объективаций воли к жизни оказывается реальность в целом, включая культуру и каждый ее феномен в отдельности (например, мораль); творец именно потому является творцом, что он – проводник сверхличностного творческого импульса, в силу наличия которого только и возможно творчество. Ницше, таким образом, впервые представляет весь мир совокупностью относительно долговечных следов, оставленных волей к жизни (власти) и подлежащих интерпретации именно с этой точки зрения. В работе «К генеалогии морали», философ утверждает, что «все цели, все выгоды суть лишь симптомы того, что некая воля к власти возгосподствовала над чем-то менее могущественным и самотворно оттиснула его значением определенной функции; и оттого совокупная история всякой «вещи», органа, навыка может предстать непрерывной цепью знаков, поддающихся все новым интерпретациям и приспособлениям, причины которых не нуждаются даже во взаимосвязи, но при известных условиях чисто случайно следуют друг за другом и сменяют друг друга»⁴. Это важный момент: *воля к власти означает реальные вещи, одновременно придавая им определенную функцию, в которой они в дальнейшем являются объектами ее манипуляций*.

В «Набросках к критике исторического разума» (1907–1910 гг.) В. Дильтей разрабатывал новые методологические основания исторического познания, также ставя во главу угла понятие

жизни. Жизнь для немецкого философа – это, прежде всего, единство, связующее отдельные более или менее значимые моменты (переживания) единичного существования. Среди этих переживаний сохраняются в памяти и извлекаются из потока событий и предаваемого забвению лишь те, которые имеют особую значимость сами по себе и для связности жизни, и эта связность создана самой жизнью, сохраняясь в различном местонахождении человека, в его постоянных передвижениях. Переживания есть наиболее «чистые» проявления жизни, ее первичные следы, находящие свое дальнейшее выражение в речи и/или практическом действии. Таким образом, интерпретируя текст или совокупность практических действий человека, мы выходим не только на определяющие их качественные характеристики переживания, но на самую жизненную связанность. Интерпретация – это процесс понимания устойчиво фиксированных проявлений жизни (текста, произведения визуального искусства, музыкального произведения), но «так как духовная жизнь лишь в языке находит свое полное, исчерпывающее и поэтому способствующее объективному постижению выражение, то истолкование завершается в интерпретации *следов* (курсив мой. – С.Т.) человеческого бытия, оставленных в сочинении»⁵.

Исторический, т.е. отдаленный во времени текст или предмет понимается В. Дильтеем в качестве следа, интерпретируя который мы способны прийти к пониманию глубинной связи породивших его переживаний, открыть целостную историю жизни индивидуального существования, знание которой позволит нам адекватно понять его (существования) материальное внешнее выражение. Вот почему для философа столь важна автобиография как жанр или совокупность автобиографических моментов, наличествующих в любом сочинении.

Подобное мнение было характерно и для Г. Зиммеля, разделившего общую для представителей философии жизни точку зрения на культуру, согласно которой культура есть дух, обретший предметность. Повествуя о футуризме как направлении, определившем основные особенности современного ему искусства, Г. Зиммель подтверждает вышесказанное: «На месте противоречивой и затвердевшей в своей чуждости единой формы возникает лишь хаос атомизированных частичных форм. К таким выводам из нынешнего положения искусства приходит футуризм: страстное стремление жизни к слову, которому уже тесны традиционные формы, не находят новых форм, а потому отрицает форму вообще (либо пользуется тенденциозно-зумными формами). Чтобы избежать противоречия, футуризм вступает в противоречие с самой сущностью творчества»⁶. Исследуя данный фрагмент, можно заметить, что философ, во-первых, четко фиксирует причину распада единой традиционной эстетической формы – «стремление жизни к сло-

ву» и, во-вторых, следствие данного распада – отрицание формы как таковой либо использование нарочито усложненных форм. Считая жизнь (а не идею!) единственным содержанием произведения искусства, Г. Зиммель полагает, что произведение, оторванное от непосредственной жизни творца, лишается смысла.

С подобным мнением едва ли можно согласиться. След значим как эстетический объект, прежде всего, своей способностью аккумулировать «историю», «рассказ», извлекаемые (или представляемые) затем познающим субъектом в акте интерпретации. То, что оттиснута в следе жизнь пребывала в нем лишь в относительно короткий период создания, вовсе не означает его принципиальной бессмысленности. Напротив, данное положение открывает перед нами возможность интерпретации, которая в этом контексте есть своеобразная реконструкция породивших след жизненных обстоятельств: «Вот произошла авария, тело увезли, а на асфальте остался след этого тела, обведенный мелом. И если сравнивать меру выразительности – если хотите, искренности – никому (кроме судебных экспертов) не нужного мелового рисунка на асфальте, который вскоре будет смыт дождем или поливальной машиной, и произведений многих художников, то окажется, что рисунок мелом несет в себе значительно больше, чем полотно, над которым трудился профессионал, заучивший законы построения картины и композиции. Если смотреть на поверхность холста как на поверхность асфальта, сразу станет ясно, зачем. – Чтобы сохранить след события, процесса, след эпохи, определенного времени»⁷.

Удовольствие, обретаемое от созерцания следа, таким образом, не связано с совершенством формы, оно возникает благодаря работе сознания, расплетающего содержащиеся в следе смысловые узлы. В этом состоит *очарование любых древних или просто вышедших из употребления вещей*: в возможности своеобразного экскурса в прошлое. При этом для созерцающего не имеет значения, является ли его реконструкция действительной историей, поскольку вещь как след предоставляет ему лишь неясный намек на событие, оставляющий полную свободу интерпретации. Проводя аналогию с человеческим телом, можно заметить, что в любых отметинах, оставленных на нем временем (жизнью), фиксируется его *индивидуальный опыт*. Стареющее тело, как и вышедшая из употребления вещь, не только информационно более богато, нежели тело юное: оно более индивидуально. *Эстетика следов, таким образом, во многом оказывается эстетикой обыденного, индивидуального, устаревшего и потерявшего свои утилитарные функции. В этой связи одной из доминирующих ее тенденций является эстетизация отходов человеческой жизнедеятельности, иначе говоря, эстетизация мусора*⁸.

Исходя из вышесказанного, необходимо согласиться с мнением В. Курицына, согласно

которому «конфету съел кто-то, на выброшенном комочке жвачки остались отпечатки определенных зубов, банка из-под «колы» напоила определенное горло. Потребление – интимнейшее дело. Со старыми вещами так трудно расставаться, потому что на них налипла наша – а не всеобщая – история. Они согреты нашим дыханием, деформированы нашими руками, укутаны в нашу память. Произведение искусства, сделанное из старых вещей, может оказаться неумелым, нелепым, но оно гарантированно трогательно – в нем есть душа в самом бытовом, «материальном» понимании этого слова»⁹. Так потребление оказывается актом творчества, итог которого может восприниматься в качестве либо отброса, либо – произведения искусства, в зависимости от того, в какой контекст помещен данный объект и какую позицию занял в отношении него наблюдатель. Данное положение по сути освобождает искусство от каких-либо ограничений, открывая поистине безграничные возможности для творчества. Возможно, именно это порождает разговоры о «конце стиля» и «смерти искусства»: в ситуации, когда жизнь сама по себе есть основа творчества, единственно возможным стилем оказывается стиль жизни; когда искусство включает в себя любые формы человеческой жизнедеятельности, оно исчезает как деятельность, обладающая набором своих специфических неотъемлемых характеристик.

Способность концентрировать личную историю роднит отход с семейной реликвией, т.е. предметом, определенным образом связанным с историей семьи или одного из наиболее ярких ее представителей. Отход в статусе произведения искусства занимает место в художественном музее; реликвия – в музее домашнем. Наконец, произведением принципиально может стать любой след, достаточно поместить его в соответствующий контекст; реликвией, в свою очередь, может стать любая памятная вещь. Наиболее информативным следом семейных событий является любительская фотография, которая, с одной стороны, есть фиксация определенного набора жизненных обстоятельств и, с другой – вполне самостоятельное произведение искусства, все чаще попадающее в пространство художественных музеев.

Если рассматривать «мусорное» произведение искусства и реликвию в аспекте власти, можно сделать вывод, что и то и другое является *формой власти индивида над личной и/или семейной историей, взятой в ее отрешенном, предметном виде*. Стремление к власти над жизнью и воля к самообладанию трансформируются здесь в стремление к обладанию следами жизни, выступающими своеобразными аккумуляторами подлежащей истолкованию информации.

Суммируя вышесказанное, необходимо сделать вывод о существенных отличиях классического эстетического объекта (формы) от неклассического (следа). Форма есть результат тотальной трансформации исходного индивидуального

образа посредством надления его определенной смысловой сущностью (идеей). След есть индивидуальный образ, сформированный определенным набором жизненных обстоятельств, т.е. отпечаток индивидуальной жизни. Форма повествует нам о стиле, мастерстве и господствующей в тот или иной период времени идеологии; след выводит нас на понятия манеры, самоценности жизненного материала и индивидуальной истории как формы контроля индивида над собственной жизнью.

Наконец, если форма может оцениваться в терминах «прекрасное», «безобразное», «вышшенное», «низменное» и т.д., то след может «нравиться» или «не нравиться», вызывать или не вызывать интерес. И это весьма значимое отличие: если характеристики художественного объекта, установленные понятийным аппаратом классической эстетики, нуждаются в надличностном теоретическом обосновании, то характеристики, придаваемые следу, сугубо индивидуальны. Наконец, в качестве следа может использоваться все, что угодно: письмо, фотография, вышедшая из употребления вещь, бытовой мусор и т.д. Эстетика следов, таким образом, во многом оказывается эстетикой обыденного, индивидуального, устаревшего и потерявшего свои утилитарные функции; она базируется на понятиях индивидуального вкуса и интереса и отрицает оценочные категории классической эстетики.

Примечания

- 1 Эпштейн М. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12. С. 227.
- 2 Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Собрание сочинений: В 5 т. М., 1974. Т. 4. С. 15.
- 3 Там же. С. 12.

УДК 316.334.56

ГОРОД КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ НЕЛИНЕЙНАЯ СТРУКТУРА

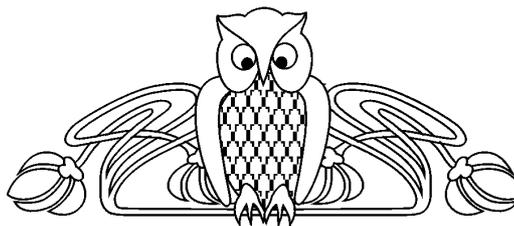
В.Г. Туркина

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
E-mail: venivedivika@mail.ru

Город рассматривается как сложная синергетическая самоорганизующаяся система, в которой когерентно действуют исторические, экономические, социально-политические, экологические и другие законы, обуславливающие своим совместным действием существование механизмов функционирования города вообще.

Ключевые слова: город, синергетика, самоорганизация, структура, система.

- 4 Ницше Ф. К генеалогии морали // Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сборник. Минск, 1997. С. 362.
- 5 Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. 1988. № 4. С. 144.
- 6 Зиммель Г. Изменение форм культуры // Избранное: В 2 т. Т. 1. Философия культуры. М., 1996. С. 484.
- 7 Невлер Л. Андрей Ройтер (монолог с художником записал) // Декоративное искусство. 1991. № 1. С. 14; В 1996 г. литературной премией Букера отмечен «Альбом для марок» А. Сергеева – замечательная вещь, целиком и полностью набранная из мелких «примет времени», нечто среднее между музеем, архивом и коллекцией. Сущность данного произведения прекрасно выразил О. Дарк: «Гибнут в забвении детали и приметы эпохи, которые были бы уже непонятны моему сыну, если бы он вообще о них когда-нибудь узнал. А также черты людей, прежде всего ничем не знаменитых и не интересных, кроме того, что они были. И в этом смысле сочинения Сергеева (имеется в виду «Альбом для марок». – С.Т.) выполняет прогрессивную роль, подавая пример» (Дарк О. Андреевы игрушки // Знамя. 1999. № 3. С. 65).
- 8 О возникновении своеобразной эстетики мусора, связывая ее появление с распространением экологического взгляда на мир, писал Б. Гройс: «Хотя на первый взгляд экология озабочена нетронутой и девственной природой, на практике она занимается исключительно мусором, отбросами, помойками. Эстетика мусора начинает доминировать в телевизионных программах, газетных дискуссиях, речах политиков». Гройс Б. Искусство как валоризация неценного // Утопия и обмен (Стиль Сталин. О новом. Статьи). М., 1993. С. 335.
- 9 Искусство против географии: Из серии экспериментальных выставок отдела новейших течений ГРМ. М.; СПб., 2000. С. 61 (Проект посвящен 10-летию галереи Марата Гельмана).

The City is Considered as Complex Synergetic Self-Organizing System

V.G. Tourkina

The city is considered as complex synergetic self-organizing system in which the historical, economic, sociopolitical ecological and other laws coherently operate, causing by the joint action existence of mechanisms of functioning of city in general.

Key words: city, synergetics, self-organization, structure, system.

Город представляет собой геосоциальное пространство, внутри которого действует множество законов и закономерностей, устанавливаемых целым спектром наук. Зачастую при этом независимо, а иногда и противоречиво, на разных научных языках и посредством разных научных методологий описываются разноплановые, связанные с городом феномены. Однако город представляется и сложным, синтетическим, целостным объектом, в котором когерентно, согласованно действуют исторические, экономические, социальные, политические, экологические, биологические, естественно-научные законы, обуславливающие своим совместным действием существование единых механизмов возникновения, развития и функционирования города как целого. Мы полагаем, что процессы возникновения и развития города наиболее адекватно могут быть описаны именно с помощью синергетического подхода, а сам город рассмотрен как нелинейная синергетическая самоорганизующаяся структура.

Синергетика позволяет с единых позиций описать многие городские процессы и феномены, позволяет исследовать внутренние законы развития городских систем, дает основания для определенных прогнозов, связанных с динамикой городов. Синергетическое описание, как правило, показывает, что целое, возникшее в результате действия синергетических механизмов динамики, начинает обладать свойствами, отсутствующими у отдельных частей и элементов. Это в полной мере соответствует представлениям о любом городе. Город не есть простая сумма его отдельных составляющих, он представляет собой совершенно новый объект, обладающий новыми качествами, присущими ему как целостному организму. Город рассматривается как самоорганизующаяся система, как «поле бифуркаций».

Безусловно, феномен самоорганизации оказывается чрезвычайно важным при формировании синергетических представлений о городе. Синергетика – это прежде всего наука, изучающая процессы самоорганизации, общие закономерности в процессах возникновения, существования и разрушения упорядоченных структур¹. По сути своей самоорганизация является образованием порядка из беспорядка, зарождением порядка в хаосе, превращением неорганизованного, неупорядоченного, не имеющего структуры в организованное и структурированное. Наряду с процессами самоорганизации синергетика рассматривает и процессы самодезорганизации – возникновение хаоса в упорядоченных системах.

Если говорить о процессах общественно-исторического развития, то использование идей синергетики и знание законов самоорганизации позволяют интерпретировать любые когда-либо существовавшие или существующие ныне социальные образования, начиная от общин, родов, племен и кончая современными государствами, как самоорганизующиеся общественные структу-

ры. Нелинейное описание априори предполагает сосуществование на различных этапах исторического развития разных типов таких структур (различных форм государств), которые, развиваясь по нелинейным законам, рождаются, видоизменяются, взаимодействуют друг с другом, умирают. Весь ход истории служит доказательством закономерности такого рассмотрения.

Онтологический анализ города неизбежно связан с поиском общих закономерностей генезиса и развития. Бродель утверждал, что анализ в социальных науках так же, как и в естествознании, заключается в раскрытии фундаментальных, зачастую ненаблюдаемых механизмов причинной связи явлений, то есть в определении механизмов «реальных»². Оригинальность же, особенность любого города вполне согласуется с синергетическими представлениями, согласно которым нелинейные системы, которыми города, безусловно, являются, могут демонстрировать значительное разнообразие возможных типов поведения, в отличие от систем линейных, всегда характеризующихся единственным простейшим видом динамики.

Синергетика, как раз и пытающаяся установить реальные механизмы и обнаружить возможные типы поведения, позволяет рассматривать любой город в качестве особой самоорганизующейся диссипативной структуры, возникновение которой сопряжено с определенными свойствами порождающей ее среды.

Город – это всегда система с огромным числом степеней свободы, т.е. составляющих ее элементов и подсистем. Для таких систем принято вводить так называемое термодинамическое описание, которое подразумевает определение некоторых средних характеристик, описывающих систему как целое. Если характеристики отдельных элементов и подсистем термодинамической системы мало отличаются от средних значений, то говорят, что система равновесная, в противном случае считают ее неравновесной. Неравновесность любой городской системы очевидна: отличие средних значений любых характеристик, описывающих город как целое, от характеристик отдельных элементов может быть весьма значительным. Например, доходы большинства жителей города значительно отличаются от доходов среднего горожанина, так же как и длительность жизни. Неравновесность приводит к тому, что город никогда не покоится. Он развивается, бурлит, подобно океану или атмосфере, являющимся классическими примерами неравновесных систем. Любое состояние города, воспринимаемое как равновесное, при более тщательном рассмотрении таковым не является, а характеризует лишь устойчивый, стабильный период развития неравновесной в целом структуры. При синергетическом рассмотрении неравновесность оценивается как положительный, творческий, созидательный фактор развития. Напротив, достижение «равновесия» для любого города

означает отсутствие возможности образования новых социальных и экономических структур, воспринимается как процесс, предшествующий стагнации или даже вырождению, умиранию.

Необходимым условием возникновения и существования самоорганизующейся структуры является выполнение свойств нелинейности и открытости (диссипативности). Нелинейность по сути своей означает наличие сложного закона, управляющего развитием системы, возможность существования в ней множества различных состояний, как реальных, так и потенциальных (мультистабильность), и связанные с первыми двумя свойствами определенные особенности поведения. Так, нелинейные системы в отличие от линейных обладают, например, способностью сопротивляться слишком сильному внешнему воздействию, поскольку умеют перестраивать тип поведения, избегая тем самым губительных резонансов. Для большинства социальных и гуманитарных систем свойство нелинейности может лишь постулироваться, поскольку точные математические модели для них построить не представляется возможным, однако может интуитивно постигаться.

Открытость (диссипативность) означает свойство системы обмениваться с внешним миром энергией, веществом и (или) информацией. На первый взгляд, открытость города вызывает некоторые сомнения, поскольку противоречит традиционным метафизическим представлениям о нем. Многие исследователи особенно подчеркивают закрытость как существенное свойство городского пространства и города в целом. В самом деле, даже сама этимология слов «город», «град» связана с представлениями об ограде, преграде, защите, границе, укрытии. Город обеспечивает отгороженность и укрытие, защищенность и безопасность человека во враждебном мире. Город противостоит открытому месту, т.е. безграничному и неструктурированному природному пространству. Город нужен человеку, чтобы преодолеть ужас перед пустым пространством, перед хаосом, перед пустотой, небытием, ничто. Город – это форма, ограда, крепость, помогающая выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Город возникает на границе, охраняет границы и навсегда остается метафизической границей, он есть способ проведения границы, отделяющей космос от хаоса, культуры от варварства, своего и чужого, жизни и смерти, бытия и небытия. Однако при подобном рассмотрении речь, скорее, идет, о закрытости сакральной, чувственной, смысловой, идеальной. Реальный же город всегда связан с внешним миром множеством экономических, социальных, политических, культурных связей.

Но даже и в материальном (географическом, топографическом, архитектурном) смысле город как закрытая, огороженная система может существовать совсем недолго, и он рано или поздно

открывается миру, выходит из собственных иконных границ, растет и начинает аннексию на иное, отличное от него пространство, принимает в себя новые территории, новых жителей, новые экономические потоки. Закрытость означает невозможность роста и развития, рост и развитие открывают город миру, делают его открытой системой. Но даже в крепостных стенах город остается открытым, поскольку его жизнь немыслима без торговли, без притоков в него продовольственных и иных ресурсов, именно его отгороженность от земли и ее продуктов заставляет его открывать себя внешнему миру. Город, разграничивший свою закрытость, втягивающий в свои границы и системы отношений внегородское пространство и одновременно выплескивающий нормы городской жизни за свои пределы, обретает новые качества, становится в большей степени городом, чем город закрытый. Без открытости, обмена с миром веществом, энергией и информацией город обязательно погибает.

Само же ограждение, его возведение и есть начало пространственной самоорганизации. Обозначение границ, пределов, строительство оградительных (пограничных) линий связано прежде всего со стремлением человека жить в священном пространстве, является средством обозначения (а потому и организации, и упорядочения) «своего мира»³. Любая самоорганизация генетически связана с появлением в прежнем состоянии малой флуктуации, затравки, отклонения, нарастание которой и приводит к тому, что новое состояние сменяет старое. Если говорить о городе, то генезису любого из них соответствует появление крохотного человеческого поселения, возникающего благодаря тем или иным историческим причинам. Эта малая социальная флуктуация может исчезнуть, «затухнуть», а может и вырасти, превратиться в город. В этом случае, как и в физических и биологических системах, рост или исчезновение определяются внешними условиями: географическими особенностями, климатом, наличием дорог, исторической ситуацией. Это вполне согласуется с представлениями Ф. Броделя, согласно которым город, в первую очередь, конституируется определенным набором внешних факторов, окружающей средой, возникает в определенной «точке пространства»⁴. Эта точка характеризуется различной степенью удобства географо-климатического положения, а также различной интенсивностью экономических потоков, через него проходящих. Разнообразие этих показателей и формирует специфические для данного города «социальные формулы». Показательным является утверждение Броделя: «Социальные и экономические структуры жизни в том или ином месте постоянно изменяются в зависимости от того, благоприятствует им природная среда или сопротивляется»⁵, которое вполне соответствует духу синергетического описания.

Образование любой крупной самоорганизующейся структуры в неравновесных системах, как правило, сопровождается появлением более мелких организованных структур. Самоорганизация города как целого означает и подразумевает и самоорганизацию отдельных его социальных сообществ, социальных институтов, системы управления, политической системы, торговли. Внутри любой самоорганизующейся системы возможны и необходимы процессы самоорганизации «второго порядка» и в недрах уже существующих городов возникают все новые и новые, меньшие самоорганизующиеся структуры: социальные институты, культурные сообщества, политические партии, всевозможные объединения по интересам.

Самоорганизация – это прежде всего процесс, демонстрирующий всю сложность жизнедеятельности городской системы. Именно в этих процессах наиболее ярко проявляется необходимое для самоорганизации свойство кооперативности. Самыми яркими примерами внутригородской самоорганизации, на наш взгляд, служат образование органов самоуправления, городской рынок, создание ремесленных союзов, купеческих гильдий, разнообразных городских общин.

Помимо самоорганизации в синергетике исследуется и вынужденная организация. Последняя предполагает существование сильного внешнего воздействия на нелинейную систему, обеспечивающего возникновение и развитие упорядоченной структуры. Применительно к городам это означает, что их сознательно и усиленно строят, как, например, в случае Санкт-Петербурга. После того как внешняя сила закончила свое действие, вынужденная организация протекает примерно по тем же законам, что и самоорганизация. Вынужденная организация сложной системы, как правило, сопровождается и процессами самоорганизации. В том же Петербурге наличие сильной императорской руки не помешало горожанам заниматься торговлей (самоорганизация рынка), вступать в профессиональные сообщества, организовывать социальные институты.

Достигнув определенного уровня сложности, город, как и любая нелинейная самоорганизующаяся система, может и должен претерпевать множественные сложные бифуркации, меняющие его территориальное, социальное, культурное поле. В результате город переходит на качественно иной уровень организации, далеко не всегда более сложный, чем предшествующий. Каждая бифуркация открывает поле возможностей, которые всегда меняют направление его развития, их последствия могут быть непредсказуемы. Поливариантность городского развития обеспечивается именно нелинейностью города как системы. Бифуркации могут привести к исчезновению города, а могут, напротив, дать толчок его бурному росту.

Анализируя процессы исторических переходов, развития, эволюции городов как сложнейших самоорганизующихся структур, нельзя

не упомянуть и об особенностях нелинейного развития, которые, на наш взгляд, города демонстрируют в полной мере. Нелинейное движение в принципе отвергает представление о прямой, восходящей линии развития, нелинейное всегда «криволинейно», прямая линия слишком проста, чтобы описывать сложные процессы, она лишь частный, простейший случай кривой. Нелинейное представление о развитии неизбежно предполагает многообразие, поливариантность путей развития любой сложной системы, вытекающие из принципа множественности возможных состояний (мультистабильности) нелинейных систем и множественности возможных типов бифуркаций и сценариев перехода к хаосу. Отсутствие единого направления – основная черта нелинейного развития. Нелинейное представление о развитии, выдвигая множественность направлений развития в качестве основного принципа, объявляет все направления развития значимыми, не сравнивает их, считает, что все они имеют право на жизнь.

Нелинейный взгляд рассматривает развитие не как единую дорогу, а как сложную сеть пересекающихся, переплетенных, «петляющих» дорог. Согласно этим представлениям любой город, будь он крохотным средневропейским городком или гигантским азиатским мегаполисом, идет своей собственной сложной дорогой, связанной механизмами его собственного развития, обусловленного множественными историческими, социальными, экономическими условиями. Поменять направление развития достаточно сложно, для этого необходимо синергетическими средствами тщательно изучить все возможности динамики, все направления развития системы, определить наиболее благоприятный и обеспечить набор внешних и внутренних параметров, способствующих реализации именно этого пути. Попытки повернуть развитие в непредусмотренном внутренними законами направлении заранее обречены на неудачу. Однако изменение направления может достаточно легко и органично произойти в тех случаях, когда внешняя среда подобное изменение подготовила. Нечто такое, по-видимому, будет происходить с теми небольшими городами и поселениями, которые попали в так называемые игровые зоны.

Нелинейное развитие означает возможность возникновения как упорядоченных, так и хаотических режимов движения, более того, предполагает хаотические режимы развития типичными и закономерными. Нелинейный метод исследования предполагает, что хаотические режимы являются не переходными, пограничными состояниями, возникающими после бифуркаций перед установлением упорядоченных состояний, а полноценными, долгоживущими, типичными состояниями, зачастую определяющими развитие системы в течение очень долгого времени и преобладающими по сравнению с упорядоченными состояниями. Нелинейное рассмотрение процессов

развития фундируется строгими науками, поэтому в ряде случаев при описании процессов развития возможно создание математических моделей. Исследование этих моделей методами теории бифуркаций дает возможность выявить скрытые механизмы развития, заглянуть за кулисы процессов и в некоторых случаях использовать полученные знания, направляя движения по одному из множества возможных путей. В нелинейных системах возможность изменения направления развития связана с выбором начальных условий, что в ряде случаев вполне достижимо. Должным образом меняя начальные условия (начальное состояние системы), можно повернуть развитие в нужном направлении. Сразу подчеркнем, что, изменяя начальные условия, мы только выбираем одно из возможных направлений, предусмотренных законом развития системы, но ни коим образом не создаем его. Представления же о бифуркациях, которых в синергетике насчитывается множество, позволяют классифицировать различные переходы систем в новое состояние, дают более глубокое понимание процессов перехода. Понятие «революция» соответствует только одному из возможных типов бифуркаций, поэтому «революция» – это частный случай бифуркации. Разнообразные критические явления оказываются столь типичными для нелинейного развития, что разрушают сложившийся «миф порядка», согласно которому желаемым и безопасным направлением протекания любого процесса объявляется упорядоченное бескризисное развитие. Нелинейные представления о развитии предполагают катастрофы и кризисы не только неизбежными и закономерными, но в ряде случаев и полезными для процессов развития, ибо всякая катастрофа есть рождение нового и дает новые перспективы.

При синергетическом анализе городов чрезвычайно важными оказываются понятия устойчивости и неустойчивости. Устойчивость означает возможность длительного стабильного существования, неустойчивость предполагает исчезновение или, напротив, бурный рост. Смена устойчивости на неустойчивость всегда происходит в результате бифуркаций. Мы полагаем, что развитые, значимые, устойчивые города крайне редко испытывают жесткую бифуркацию полного исчезновения (смерти). Они могут лишь менять свое качество: например, сильно уменьшаться в размерах, менять свой статус, но почти никогда не исчезают полностью, такой город нельзя просто стереть с лица земли. Никакие природные катастрофы,

катаклизмы, политические кризисы, войны не могут привести к исчезновению города, если у него есть длительная история, культурные традиции, накоплен определенный субстрат, налажены экономические и политические связи. Примером тому могут служить Рим и Иерусалим. Это вполне согласуется с представлениями синергетики, согласно которым развитые самоорганизующиеся структуры являются очень устойчивыми, т.е. могут существовать в чрезвычайно широкой области параметров и обладать большим временем жизни. Устойчивость городов может быть связана с их оптимальным местоположением, а также культурными и религиозными традициями. Напротив, города, примитивные по структуре, субстрату, так называемые соцгорода при производствах, столь многочисленные в бывшем СССР, умирают очень быстро. Неустойчивость может приводить к стремительному росту структуры, с этой позиции может быть объяснено явление бурного развития мегаполисов и их экспансия вширь: приобретший неустойчивость город начинает нерегулируемый рост, подавляя в результате так называемой синергетической конкуренции другие, менее развитые системы (малые города), захватывая их внутрь себя. Проблема устойчивости городов может быть решена именно с помощью синергетического исследования, позволяющего определить параметры, при которых эта устойчивость достигается.

Таким образом, в рамках синергетической парадигмы города являются сложнейшими самоорганизующимися структурами, развитие которых представляется поливариантным, дающим множественные возможности. Любые изменения городской структуры, в том числе кризисы, можно интерпретировать как бифуркации, хаотические состояния развития могут быть длительными и благоприятными.

Примечания

- ¹ Хакен Г. Синергетика. М., 1980; *Он же*. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985; *Он же*. Информация и самоорганизация. М., 1990.
- ² Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 7.
- ³ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 126.
- ⁴ Бродель Ф. Указ. соч. С. 15.
- ⁵ Там же.

УДК 128(315)+929 Конфуций

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ КОНФУЦИЯ

В.В. Филатов

Балашовский институт Саратовского государственного университета,
кафедра истории
E-mail: vadim-filatov@yandex.ru

В данной статье рассматриваются отдельные аспекты философского учения китайского философа VI–V вв. до н.э., преимущественно связанные с конфуцианским пониманием проблемы смысла жизни.

Ключевые слова: Конфуций, китайская философия, смысл жизни, традиция, этика, общество, государство.

The Problem of the Meaning of Life in the Philosophy of the Confucius

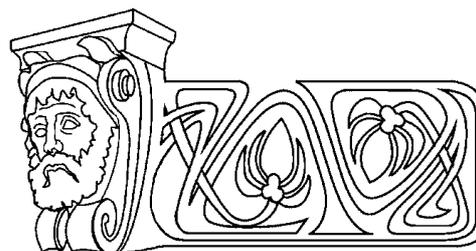
V.V. Filatov

This article deals with some fundamental aspects of the philosophical ideas of the great Chinese thinker the Confucius. The author of the article tries to explore the Confucius's views according to the circle of philosophical problems of the sense of life.

Key words: Confucius, The Chinese philosophy, sense of life, tradition, ethics, society, state.

Философская проблема смысла жизни, или вопрос «в чём заключается смысл жизни?» – тема, затрагивающая интересы каждого человека. Обычно данное понятие относится к оценке всей жизни человека, охватывает проблему его взаимодействия с окружающей действительностью и вопросы постановки целей, выходящих за пределы жизни.

Наиболее обстоятельным исследованием проблемы смысла жизни в отечественной философии является работа русского мыслителя начала XX в. Е.Н. Трубецкого «Смысл жизни»¹. Приступая к рассмотрению этой проблемы, Трубецкой прежде всего попытался определить, что же такое «смысл» и что означает «спрашивать о смысле». Следует согласиться с утверждением Е.Н. Трубецкого: «Спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т.е. о таком мысленном значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли»². Мы видим, что вопрос о смысле предстает у Е.Н. Трубецкого как попытка соотнести свое самосознание с объективным и общезначимым, попытка утверждения мысли в чем-то безусловном, наиндивидуальном и всеобщем. Вопрос о смысле жизни, при таком понимании смысла, сводится к вопросу: что моя жизнь может значить для всех? Таким образом, в исследовании Е.Н. Трубецкого дифференцируются субъективные и объективные представления о смысле жизни; при этом автор

отдаёт приоритет объективному пониманию как более социально значимому. В работе Трубецкого также прослеживается аксиологический подход, согласно которому теории ценностей одновременно являются теориями о смысле жизни. Данные идеи и методологические приёмы Е.Н. Трубецкого представляют определённый интерес в свете рассматриваемой в данной статье проблемы.

В истории философской мысли различные выдающиеся философы, такие, как Конфуций, Сократ, Платон, Декарт, Спиноза и многие другие, обладали чёткими представлениями о том, какая жизнь «лучше всего» (а следовательно, и более всего осмысленна). Как правило, они ассоциировали смысл жизни с понятием блага, которое интерпретировали по-разному, в зависимости от специфики своих философских учений.

Впервые философские идеи относительно смысла жизни появились в древневосточной философии, которая была ориентирована на определение норм человеческого поведения и его бытийных оснований. Философия Древнего Востока служила отражением консервативного характера восточной цивилизации и опиралась на традицию канонических текстов, а не на публичный дискурс, который лежал в основе древнегреческой философии. Подобная различная направленность была, на мой взгляд, обусловлена кардинальным отличием общемировоззренческих оснований, с одной стороны – древнегреческой и вообще античной культуры, и с другой – культур древневосточных деспотий, где возникли и сформировались различные представления о природе и направленности движения личного и исторического времени.

Согласно античным представлениям о времени, которые впоследствии перешли в средневековую европейскую культуру, время, подобно полёту стрелы, по своей природе линейно, необратимо и однонаправленно. На этой основе в культуре западной цивилизации позднее сформировались идеи линейного исторического времени и прогресса, в соответствии с которыми все народы устремляются по тропе истории в направлении прогрессивного развития. При этом в силу различных причин европейские народы опережают всех остальных, которым тем не менее неизбежно предстоит пройти тот же путь. Поэтому историческая миссия «цивилизированных народов» заключается в том, чтобы

приобщить к цивилизации «отсталых дикарей», что мы и наблюдаем сегодня на примере внешней политики некоторых государств. В отличие от западной, восточная модель личного, а также исторического времени характеризуется известной формулировкой М. Элиаде – «круговорот и вечное возвращение». Это связано с тем, что экономической основой цивилизации Древнего Востока в силу специфики географического положения, а также совокупности целого комплекса исторических причин стало широкомащтабное ирригационное земледелие. Вот почему восточная модель времени во многом отражает периодичность и постоянную повторяемость сезонных циклов сельскохозяйственных работ.

Согласно восточным представлениям, жизнь человека и жизнь народа совершают замкнутый круг (цикл) и возвращаются к исходной точке для того, чтобы возобновить своё бытие уже в новом качестве. Отсюда берёт своё происхождение древнеиндийская теория реинкарнации, а также представления различных китайских мыслителей о закономерностях исторического бытия народа, каждый период которого соответствует определённым возрастным ступеням человеческой жизни. «Золотой век» в истории народа и всего человечества – это период «невинности» и «беззаботного детства», а вся дальнейшая жизнь представляет собой неуклонное скольжение по направлению к болезням, старости и смерти. В этой связи Л.С. Васильев писал: «Стремление опираться на древние традиции и тем самым воздействовать на современников в желаемом направлении – это своего рода общесоциологическая закономерность»³. Видимо, поэтому современность часто рассматривается как царство хаоса, а духовной нитью, связывающей народ с периодом своего исторического детства, считается традиция, абсолютизация которой занимает центральное место в философском учении китайского мыслителя Конфуция и, в частности, в его представлениях относительно ценности и смысла человеческой жизни.

Конфуций (551–479 гг. до н.э.) жил приблизительно в то же время, что и Будда, Фалес и Пифагор. Написанных им сочинений не сохранилось, но основные положения его учения были записаны учениками философа и составили сборник изречений Конфуция «Беседы и суждения» («Лунъюй»)⁴.

Конфуций формулирует свои нравственные рекомендации, исходя из традиционных китайских взглядов на устройство мира. Из контекста его высказываний становится понятно, что человека он рассматривает как особый предмет природы, подчиняющийся ей, но и умеющий ей противостоять. Это объясняется его срединным положением относительно Неба и Земли: с одной стороны, человек вписывается в мироздание, составляя с ним единое целое и выступая свя-

зующим звеном между Небом и Землей, а с другой – занимает в мироздании уникальное место, позволяющее ему соотносить себя как с Небом, так и с Землей. Традиционные для китайских мировоззренческих систем и, прежде всего, для философии даосизма, категории – «дао» («истинный путь») и «дэ» («одаренность») – также используются в «Лунъюй» без обсуждения и дополнительных комментариев. Вообще Конфуций предпочитал не заниматься вопросами мироздания, в частности, отказывался высказываться о духах и вечной жизни, сосредоточившись на учении о следовании традиции путём правильного поведения. Логично предположить, что в вопросе о жизни после смерти он придерживался агностических позиций и прагматично советовал проявлять осторожность в отношении высших существ: «Должным образом служить народу, почитать духов и держаться от них подальше – в этом и состоит мудрость»⁵.

Подчеркивая свою приверженность традиции, Конфуций говорил: «Я передаю, но не создаю; я верю в древность и люблю ее»⁶. «Золотым веком» для Китая он считал первые годы правления династии Чжоу (1027–256 до н. э.). Одним из любимых героев для него был, наряду с основателями чжоуской династии Вэнь-ваном и У-ваном, их сподвижник (брат У-вана) – Чжоу-гун. Однажды он даже заметил: «О как же ослабла моя добродетель, если я давно уже больше не вижу во сне Чжоу-гуна»⁷. Напротив, современность представлялась Конфуцию царством хаоса. Нескончаемые междоусобные войны, все усиливающаяся смута привели его к выводу о необходимости новой моральной философии, которая опиралась бы на представление об изначальном добре, заложенном в каждом человеке. Прототип нормального общественного устройства Конфуций видит в добрых семейных отношениях, когда старшие любят младших и заботятся о них, а младшие, в свою очередь, отвечают любовью и преданностью. В своих высказываниях Конфуций постоянно подчёркивает важность исполнения сыновнего долга («сяо» – «сыновняя почтительность»). Мудрый правитель должен управлять с помощью воспитания у подданных чувства благоговения перед ритуалом («ли»), т. е. моральным законом, прибегая к насилию только как к последнему средству. Отношения в государстве во всем должны быть подобными отношениям в хорошей семье: «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын – сыном»⁸. Философ поощрял традиционный для Китая культ предков как средство сохранения верности родителям, роду и государству, в состав которого как бы входили все живые и умершие. Долгом всякого «благородного мужа» («цзюньцзы») Конфуций считал бесстрашное и нелицеприятное обличение любых злоупотреблений.

Конфуций обнаруживает мало интереса к философии природы и философии религии. Для него, как и для Сократа, центральным объектом философского исследования является человек. Не случайно, что одно из центральных понятий его учения – «человечность». Целью своей философии Конфуций ставил постижение смысла жизни. Полученное знание должно послужить интересам практической пользы. При этом главным для него было уяснить скрытую природу человека, т.е. определить, что движет им и его устремлениями. Основной вопрос философского учения Конфуция заключается в поисках путей воспитания в человеке умения жить правильно, в соответствии с традицией. Согласно его взглядам, человек может приобрести правильное понимание своих обязанностей только путём тщательного изучения традиции. Доминантной идеей Конфуция становится приспособление к миру, а не бегство от него, как это имело место в индийской философии или в философии даосизма. Многие радикальные последователи даосизма в эпоху Конфуция уходили из социума, чтобы вести созерцательную жизнь отшельников. Конфуций, встретившись с одним из таких философов, который стал убеждать его бежать от мира, ответил: «Человек не может стать птицей или животным. Разве я не принадлежу к человеческому роду? К кому я тогда должен примкнуть? Пока в империи можно найти дао, я не поменяюсь с ними местами»⁹.

Конфуций рассматривает идею «правильной жизни» на всех уровнях, начиная с семьи и заканчивая управлением государством и международной дипломатией, причём повсюду его занимали практические земные задачи. Смысл конфуцианского понятия «правильной жизни» – показать, как должен вести себя человек в различных ситуациях, т.е. его учение имеет ярко выраженную практическую направленность, а теоретический аспект является второстепенным: обосновать вечность и неизменность рекомендуемых правил поведения и отношений между людьми. Идея «правильной жизни» разветвляется у Конфуция в комплекс проблем. Первая – что может быть фундаментальной основой устройства общества? Вторая – на каких принципах должны строиться отношения между людьми? Третья – какие правила должны регулировать их поведение? Четвёртая – какими чертами должно обладать общество в целом? Пятая – каковы отношения между обществом и властью? Шестая – каким образом следует организовать управление государством? Конфуций решает эти вопросы с позиций принципов китайской традиционной этики.

Исходя из степени обладания человеком высокими нравственными качествами и отчасти в соответствии с его положением в обществе, Конфуций разделил людей на три категории:

1) «цзюньцзы» («благородный муж») – занимает одно из центральных мест в его учении.

Ему отведена роль идеального человека, примера для подражания представителями следующих категорий;

2) обычные люди, народ, толпа. Наиболее многочисленная и безличная категория. Среднее между «цзюньцзы» и «сло жэнь»;

3) «сло жэнь» («малый человек», «ничтожный человек») – в учении используется в основном в сочетании с «цзюньцзы», исключительно в отрицательном значении.

Смысл жизни благородного человека заключается в исполнении долга и в следовании традиции, при этом материальное благополучие отходит на второй план: «Не достоин быть учёным тот, кто думает о сытой и спокойной жизни»¹⁰. Истинный «благородный муж» безразличен к еде, богатству, жизненным удобствам и материальной выгоде. Всего себя он посвящает служению традиции и поискам истины.

Какими же нравственными качествами должен обладать «цзюньцзы»? Конфуций выделяет два качества: «жэнь» и «вэнь». Иероглиф, обозначающий первое качество, можно перевести как «человечность» или «гуманность». Данное понятие, занимающее в учении Конфуция ключевое место, имеет сложный комплексный смысл, не совпадающий с устойчивым пониманием человеколюбия и гуманизма, которое исторически сложилось в европейской культуре эпохи Возрождения. Согласно представлениям, существующим в западной культурной традиции, в основе гуманности находится идея личной свободы. Соответственно, любить человека – означает предоставление ему максимальной свободы действий, свободы личной самореализации.

Понимание Конфуцием гуманности раскрывается в контексте ещё одной ключевой категории его этики – «и», что означает «долг». Одновременно понятие долга выполняет в философской системе Конфуция функцию морального эталона для оценки поддерживающих традицию ритуалов. В социально-иерархическом учении философа любить человека – означает выполнять свой долг по отношению к нему, т.е. не предоставлять свободу действий, а заботливо опекать и в случае необходимости наказывать в его же интересах: «Как можно быть нетребовательным к тому, кого ты любишь? Как можно оставить без наставления того, кому ты предан?»¹¹. Составленная Конфуцием космогоническая схема рассматривает жизнь как подвиг долга и самопожертвования, в результате которого и возникает нравственно полноценное общество.

Определить наличие в человеке конфуцианской гуманности очень сложно, практически невозможно со стороны. По мнению Конфуция, стремиться к достижению «жэнь» человек может лишь по искреннему желанию сердца, и определить, достиг этого или нет, может также лишь он сам.

Второе нравственное свойство благородного мужа – «вэнь», что означает «культура», «литература», а в более широком значении – знание традиции.

Благородный муж должен иметь богатую внутреннюю культуру, основанную на знании традиции, и постоянно применять на практике свои знания путём выполнения разнообразных ритуалов, основная функция которых заключается в поддержании и самовоспроизводстве традиции.

Согласно замечанию российского синолога В.В. Малявина, «Конфуций рассматривает человеческую жизнь, или, как можно сказать, жизнь, достойную человека, как постоянный и вечно незавершённый процесс учения и воспитания»¹². Соответственно, стремление к знаниям, различные пути достижения истины рассматриваются в его учении как безусловное благо, превышающее по своему значению ценность самой человеческой жизни: «Кто утром слышит о пути, тот может вечером и умереть спокойно»¹³. В целом необходимо заметить, что восточная философская традиция в меньшей степени оценивает значимость отдельной человеческой жизни по сравнению с западной. Эта тенденция характерна для Индии и для Китая, да и для арабо-исламской философии.

Конфуцианская идея «человечности – долга» предполагает объединение коллективных усилий всех слоёв общества на основе поддержания традиции. Каждый человек, какое бы место в социальной иерархии он ни занимал, обязан добросовестно выполнять свой общественный долг. В этом отношении нравственное учение Конфуция имеет черты сходства с традиционным индийским мировоззрением, которое в свете теории реинкарнации придавало сакральный характер существовавшему порядку вещей и, в частности, делению общества на касты. В частности, оно объясняло принадлежность человека к низкой касте его плохой кармой, которая стала результатом совокупности злых поступков, совершённых в предыдущей жизни. Конфуцианская иерархия людей в соответствии с их способностями отчасти напоминает также модель идеального государства Платона, которая тоже предусматривала деление людей на три категории: учёные, воины и работники. В системе Конфуция воины в качестве отдельной категории отсутствуют – это, видимо, связано с некоторыми особенностями его мировоззрения. Признавая ценность боевых искусств, военным средствам решения государственных задач он предпочитал дипломатические.

Итак, все люди, каждый на своём месте, обязаны стремиться вести правильную жизнь, которая предусматривает выполнение общественного долга, направленного на сохранение традиции. В качестве практического средства для поддержания и воспроизводства традиции

используется «ли» (ритуал). Конфуцианская «идея исправления имён» предполагает, что человек обязан исполнять роль, возложенную на него его именем, которое указывает также на его положение в социальной иерархии.

Исходя из этого, Конфуций вовсе не осуждает «неблагородных людей», он просто говорит о разделе сфер их деятельности. «Малые люди» («сло жэнь»), согласно мнению Конфуция, должны выполнять неподобающие благородным людям функции, во многом аналогичные общественным функциям представителей касты «неприкасаемых» в Индии, т.е. заниматься черновой работой. Одновременно Конфуций использовал образ маленького человека в воспитательных целях: приписав ему практически все отрицательные человеческие свойства, он сделал «сло жэнь» примером того, насколько низко может опуститься человек, не пытающийся совладать со своими природными страстями, примером, подражания которому все должны избегать: «Увы, бывает благородный муж – и нет в нём человечности, но не бывает, чтобы малый человек – и был он человечен!»¹⁴; «Благородный муж постигает справедливость. Малый человек постигает выгоду»¹⁵. В то же время основным преимуществом благородного человека является то, что в учении Конфуция он рассматривается в качестве жизненной цели. «Цзюньцзы» ни в коем случае не должен служить средством приобретения личных выгод для носителей неправильного поведения: «Благородный муж – не инструмент»¹⁶. И здесь уже напрашивается сравнение с нравственной философией И. Канта.

Подводя итоги, следует сказать, что, формулируя свои идеи относительно смысла человеческой жизни, Конфуций, как и некоторые его современники, о существовании которых он, видимо, ничего не знал (Будда, Сократ), использовал аксиологический подход. Высшую, имеющую безусловное значение, самодостаточную ценность философ видел в следовании традиции, которую рассматривал в качестве высшего блага, основного условия приспособления к жизни и продолжения существования человека и человечества. В соответствии с идеями Конфуция, традиция выступает как проявление высшей формы мирового порядка («дао»). В отличие от философии классического даосизма, категория «дао» у Конфуция и его ранних последователей отличалась более отчётливым и практическим социально-нравственным наполнением. Смысл жизни, согласно учению Конфуция, заключается в «правильной жизни», т.е. в выполнении своего личного долга по соучастию в общем деле служения традиции, а общественное значение каждой отдельной жизни определяется степенью этого соучастия. Условием возможности реализации указанного смысла является идея Конфуция о том, что в каждом человеке изначально заложена идея блага, т.е. соответствие традиции. Практическую направленность учения Конфуция составляет изучение скрытой природы

человека с целью поиска путей воспитания людей в направлении «правильной жизни». Это является задачей благородных мужей, которые наиболее приближены к конфуцианскому идеалу человека, поскольку обладают набором определённых качеств, таких, как доскональное знание традиции и человечность, понимаемая преимущественно как долг. Поэтому на поставленный в начале данной статьи смыслообразующий вопрос «какая жизнь лучше всего (более всего осмысленна)?» Конфуций мог бы ответить, что это «правильная жизнь», и, в первую очередь, жизнь благородного человека, поскольку именно он является носителем необходимых для поддержания традиции нравственных благ.

Примечания

¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М., 1994.

² Там же. С. 5.

³ Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1983. С. 260.

⁴ Конфуций. Книга песней и гимнов. М., 2002. В дальнейшем все цитаты из Конфуция приводятся по этому изданию.

⁵ Луньюй. 6.20.

⁶ Там же. 7.1.

⁷ Там же. 7.5.

⁸ Там же. 12.11.

⁹ Там же. 18.6.

¹⁰ Там же. 14.2.

¹¹ Там же. 14.7.

¹² Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2003, С. 169.

¹³ Луньюй. 4.8.

¹⁴ Там же. 14.6.

¹⁵ Там же. 4.16.

¹⁶ Там же. 2.12.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.015.3

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ПСИХОЛОГОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

С.В. Галаев

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: galaev@spi.overta.ru

В работе обсуждается проблема мотивации профессионального развития будущих педагогов-психологов в условиях информатизации образования. В соответствии с предложенной моделью мотивации использования педагогами-психологами информационных технологий в контексте учебно-профессиональной деятельности выделены два основных мотивационных вектора формирования психологической готовности будущих специалистов к исследуемой деятельности.

Ключевые слова: личность, мотивация, социализация, развитие.

Motivation of the Professional Development of Future Teacher- Psychologists under the Conditions of Informatizatsii of the formation

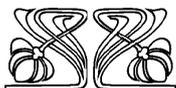
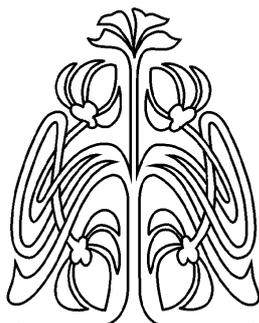
S.V. Galaev

The subject matter of the article is the problem of professional motivation development of the intending teachers in the field of psychology in the frame of education informatization. According to the suggested motivation model of the use by the teachers - psychologists of information technologies in the context of meaningful learning in the content area, two basic motivation vectors have been singled out: the formation of the psychological readiness of the intending teachers to the activity under study.

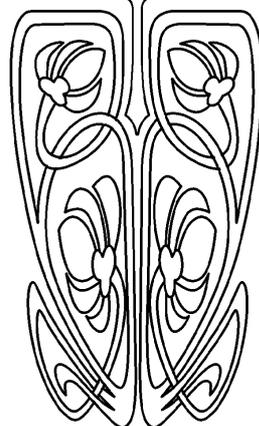
Key words: personality, motivation, socialization, development.

Появление информационных технологий в образовании требует теоретического осмысления современного этапа развития данного направления в системе профессиональной подготовки будущих педагогов-психологов. Наряду с предметно-методическим аспектом профессионального становления по-прежнему актуален аспект личностно-профессионального развития данного специалиста. Задачи подготовки педагогов-психологов с высоким уровнем развития профессионально важных качеств, формирования психологических механизмов адаптации будущих специалистов к условиям информационно-коммуникационного взаимодействия требуют изменений в целевом, содержательном и технологическом аспектах учебно-воспитательного процесса в системе высшего профессионального образования.

В соответствии с квалификационной характеристикой выпускника специалист, получивший квалификацию педагога-психолога, должен, в частности, осуществлять профессиональную деятельность, направленную на психологическое обеспечение образовательного процесса, личностное и социальное развитие обучающихся; способствовать социализации, формированию общей культуры личности, осознанному выбору и последующему освоению профессиональных образовательных программ; способствовать гармонизации социальной сферы образовательного учреждения, осуществлять меры по формированию психологической культуры обучающихся, педагогических работников и родителей. Изменения, происходящие в современном обществе, связанные, в частности, с информатизацией образования,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

способствуют инициированию новых требований к квалификационным характеристикам педагогов-психологов. Информатизация образования в целом определяется исследователями как комплекс социально-педагогических преобразований, связанных с насыщением образовательных систем информационными средствами и технологиями. Использование информационных технологий (ИТ) только в том случае будет вести к решению проблем современного образования, когда развитие информационной подсистемы образования станет сопровождаться радикальными изменениями во всех других подсистемах: педагогической, экономической, организационной, психологической и т.д. Развитие глобального процесса информатизации общества ведет к формированию не только новой информационной среды обитания людей, но и нового, информационного, уклада их жизни и профессиональной деятельности. В настоящей работе обсуждается проблема формирования профессионально важных качеств педагогов-психологов как субъектов информационно-коммуникационного взаимодействия.

В последнее время психологи образования всё чаще приобщаются к решению проблем, порождаемых процессом информатизации образования. Сфера профессиональных интересов психологов, так или иначе связанных с развитием информационных технологий, условно может быть представлена тремя направлениями. В основе первого направления лежит проблема искусственного интеллекта, корни которой восходят к работам английского математика Тьюринга, предложившего тест для определения того, обладает ли компьютер человеческим интеллектом. Участвующие в придуманном Тьюрингом эксперименте человек и компьютер получают одни и те же вопросы, добросовестно выводя свои ответы на экран. При этом компьютер запрограммирован таким образом, чтобы его ответы по своей форме напоминали ответы, типичные для людей. Если экспериментатор не сможет регулярно и правильно отличать ответы человека от ответов компьютера, то это означает, что компьютер прошёл тест Тьюринга и считается обладающим человеческим интеллектом. Сторонники искусственного интеллекта утверждают, что в этом случае человеческий и машинный интеллект практически идентичны. На пути развития идей искусственного интеллекта психологи работают наравне с представителями других областей знаний.

Второе направление деятельности психологов связано с компьютеризацией психологических исследований. Сюда прежде всего следует отнести компьютерную психодиагностику. В развитии экспериментальных психодиагностических методик важное значение имеют технические средства стимуляции, регистрации и обработки психодиагностической информации, позволяющей количественно выражать различные особенности людей, определяющие их внутреннее состояние

и отношение с окружающим миром. Использование в психодиагностике информационных технологий позволяет компактно хранить, быстро извлекать, оперативно анализировать и наглядно изображать экспериментальную информацию, что влечёт за собой эффекты, которые условно можно разделить на количественные и качественные. Информационные технологии позволяют также исследователю-психологу автоматизировать учёт и организацию исходных данных, провести необходимые вычисления.

Третье направление связано с организацией взаимодействия человека и ИТ. Сюда можно отнести как проблему соотношения творческих и детерминированных компонентов в процессах решения интеллектуальных задач с помощью компьютера, так и проблему влияния информационных технологий в случае их применения на личность пользователя. Примерами негативного изменения личности под воздействием информационных технологий могут служить чрезмерные увлечения компьютерными играми, Интернетом, программированием и информационными технологиями в целом.

Известно, что успешность учебной деятельности зависит от многих факторов психологического и педагогического порядка, среди которых фактору учебной мотивации отводится особое место.

Мотивация как ведущий фактор регуляции активности личности, ее поведения и деятельности представляет исключительный интерес для педагогов и родителей. По существу, никакое эффективное социально-педагогическое взаимодействие с обучающимся невозможно без учета особенностей его мотивации. За объективно абсолютно одинаковыми поступками, действиями школьников могут стоять совершенно различные причины (т. е. побудительные источники этих действий), их мотивация может быть абсолютно разной.

С целью формирования информационной культуры педагогов-психологов необходимо прежде всего выяснить мотивы, лежащие в основе готовности будущих специалистов к использованию информационных технологий. Теоретическим основанием авторской методики является модель мотивации использования педагогами психологами информационных технологий (ИТ) в контексте учебно-профессиональной деятельности. В соответствии с этой моделью выделяются два основных мотивационных вектора формирования психологической готовности педагогов-психологов к использованию ИТ. Строя модель, мы исходим из того, что интерес педагогов-психологов к использованию ИТ в условиях учебно-профессиональной деятельности определяется внутренней и внешней мотивацией. Если для будущего специалиста использование ИТ представляет самостоятельный интерес, то мы будем говорить о внутренней мотивации. Если же необходимость использования ИТ возникает в процессе решения таких

задач, как, например, задача межличностного взаимодействия в Интернет-среде, мы говорим о внешней мотивации.

С учетом построенных концептуальных основ задача построения эмпирических индикаторов заключалась в генерации утверждений, согласие/несогласие с которыми отражало бы выраженность двух базисных мотивационных векторов. Вот почему организация конструкторов производилась в два этапа: подбор эмпирических индикаторов для первого и для второго мотивационных векторов. При формулировании первичных пунктов мотивационного опросника МОПП мы исходили из того, что внутренняя мотивация должна основываться на таких соображениях, как поиск новых возможностей при использовании ИТ в таких сферах, как, например, конструирование компьютерных психодиагностических методик и систем и др. С другой стороны, внешняя мотивация использования ИТ формируется, на наш взгляд, за счет интереса к изучению поведения субъектов информационно-коммуникационного взаимодействия. Приведем примеры некоторых утверждений опросника (ключом ко всем утверждениям является ответ «да»):

Шкала внутренней мотивации.

«Меня всегда привлекали возможности использования ИТ в разных сферах деятельности».

«За разработкой компьютерных психодиагностических методик скрываются значительные перспективы».

«Одной из важнейших проблем современной психологии является проблема создания искусственного интеллекта».

Шкала внешней мотивации.

«Главное для меня сейчас – это изучить ИТ с целью использования их в психологических исследованиях».

«Мне кажется, что получение дополнительных знаний в сфере ИТ позволит лучше разобраться в проблемах самоидентификации в виртуальных системах».

«Знание ИТ способствует лучшему пониманию проблем, связанных с изучением Интернет-зависимости».

Первичная психометрическая апробация сгенерированных шкал Мотивационного опросника была осуществлена на выборке из 48 испытуемых – будущих педагогов-психологов. В первоначальной версии каждая из двух шкал насчитывала по 15 пунктов, таким образом, опросник состоял из 30 утверждений. Полученные опросные листы сводились в матрицу по каждой шкале с дальнейшим подсчетом статистических параметров по отдельным пунктам, определением суммарного балла по четным и нечетным пунктам, вычислением коэффициентов корреляции между каждым пунктом и суммарным баллом. В результате подобной статистической обработки удалось определить психометрические характеристики обеих шкал опросника.

Другая очень важная сторона статистического оценивания качества измерительной процедуры при помощи мотивационного опросника – определение степени ортогональности двух измерительных шкал, корреляции этих шкал с некоторыми объективными показателями. Матрица коэффициентов интеркорреляций между соответствующими параметрами приведена в табл. 1.

Таблица 1

Интеркорреляции шкал опросника МОПП с возрастной характеристикой

Параметры	Шкала внутренней мотивации	Шкала внешней мотивации	Курс
Внутренняя мотивация	1		
Внешняя мотивация	-149	1	
Курс	-341	327	1

Примечание. Нули и запятые в значениях коэффициентов корреляции опущены.

Как видно из матрицы, шкалы опросника коррелируют между собой незначимо (можно утверждать лишь о наличии тенденции к слабой отрицательной линейной взаимосвязи). В то же время суммарные баллы по шкалам опросника МОПП обнаружили разнонаправленные линейные взаимосвязи с таким объективным показателем, как курс обучения (статистическая значимость на уровне $p < 0,05$). С увеличением курса у будущего педагога-психолога возрастает внешняя мотивация.

Дальнейшая доработка пунктов опросника производилась по двум основным направлениям. Во-первых, было осуществлено переформулирование ряда тестовых утверждений, прежде всего имеющих слабую корреляцию с суммарным

баллом по соответствующей шкале; во-вторых, при помощи факторного анализа исследована структура взаимосвязей пунктов опросника в целях соответствия пунктов сконструированным шкалам.

Для решения перечисленных задач из каждой шкалы было изъято по одному утверждению, обладающему либо нулевой дисперсией (для шкалы внешней мотивации), либо самым низким значением коэффициента корреляции с суммарным баллом (для шкалы внутренней мотивации). Таким образом, опросник стал содержать 28 утверждений. С другой стороны, был переформулирован ряд утверждений, обнаруживших незначительную корреляционную связь с суммарным баллом по соответствующим шкалам (табл. 2).

Далее доработанный опросник был применен в группе из 53 испытуемых, после чего полученная бинарная матрица была подвергнута факторному анализу. Был применён метод главных компонент с последующим варимаксным вращением по Кайзеру.

Как видно из факторной структуры пунктов опросника, в первый фактор объединяются утверждения с порядковыми номерами 2, 3, 5, 8, 11, 12, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 27, 28. Это практически полностью совпадает с ключами к шкале внутренней мотивации.

Таблица 2

Факторные веса пунктов опросника МОПП после вращения (двухфакторное решение)

VAR	Factor 1	Factor 2
01	051	486
02	657	-055
03	398	255
04	254	376
05	711	-109
06	-104	394
07	-232	044
08	521	201
09	-207	485
10	-84	523
11	541	221
12	472	259
13	051	450
14	607	180
15	036	332
16	351	-244
17	-457	247
18	305	-144
19	470	-278
20	052	702
21	525	-196
22	470	-319
23	-317	500
24	483	041
25	270	301
26	111	125
27	412	030
28	501	-099

Примечание. Нули и запятые в значениях факторных весов опущены.

Второй фактор по результатам факторного анализа объединил пункты мотивационного опросника с номерами 1, 4, 6, 9, 10, 13, 15, 17, 20, 23. Если учесть здесь добавленный нами ранее пункт с 19-м номером, мы получили почти полностью ключи к шкале внешней мотивации.

Для валидации опросника мы воспользовались двумя известными в психодиагностике приемами.

Во-первых, производилась оценка конвергентной валидности шкал опросника — насколько эти измерительные процедуры оценивают соответствующие характеристики испытуемых. С

этой целью мы провели измерение у группы из 38 испытуемых выраженность шкал мотивационного опросника и шкал ведущих мотивов аффилиации личности методики А. Мехрабиана.

Во-вторых, производилась оценка так называемой эмпирической валидности по внешнему критерию, в качестве которого мы остановились на таком объективном параметре, как курс обучения.

Спектр коэффициентов корреляции двух шкал опросника со шкалами ведущих мотивов аффилиации личности методики А. Мехрабиана приведен в табл. 3.

Коэффициенты корреляции между шкалами МОПП и шкалами А. Мехрабиана

Шкалы диагностики А. Мехрабиана	Шкалы МОПП	
	Шкала внутренней мотивации	Шкала внешней мотивации
1	530	341
2	454	039
3	362	-282
4	-045	-359

Примечание. Нули и запятые в значениях коэффициентов корреляции опущены.

Внешне критериальная валидность оценивалась при помощи сопоставления двух коэффициентов корреляции шкал опросника с объективным критерием – курсом обучения. По результатам проведенного обследования коэффициент корреляции суммарного балла по шкале составил с этим критерием для шкалы внутренней мотивации $r = -0,025$, а для шкалы внешней мотивации $r = 0,450$. Статистическая достоверность различий между двумя коэффициентами корреляции оценивается при помощи Z -преобразования Р. Фишера и вычисления нормально распределенной статистики. В нашем конкретном случае она равна:

$$T = \frac{(Z_1 - Z_2)}{S} = \frac{0,485 + 0,03}{\sqrt{\frac{2}{33}}} = \frac{0,515}{0,246} = 2,09.$$

Этот показатель статистически значим на уровне $p < 0,05$, и мы можем заключить с указанной вероятностью ошибки первого рода, что различие в коэффициентах корреляции шкал сконструированного опросника не случайно.

Итак, на основании проведения исследований мы можем заключить, что разработанные шкалы как версии теоретического конструкта, положенного в основу мотивационного опросника, обладают приемлемыми психометрическими характеристиками (показатели различных

коэффициентов надежности и валидности имеют достаточно высокие значения).

Сконструированный опросник нашёл применение при подготовке студентов Педагогического института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (ПИ СГУ), обучающихся на факультете педагогики, психологии и начального образования по специальности «Педагогика и психология». В экспериментальную группу вошли студенты, обучающиеся по сдвоенным специальностям. Введение сдвоенных педагогических специальностей позволяет удовлетворять практические потребности школьного образования в преподавателях, профессионально владеющих современными информационными технологиями. В педвузах введен специальный курс по подготовке будущих преподавателей к профессиональной деятельности на основе использования средств ИКТ – «Использование информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе». Курс включен в федеральный компонент дисциплин предметной подготовки и читается студентам всех специальностей. В ПИ СГУ была составлена программа указанной выше дисциплины, ориентированная на будущую профессиональную деятельность педагогов-психологов. Занятия по указанной дисциплине проводились с учётом предпочтений, выявленных у будущих педагогов-психологов с помощью мотивационного опросника.

УДК 373.015.3

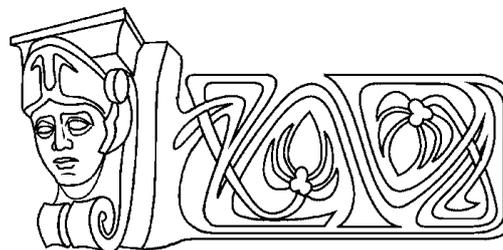
МЕТАСИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ШКОЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

М.В. Григорьева

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра психологии образования
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

В статье анализируется феномен школьной адаптации с точки зрения системного и метасистемного подхода. Обосновывается выделение subsystemов школьной адаптации, которая в школе представлена как часть более общей системы. Раскрыто содержание высшего уровня развития системы школьной адаптации – метасистемного уровня.

Ключевые слова: личность, адаптация, система, метасистема, психологическая модель.

The Metasystem Analysis of School Adaptation

M.V. Grigoryeva

In article the phenomenon of school adaptation from the point of view of the system and metasystem approach is analyzed. Allocation of subsystems of school adaptation is proved. The system of adaptation of pupils to training at school is presented as a part more the general

system. The filling of a highest level of development of system of school adaptation – metasystem level is opened.

Key words: personality, adaptation, system, metasystem, psychological model.

Условия функционирования и развития современного общества характеризуются значительными изменениями в общественных отношениях. Они отражаются в сознании людей и требуют от них приспособления к новым условиям, способности быстро реагировать на процессы социального и экономического развития общества, готовности эффективно действовать в соответствии с новыми требованиями ситуации. Усиление динамичности отношений «человек – среда» актуализирует проблему адаптации. Особую остроту приобретает проблема адаптации подрастающего поколения к условиям обучения в школе. На протяжении школьного обучения происходят значительные изменения в отношениях между учеником и средой. Социальная ситуация развития меняется несколько раз: изменения ведущей деятельности, отношений с окружающими, возможностей школьника, его новообразований и переживаний определяют специфику динамического равновесия личности в системе «индивид – среда». Динамика взаимоотношений внутри данной системы детерминирована не только расширением ближайшего социального окружения и изменением его требований, но и значительными трансформациями, происходящими в современном обществе в связи с переходом на новые политические и экономические отношения. Они потребовали переосмысления целей школы, содержания учебных программ, форм и методов обучения и воспитания. Сегодня в большинстве школ в том или ином виде осуществляется инновационная деятельность: разрабатываются и реализуются программы развития школ, ведется экспериментальная работа, осваиваются новые образовательные программы и технологии.

Школьными психологами признается связь адаптации к школе с уровнем психологической готовности учащихся к обучению в ней, а также комплексным психолого-педагогическим подходом на пути создания условий для успешной адаптации, изучением процесса приспособления ребенка к школе с точки зрения недопущения отрицательного результата (дезадаптации), доминированием психокоррекционного подхода к проблемам школьной адаптации, изучением адаптационного процесса в первые месяцы или первый год учебы ребенка в школе. Вместе с тем сложность и многоплановость проблемы школьной адаптации требует ее дальнейшего изучения, объединения и систематизации психологического знания о феномене адаптации, создания целостной модели процесса школьной адаптации, поиска возможностей учета всех детерминирующих адаптацию факторов. Решение перечисленных и других связанных с познанием целостности и качественной специфичности феномена адаптации

задач становится возможным благодаря уже упрочившемуся с 60-70-х гг. XX в. системному подходу и его развивающимся современным версиям.

Принцип системности применительно к изучению школьной адаптации позволяет, во-первых, проследить ее функциональный генезис (возникновение, основание, изменение детерминант и механизмов); во-вторых, выделить структурные элементы и основания процесса адаптации, что помогает учитывать специфику отдельных ее процессов; в-третьих, выйти на проблематику субъекта адаптации, способного быть активным и самоорганизующимся в своих отношениях с миром. Такой системный анализ интегральных образований, сохраняющих специфику деятельности и внутреннего мира человека, «обращение к локальным предметам» – в нашем случае, к изучению целостности системы школьной адаптации – является наиболее перспективной стратегией¹.

Следуя принципам системно-структурного и системно-уровневого подходов, феноменом, обладающим целостностью, который раскрывается через его компоненты и их связи, мы считаем школьную адаптацию. Для изучения в качестве элементов данной целостности мы выделяем несколько subsystems, характеризующих адаптационные взаимодействия личности и среды в зависимости от уровня ее психической организации: эмоциональную, интеллектуальную и социально-психологическую адаптации. Эмоциональная адаптация наблюдается при взаимодействии характеристик психофизиологического и психологического уровней организации индивида. На психологическом уровне адаптационные реакции учащихся связаны с интеллектом и развитием мотивации учения. Характеристики личности, обусловленные ее взаимодействием с ближайшим социальным окружением, влияют на социально-психологическую адаптацию ученика. В этой связи на социальном уровне изучаемого явления мы выделяем статус учащегося в первичной группе класса, его социальные роли, отношения учащихся, обусловленные социальными явлениями, отношения учителей к различным сторонам своей деятельности, отношения родителей к школе и учителям. Все subsystems взаимосвязаны и взаимопределяют друг друга и целостную систему общей социально-психологической адаптации².

Вместе с тем накопление знаний о предмете школьной адаптации приводит нас к необходимости поиска новых методологических возможностей дальнейших исследований. Целью данного исследования является обоснование возможности применения принципа метасистемности к изучению школьной адаптации и ее метасистемный анализ. Задачами в этой связи становятся:

1) определение и описание более общих систем, в которые «встраивается» система школьной адаптации учащихся;

2) анализ высшего уровня развития системы школьной адаптации;

3) доказательство двойственности феноменов деятельности субъекта по организации своей адаптации в школе.

Определение оснований для структурных образований школьной адаптации привело нас к расширению проблемного поля и выделению более общих систем, в которые «встраивается» система школьной адаптации учащихся. Такими системами являются представления учителей и родителей об адаптационных процессах школьников. В качестве примера можно привести исследование, которое показало, что и педагоги, и родители учащихся школы во множестве явлений приспособления к обучению в школе учитывают различные процессы и их признаки³. Это множество можно разделить на три содержательные области-субсистемы: социально-психологическую адаптационную, эмоциональную и интеллектуальную.

В общем виде высказывания педагогов в процессе опроса включают в себя шесть признаков:

- 1) отсутствие проявлений отрицательных эмоций во время нахождения в школе;
- 2) отсутствие проявлений агрессии;
- 3) выполнение правил распорядка школы, требований учителя, соблюдение дисциплины;
- 4) дружеские контакты с другими учениками;
- 5) прилежное выполнение домашнего задания, активная работа на уроке;
- 6) умение применить свои знания на тестировании, контрольной работе, открытом уроке и т.п.

По своему содержанию данные признаки можно соотнести с отдельными процессами адаптации учащихся. Так, 1 и 2 являются критериями оценивания успешности эмоциональной адаптации, 3 и 4 – критериями оценивания социально-психологической адаптации, 5 и 6 – интеллектуальной адаптации учащихся.

Высказывание родителей включают в себя пять признаков:

- 1) отсутствие конфликтов с одноклассниками и учителями;
- 2) появление друзей;
- 3) хорошее настроение после школы;
- 4) желание идти в школу;
- 5) хорошие отметки.

Признаки, выявленные при опросе родителей, также можно соотнести с адаптационными про-

цессами: 1 и 2 – с социально-психологическими, 3 и 4 – с эмоциональными, 5 – с интеллектуальными.

Сравнивая критерии оценивания успешности адаптации учащихся учителями и родителями, можно заметить сходство в том, что учитываются внешние признаки поведения учащихся в трех сферах жизнедеятельности: интеллектуальной, социально-психологической и эмоциональной. Это подтверждает правильность выделения и учета нами в общем адаптационном процессе учащихся в школе трех соответствующих составляющих.

Видны также различия в содержании и количестве критериев оценивания у родителей и учителей. При оценивании успешности интеллектуальной адаптации учащихся родители используют критерий, характеризующий результат учебной деятельности ученика («хорошие отметки»), учителя – критерии, характеризующие процесс этой деятельности («выполнение домашнего задания, работа на уроке», «умение применить свои знания в контрольной работе, тестировании, на открытом уроке»).

Оценивая успех социально-психологической адаптации детей, родители применяют более широкие по содержанию критерии по сравнению с учителями: они включают в себя отсутствие конфликтных отношений и с другими учащимися, и с учителями, а также не просто дружеские контакты с одноклассниками, а появление у их детей новых друзей. Критерий оценки успешности эмоциональной адаптации родителями по содержанию неотделим от положительной мотивации учения у детей. Критерий оценивания эмоциональной адаптации у учителей включает в себе возможность эмоциональных помех в учебно-воспитательном процессе и стремление к их отсутствию. В целом большинство критериев оценивания успеха адаптации учащихся родителями содержат описания явлений, возникающих вне школы, учителями – в школе.

Наиболее важными критериями, применяемыми в процессе оценивания адаптации учащихся к школе, родители считают критерии, описывающие социально-психологические явления, учителя – критерии, описывающие эмоциональные проявления учеников⁴. Об этом свидетельствуют результаты ранжирования критериев по степени важности с точки зрения характеристики общего процесса адаптации (табл. 1).

Таблица 1

Результаты ранжирования критериев оценивания родителями (60 чел.)

Критерии оценивания	Средний ранг
Отсутствие конфликтов с одноклассниками и учителями	2,2
Появление друзей	2,4
Хорошее настроение у ребенка после школы	2,4
Желание у ребенка идти в школу	3,8
Хорошие отметки	4,2

Приведенные результаты ранжирования еще раз подтверждают правильность сделанного нами ранее вывода о том, что общая адаптация учащихся к школе связана в представлениях роди-

телей с социально-психологическими явлениями.

Учителя учитывают в первую очередь эмоциональные проявления своих учеников, о чем свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

Результаты ранжирования критериев оценивания учителями (30 чел.)

Критерии оценивания	Средний ранг
Отсутствие у ученика проявлений отрицательных эмоций во время нахождения его в школе	1,2
Отсутствие у ученика проявлений агрессии	2,1
Дружеские контакты с другими учениками	3,1
Выполнение правил школы, требований учителя, соблюдение дисциплины	3,9
Выполнение домашнего задания, активная работа на уроке	5,2
Умение применить и показать свои знания на тестировании, контрольной работе, открытом уроке и т.п.	5,5

Именно такое акцентирование внимания взрослых на отдельных составляющих школьной адаптации влияет на ее процесс и результат. Для учителей эмоциональные проявления учащихся являются диагностическими признаками, благодаря которым они организуют по-другому ситуации обучения или психолого-педагогическую помощь ученику. Родители прямо или опосредованно в соответствии со своими ценностями и психолого-педагогической компетентностью организуют процесс социально-психологической адаптации своего ребенка.

Исследование, направленное на выявление взаимосвязей процессов школьной адаптации и отношением родителей к школе и учителям, также позволило выявить детерминантный характер представлений и отношений родителей, что дает основания считать их более общей системой, в которую «встраивается» система школьной адаптации субъекта⁵. Так, в большинстве наблюдаемых классов (63%) обнаружена значимая положительная корреляционная связь между отношением родителей к школе и успешностью социально-психологической адаптации их детей. Чем более положительное отношение к школе и учителям демонстрируют родители, тем в большей степени их дети-школьники учатся положительно реагировать в ситуациях социальных контактов в школе, лучше входят в ролевую структуру класса, положительным является их отношение к различным социально-психологическим феноменам, связанным со школой и учителями, т.е. становится успешнее их социально-психологическая адаптация к школе⁶.

Положительное отношение родителей к школе снижает общее напряжение и конфликтность их детей, что также способствует их успешной социально-психологической адаптации к школе. Успешнее социально адаптируются дети, легче формируются положительные отношения учащихся, а значит, и их родителей, к различным процессам и ситуациям, связанным со школой.

Значимые положительные корреляции были обнаружены также между отношением родителей к школе и интеллектуальными результатами в период адаптации (в 55% классов), эмоциональной адаптацией, положительным эмоциональным фоном и адекватностью эмоций школьников (в 25% классов).

Все это свидетельствует о том, что для системы школьной адаптации представления и отношения родителей и учителей являются определяющими ее результаты. Соотношение между данными детерминантами очень подвижно. В одних ситуациях школьной среды они могут выступать причинами успеха или неуспеха адаптации учащихся, в других – опосредующим звеном, предпосылками адаптационного процесса, а в некоторых случаях системообразующим фактором. Но в любом случае эти детерминанты сами являются системой, объемлющей систему школьной адаптации и наделяющей ее своими качествами. Это позволяет рассматривать представления и отношения родителей и учителей в связи со школьной адаптацией как ее метасистему.

Метасистемами для школьной адаптации являются также содержание учебных программ, объем осваиваемых знаний, особенности субкультуры школы. Исследование адаптационных процессов в разных типах школ (гимназиях, лицеях, общеобразовательных), а также в классах с углубленным изучением различных дисциплин (физики и математики, гуманитарного цикла, биологии и химии) показало их качественную специфичность и разную результативность⁷.

На начальных этапах школьного обучения представления родителей и учителей, а также другие внешние по отношению к адаптации учащихся системы являются тем уровнем, который задается в качестве высшего уровня развития для системы школьной адаптации. Постепенно, по мере развития у детей рефлексии, интериоризации определенных ценностей, личностных новообразований этот внешний уровень, прелом-

ляясь через индивидуальные особенности, становится внутренне усвоенным и, таким образом, принципиально двойственным: он локализуется вне системы школьной адаптации «в плане ее взаимодействия с более общими целостностями – метасистемами», но одновременно принадлежит системе, встроено внутри ее, трактуясь как «ее высший и ведущий уровень (по определению)»⁸. Это возможно в силу того, что объективная реальность отражается психикой, становясь субъективной реальностью. Следовательно, внешняя метасистема, с которой взаимодействует система школьной адаптации, должна быть представлена в структуре и содержании самой этой системы, становясь внутренней метасистемой. Более того, по мнению А.В. Карпова, «чем в большей степени система включена в метасистему и согласована с ней, тем выше ее адаптивность и сложность», т.е. ее эффективность⁹.

Но человек не только социальное, но и биологическое существо. Стремясь к своему высшему социальному метауровню развития, система школьной адаптации, с другой стороны, связана с биологическими и физиологическими системами, являясь для них в свою очередь метасистемой.

Внутренняя метасистема адаптирующейся личности отражает внешнюю метасистему и наличие рассогласования с ней в метакогнитивных процессах, которые детерминируются индивидуальными, субъектными, личностными и индивидуальными свойствами. На основе существующих у личности метастратегий формируются метапрограммы ее адапционных взаимодействий с внешней и внутренней средой. В зависимости от конечного результата работы системы школьной адаптации метастратегии и метапрограммы могут уточняться и изменяться. Метасистемный подход к исследованию школьной адаптации актуализирует ее *процессуальный* аспект: важно знать, как происходит текущее функционирование системы, формируется индивидуальный адаптационный стиль, переходящий со временем в метапрограммы – управляющие модели ментального, эмоционального, оценочного, сортирующего, воспринимающего и т.д. поведения¹⁰.

Функционирование системы школьной адаптации связано с активностью субъекта. Важную роль при возникновении трудных жизненных ситуаций, вызывающих необходимость адаптивных перестроек, играет уровень активности личности, степень ее мобилизации. Активность адаптирующегося субъекта выражается прежде всего в целеполагании, целеобразовании и произвольной саморегуляции. Если считать, что адаптация имеет не только пассивно-приспособительный, но и активно-развивающий характер, то это дает основание для изучения процесса школьной адаптации как особого рода деятельности, деятельности по организации среды и своего внутреннего мира с целью восстановления нарушенного равновесия и согласования.

Данная адаптационная деятельность развертывается как процесс взаимодействия не с материальным объектом, а с другими системами, с другими членами первичного коллектива, учителями, родителями, а также с системой внутреннего мира адаптирующегося субъекта, т.е. практически с самой собой. Адаптационная деятельность субъекта двойственна по предмету: с одной стороны, это индивидуальная деятельность, поскольку субъект сам инициирует и выполняет ее; с другой – это производная от взаимодействия со средой деятельность, поскольку адаптирующийся субъект должен не просто учитывать изменения среды, а именно благодаря этим изменениям и выполняет деятельность по достижению согласования со средой. Такая двойственная направленность деятельности по организации процесса адаптации возможна лишь в случае ее широкого метасистемного контроля и управления и наличия интегративных механизмов управления.

Адаптационная деятельность – это деятельность второго порядка, метадеятельность, деятельность с деятельностью других людей, с которыми необходимо достичь согласования, а также с собственной деятельностью. В последнем случае ведущим механизмом деятельности с собственной деятельностью является рефлексия, которая организует внутренние метапроцессы субъекта адаптации, т.е. является более комплексным и синтетическим процессом по сравнению с вторичными метапроцессами¹¹. Внешняя направленность адаптационной активности связана с изменениями среды. Это может выражаться в прямых и непрямых воздействиях на окружающих людей, изменениях их социальной перцепции, налаживании более полных и адекватных коммуникаций и т.п. Эти процессы, интегрируясь, объединяются в единый процесс общения, специфичного в плане своей цели – достижения равновесия и согласования личности и среды.

Специфика предмета адаптационной деятельности, выражающаяся в его двойственности и вторичности, приводит к возникновению нового уровня регуляции – метадеятельностного. Этот уровень имеет статус ведущего уровня во всей структуре уровней школьной адаптации. Содержание метадеятельностного уровня школьной адаптации включает в себя интегральный анализ процессов и результатов взаимодействия личности и среды, рефлексии как самый общий и интегральный процесс познания субъектом своих метапрограмм и метастратегий адаптации, а также общение как процесс получения, согласования и трансляции необходимой для восстановления равновесия со средой информации и способ воздействия на данную среду. Конечно, содержание метадеятельностного уровня школьной адаптации не исчерпывается данными процессами, но именно они являются основными в организации равновесных процессов взаимодействия личности и среды.

Таким образом, метасистемный анализ позволяет определить наличие внешних по отношению к системе школьной адаптации, более общих и управляющих систем, задающих на первых этапах школьного обучения уровень, к которому стремится система школьной адаптации субъекта, выявить двойственность феноменов деятельности и общения по организации процесса адаптации, позволяющую учитывать и интегрировать внешнюю и внутреннюю информацию.

Примечания

- 1 Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М., 2005. С. 31.
- 2 Григорьева М.В. Сравнительный анализ механизмов и факторов школьной адаптации в разных условиях обучения: Автореф. ... канд. психол. наук. Казань, 2005.

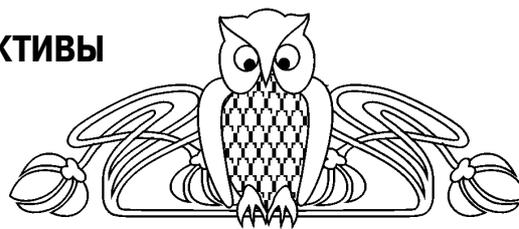
- 3 Григорьева М.В. Влияние отношения родителей к школе и учителям на процесс адаптации их детей // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2004. Вып. 1. С. 204–210.
- 4 Там же.
- 5 Григорьева М.В. Сравнительный анализ механизмов и факторов школьной адаптации в разных условиях обучения.
- 6 Григорьева М.В. Влияние отношения родителей к школе и учителям на процесс адаптации их детей // Там же.
- 7 Григорьева М.В. Сравнительный анализ механизмов и факторов школьной адаптации в разных условиях обучения.
- 8 Карпов А.В. Метасистемная организация уровней структур психики. М., 2004. С. 51.
- 9 Там же.
- 10 Холл М., Боденхаммер Б. 51 Метапрограмма НЛП. СПб., 2007.
- 11 Карпов А.В. Указ. соч.

УДК 159.9:070

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.В. Жижина

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: zhizhina5@mail.ru

В статье обосновывается теоретическая и практическая значимость психологических исследований медиакультуры как новой социальной реальности человеческого общества. Проанализированы функции медиакультуры и социально-психологические эффекты влияния масс-медиа на молодежную аудиторию, в связи с чем автор акцентирует необходимость исследования феноменологии и теории медиакультуры, а также разработки вопросов практики медиаобразования. Обозначены перспективы исследований медиакультуры в рамках медиапсихологии.

Ключевые слова: медиапсихология, медиакультура, компетентность, социальные и психологические эффекты масс-медиа.

Psychological Research of Media Culture: Problems and Perspectives

M.V. Zhizhina

The article substantiates theoretical and practical significance of psychological investigations of media culture, treating it as a new social reality of human society. Functions of media culture and social and psychological effects of influence of mass media upon young audience are analyzed. In connection with this the author lays special emphasis on the necessity of providing research of phenomenology and theory of media culture as well as working out the practical questions of media education. The article shows the perspectives of investigation of media culture in the frames of psychology.

Key words: media psychology, media culture, competition, social and psychological effects of mass media.

Проблемы медиакультуры и медиакомпетентности находят последние десять лет в центре внимания общественности, науки, культуры и образования.

Медиа – от латинского «media», «medium» – средство, посредник. Этот термин вошел в научный оборот в XX веке для обозначения феномена массовой культуры. Само же понятие «медиакультура» было введено в культурологии для обозначения особого типа культуры информационного общества, являющегося посредником между обществом и социумом. «Термин медиа, – пишут А. Бриггз и П. Кобли, – это множественное число от слова «медиум»; за понятием «медиа» (которому мы часто приписываем значение единственного числа) на самом деле стоит чрезвычайно сложная и разнообразная совокупность структур и видов деятельности, каждая со своим собственным способом коммуникации, своей экономикой, своими границами и своей аудиторией»¹.

Действительно, современные медиа в настоящее время представляют собой совокупность самостоятельных видов деятельности и общественной жизни, таких, как телевидение, радио, журналистика, фотожурналистика, пресса, музыкальная индустрия, кино, информационные агентства, книгоиздательский бизнес и т.д. На сегодняшний день масс-медиа – это не только средства массовой

коммуникации, но и целая система культурно-информационных монополий, которые являются источником сведений о реальности, фабрикой по производству собственной виртуальной реальности, в том числе «кумиров», «образцов для подражания», – делая, таким образом, сферу масс-медиа источником ценностных ориентаций и предпочтений.

В связи с этим в научной литературе все чаще говорится о том, что институционализация медиасистем привела к появлению так называемой «райтокрации», т.е. власти пишущих, создающих информационные продукты как культурные продукты массового потребления, как особую медиакультуру. Можно определенно утверждать, что ведущие программ масс-медиа, а также режиссеры, сценаристы, производители, финансирующие тот или иной проект, могут существенным образом влиять на траектории социокультурных и духовно-нравственных процессов.

Медиакультура сегодня рассматривается как совокупность множества действующих в обществе информационно-коммуникативных средств. В монографии, посвященной исследованию медиакультуры, Н.Б. Кириллова определяет ее как совокупность технологий и средств (в том числе материальных и интеллектуальных ценностей), выработанных человечеством в процессе культурно-исторического развития, которые способствуют формированию общественного сознания и социализации личности².

Феномен медиакультуры предстает как междисциплинарный, и область его исследований лежит на стыке многих наук: философии, психологии, экономики, социологии, культурологии, педагогики, искусствоведения, политологии, антропологии и кибернетики. Очевидно, что современная медиакультура тесно связана с техническим прогрессом, техническими инновациями, поэтому исследователи, работающие в данной области, часто называют медиакультуру информационной, тиражированной, мозаичной, клиповой, популярной культурой и т.д.

Анализ специфики медиакультуры и ее воздействия на социум довольно широко представлен в работах социолого-философского направления (Р. Арнхейм, А. Базен, Р. Барт, М. Бахтин, Д. Белл, В. Беньямин, В. Библер, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Маклюэн, Г. Маркузе, В. Михалкович, М. Кастельс, Ю. Кристева, К. Леви-Стросс, Д. Рашкофф, А. Якимович и др.). При этом чаще всего обсуждаются вопросы, связанные с изучением роли масс-медиа в процессах социокультурных изменений, исследованием особенностей глобализации культуры, «тенденций к диффузии ценностей, норм, образцов поведения во всемирном масштабе»³.

Термин «медиакультура» в научной психологии стал использоваться сравнительно недавно и еще не вполне устоялся. Более того, и в отечественной, и в зарубежной психологической литературе такие термины, как «медиакультура», «медийная культура», «информационная культура», «аудиовизуальная культура», часто используются

как синонимы, поскольку применяющие их авторы оперируют этими терминами для обозначения, по-существу, одного и того же явления.

В то же время, несмотря на множество публикаций и довольно большое число исследователей (Ю.Б. Бабаева, А. Бригзз, П. Винтерхофф-Шпурк, А.Е. Войскунский, Д.Е. Григорова, О. Веннингер, Д. Лемиш, Н. Луман, Г.С. Мельников, В. Кагельман, П. Кобли, Р. Харрис и др.), психологический анализ проблем медиакультуры еще не имеет достаточного методологического и эмпирического обоснования. Тем не менее указанная область психологических исследований уже получила свое название – психология медиакультуры или «медиапсихология», и в рамках медиапсихологии выделяются такие характеристики личности, как «медиакомпетентность», «медиаграмотность», «медиаобразование», «информационная компетентность».

Исследование медиакультуры как психологического феномена в наше время объективно становится важным не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Условия глобализации и технизации современного общества делают актуальным изучение широкого комплекса психологических проблем медиакультуры. Среди них: идентичность личности в условиях глобального распространения масс-медиа (проблемы кризиса и конфликта идентичности); изучение влияния специфических видов медиакультуры на психику человека; психологический анализ самочувствия личности в условиях медиасреды; социально-психологические эффекты масс-медиа; влияние медиасреды на социализацию личности; медиаобразование как феномен развития личности в медиасреде; анализ социально-психологических функций компьютера и Интернета; общение в виртуальном пространстве, его специфика и эффекты; исследование социально-психологических влияний Интернета на личность; гендерные особенности пользователей Интернета, психология зависимости от виртуальной реальности и киберпространства; влияние социокультурных факторов медиасреды на досуговые предпочтения; изучение психологических механизмов и последствий влияния медиа на формирование личности молодого человека, на духовную культуру; психологическая безопасность личности в информационном обществе.

В работах Н.А. Адровой, К. Базэлгэта, С. Дж. Бэрэна, И.В. Вайсфельда, Е.Л. Вартановой, Д.Е. Григоровой, Л.С. Зазнобиной, Я.Н. Засурского, Л. Мастермана, Б. Мак-Махона, В.А. Монастырского, Е.Е. Прониной, А.В. Спичкина, А.В. Федорова, Э. Харта, А.В. Шарикова исследуются вопросы теории и практики формирования медиакомпетентности и медиаобразования вообще. Можно с уверенностью говорить о том, что медиаобразование становится одной из важнейших проблем медиапсихологии.

В отечественной психологической литературе проблемы медиакультуры рассматриваются, в основном, в плане оценки влияния mass-

media на личность и аудиторию (Н.А. Адрова, Ю.Д. Бабаева, Е.Л. Варганова, А.Е. Войсунский, Д.Е. Григорова, И.А. Доница, Я.Н. Засурский, Г.С. Мельников, Н.Н. Петрова, Е.Е. Пронина, Е.А. Столбникова, А.В. Федоров и др.).

Когда речь идет об эффектах воздействия современных высокотехнологичных масс-медиа на личность, отечественные и зарубежные исследователи выделяют молодежную аудиторию в качестве одного из главных объектов влияния медиакультуры. В научных публикациях описывается большое число теоретических и прикладных медиапсихологических исследований, посвященных изучению социальных эффектов влияния массовой культуры (в частности, развлекательных каналов телевидения), которые подтверждают факт сильнейшего влияния медиакультуры на развитие детей. По данным ряда авторов, медиакультура оказывает решающее влияние на содержание игр детей, на поведение подростков, на формирование их духовно-нравственных ориентиров (М. Аромштам, Д. Брайант, А. Варганов, Д.Е. Григорова, Н.П. Гришаева, С. Дэвид, М.Н. Кабанова, Е. Петрушанская, Е. Савицкая, В.Г. Собкин, В.В. Семикин, В.Е. Семенов, Б.Ю. Сорочкин, С. Томпсон, Р. Харис и Д. Лемиш, А.В. Шариков, А.В. Федоров, В.П. Чудинова и др.).

Психологический анализ эффектов воздействия масс-медиа на детей и подростков неоднократно выявлял феномены негативного влияния медиасреды на молодежь, особенно частые в условиях трансформации социально-экономической структуры общества и глобализации его духовной сферы. Исследователи постоянно отмечают, что в детской и подростковой субкультурах под влиянием масс-медиа происходят значительные изменения, наблюдается усиление воздействия СМИ на социализацию подростков.

В психологических исследованиях социального поведения молодежи выявлена существенная роль Интернета как фактора, обуславливающего, в частности, выбор товара и формирование образцов потребительского поведения. При этом продуцируется определенная «Интернет-культура», которая обладает собственными нормами, символами, ценностями, сетевым этикетом, сетевым сленгом, сетевым мышлением. Все эти феномены успешно используются в маркетинговых коммуникациях с целью привлечения молодежной аудитории.

Распространенной темой междисциплинарных исследований медиакультуры становится изучение причин ослабления влияния на становление и формирование личности подростка таких институтов культуры, как музеи, театры, библиотеки, художественные произведения искусства. Многочисленные данные психологических и социологических исследований убедительно подтверждают тот факт, что в настоящее время происходит смена институтов социализации.

Еще одна проблема, которая поднимается в рамках медиапсихологии, – это проблема куль-

турной идентичности в условиях растущей информатизации общества (кризис идентичности, конфликт идентичности). И связано это с тем, что молодые люди часто испытывают затруднения в выборе объектов идентификации, определяющих подлинность культурной идентичности. Появляются искаженные нормы и формы социального поведения. Психологические исследования обнаруживают различные виды девиаций и аддикций, связанных с появлением новых информационных технологий: зависимость от компьютерных игр, интернет-зависимость и т.д.

В целом поле медиапсихологических исследований расширяется и дифференцируется. П. Винтерхофф-Шпурк выделяет две важных области специализации медиапсихологии: психология медиапроизводства, изучающая переживания и поведение «отправителей», и психология медиавосприятия, связанная непосредственно с «получателями» информации⁴. При этом подчеркивается необходимость сотрудничества медиапсихологии с другими науками. По мнению автора, предметом изучения медиапсихологии является использование и влияние масс-медиа и, прежде всего, ТВ, которому посвящено от 40 до 65% медиаисследований (влияние телевидения на развитие детей и молодежи; влияние демонстрации насилия, рекламы, формирования и изменения установок, успехов в школе и интеллектуального развития, а также просоциальных способов поведения).

В современной психологической литературе в области медиапроизводства (на стороне «производителя информации») и в области медиавосприятия (на стороне «получателя информации»), в свою очередь, складываются три основных направления медиапсихологических исследований:

- медиаобразование (формирование навыков использования СМИ в интересах потребителей, овладение антиманипулятивными стратегиями);
- медиааналитика (анализ контекста массовой коммуникации с точки зрения соблюдения принципов информационно-психологической безопасности, интересов и прав аудитории);
- медиатерапия (обеспечение коллективного восстановления и реабилитации посредством СМИ).

В настоящее время медиаобразование, как отмечалось выше, уверенно становится одним из важнейших направлений медиапсихологии как в научном, так и в практическом отношении с учетом того, что исследования обнаружили существенные психологические эффекты влияния масс-медиа на личность. Вопросы теории и практики медиаобразования, рассмотренные в работах Н.А. Адровой, К. Базэлгэта, С. Дж. Бэрна, И.В. Вайсфельда, Е.Л. Варгановой, Д.Е. Григоровой, Л.С. Зазнобиной, Я.Н. Засурского, Л. Мастермана, Б. Мак-Махона, В.А. Монастырского, Е.Е. Прониной, А.В. Спичкина, А.В. Федорова, Э. Харта, А.В. Шарикова и др., позволяют определить медиаобразование как такое направление в

педагогике и психологии, которое выступает за изучение закономерностей социальных и личностных влияний средств массовой коммуникации и формирование на этой основе медиакомпетентности личности.

Проведя анализ отечественных и зарубежных теоретических концепций медиаобразования, Н.Б. Кириллова делает вывод о том, что на сегодняшний день не существует единой концепции медиаобразования и, соответственно, нет устоявшейся терминологии. Одни исследователи видят цель медиаобразования в развитии и формировании медиакомпетентности, медиаграмотности личности, другие, наоборот, идентифицируют понятия «медиаобразование» и «медиакомпетентность». Вместе с тем, несмотря на различие позиций, все модели медиаобразования объединяет общая постановка следующих задач: формирование осознанного критического отношения к потребляемой информационной продукции; профилактика медиааддикций (телевизионная зависимость, интернет-зависимость и т.д.); обучение навыкам защиты от манипулятивных стратегий и влияний масс-медиа; приобретение практических навыков в выявлении ложных сведений и искажений в получаемой информации.

Многие исследователи справедливо связывают развитие медиакомпетентности с повышением уровня психологической культуры личности. Так, С.Дж. Бэрэн (2002) предложил классификацию умений, необходимых для оценки медиакомпетентности личности: способность и готовность сделать усилия, чтобы воспринимать, понимать содержание медиатекста и отфильтровывать «шум»; понимание и уважение силы влияния медиатекстов; способность различать эмоциональную и аргументированную реакции при восприятии, чтобы действовать соответственно; развитие компетентного предположения о содержании медиатекста; знание условностей жанров; способность размышлять о медиатекстах критически, независимо от того, насколько влиятелен их источник; знание специфики языка различных медиа и способов их воздействия независимо от сложности медиатекстов⁵.

Другие направления медиапсихологических исследований – медиааналитика и медиатерапия – пока существенно уступают медиаобразованию по объему и качеству исследований и практических разработок. Однако это не делает их менее важными в отношении перспектив развития медиапсихологии, которая, как показывает наш анализ, так или иначе сделала главным объектом своих исследований феномен медиакультуры и обозначила главные линии своего интереса: психологические феномены и психологические закономерности бытия и развития медиакультуры современного общества.

В целом анализ имеющихся исследований в области медиапсихологии (или психологии медиакультуры) позволяет говорить о много-

аспектном и многоуровневом характере феноменов и эффектов влияния современных средств масс-медиа на общественное и индивидуальное сознание, на социальное поведение различных контингентов населения. Медиакультура как социально-психологический феномен несет на себе следующие функции: мировоззренческую, политико-идеологическую, культурологическую (аккультурация, обмен культурными ценностями, идеями, передача общественных ценностей и т.д.), социализации.

При этом можно обозначить как минимум *три уровня психологического анализа* медиакультуры:

– первый – анализ *медиакультуры личности*, обусловленной сформированностью и развитием общей и психологической культуры личности, проявляющейся, в частности, в способности адекватно реагировать на процессы информатизации социальной сферы; в умении анализировать медиатексты и медиасообщения; в степени сформированности критического мышления и в способности влиять на формирование медиакультуры общества. Медиакультура личности раскрывается нами через такие понятия, как медиакомпетентность, медиаобразованность, информационная защищенность, «информационный иммунитет»;

– второй – изучение *медиакультуры отдельных социальных сообществ, социальных систем и групп*. Например, объектом данного уровня психологического исследования становится медиакультура определенного телевизионного канала (очевидно, что канал MTV и канал «Культура» демонстрируют разные ценности, цели и представления о назначениях и функциях телевидения) или медиакультура волны радиовещания («Эхо Москвы», «Русское радио», «Радио шансон», «Европа плюс» и др.). В этом же смысле можно говорить о медиакультуре печатных изданий и других средств массовой коммуникации. Мы полагаем, что совершенно аналогичным образом следует вести речь о психологическом изучении медиакультуры определенной *социальной единицы, этнической общности, возрастной или профессиональной группы*, например молодежной медиакультуры и ее форм – поп-культуры, рок-культуры и т.п.;

– третий – психологическое исследование *медиакультуры общества в целом*, этот уровень уже заметен в исследовательском контексте. Здесь можно назвать такие направления, как изучение взаимовлияний и взаимодействия в общественном сознании и менталитете различных медиакультур, которые в итоге образуют единую социокультурную ситуацию, формируют новую медиакультуру мира. Предметом изучения этого уровня становятся общие тенденции, закономерности, эффекты взаимодействия различных медиакультур между собой, медиакультурные взаимодействия между социумом и личностью.

Изучение феноменов медиакультуры в рамках психологических исследований находится

на начальном этапе своего развития, но есть основания полагать, что ближайшие годы будут отмечены широкомасштабными теоретическими и экспериментальными разработками в этой сфере. Этот процесс сопряжен с интенсивным развитием новой области психологического знания – медиаспсихологии, углублением и расширением ее научных направлений, развитием медиаспсихологической практики.

В данном случае важными становятся не только исследования феноменологии и теории медиакультуры, но и просветительская работа с населением, особенно с молодыми поколениями граждан, разработка научно-практических рекомендаций по развитию медиакультуры личности, подготовке специалистов по методике и технологии формирования медиакультуры личности. Необходимо уже сейчас закладывать научные основы медиаграмотности, способы защиты от манипулятивных техник и негативного воздействия определенных медиатекстов и сообщений. Речь идет в том числе о психологической экспертизе печатной, аудиовизуальной и другой информации, результаты которой должны быть доступны широкой общественности.

Благодаря медиаспсихологическим исследованиям понятие «медиакультура» в его психологическом наполнении в действительности оказалось намного шире по содержанию, чем обсуждавшиеся выше медиаграмотность или медиакомпетентность, производство и восприятие современных высокотехнологичных медиасообщений, включая защиту от агрессивных проявлений медиасреды. Например, медиакомпетентность можно рассматривать как инструмент и компонент формирования психологической культуры личности. На наш взгляд, выделенные С.Дж. Бэрэном умения, необходимые для психологического анализа медиакомпетентности личности, – включающие способность к медиаторчеству, умение адекватно, критически оценивать медиатексты, анализировать сложные процессы функционирования медиа в социуме, – вполне можно использовать

УДК 316.6 + 159.923

ФЕНОМЕН СВЕРХЗНАЧИМОСТИ ВНЕШНИХ ОЦЕНОК И НАРУШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М.В. Коровина

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии;
E-mail: marinakor@yandex.ru

В статье рассматривается социально-психологический феномен как неспецифический фактор формирования дезадаптации личности, который определяется нами как феномен *сверхзначимости внешних оценок*. Выделяются основные направления

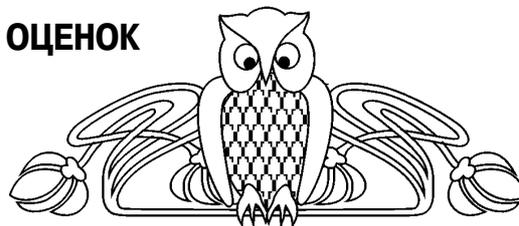
и как критерии сформированности индивидуальной, личностной медиакультуры.

Проведенный выше анализ позволяет наметить некоторые направления перспективных исследований медиакультуры как социально-психологического феномена, определяющие возможное развитие психологии медиакультуры как нарождающейся отрасли психологической науки и практики:

- разработка теоретико-методологических подходов к изучению медиакультуры как новой социальной реальности человеческого общества и как междисциплинарного явления;
- выявление тенденций, закономерностей, структуры и механизмов действия медиакультуры как социального фактора;
- изучение и выявление социально-психологических особенностей медиакультуры различных социальных групп, систематизация экспериментальных данных, их методологическое и теоретическое обоснование;
- исследование особенностей развития медиакультуры у представителей различных сообществ, а также изучение поля социальных представлений, имеющихся у той или иной социальной группы;
- выделение дифференцирующих критериев медиакультуры личности и социальной общности, разработка соответствующих диагностических методик.

Примечания

- 1 Медиа / Под ред. А. Бриггза, П. Кобли. М., 2005. С. 1.
- 2 См.: Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2006.
- 3 Минюшев Ф.И. Социология культуры. М., 2004.
- 4 Винтерхофф-Штурк П. Медиаспсихология. Основные принципы. Харьков, 2007.
- 5 См.: Григорова Д.Е. Медиаобразование и проблема информационно-психологической безопасности личности (на примере реалити-шоу) // Медиаобразование. 2006. № 3.

деструктивного влияния данного феномена на различные уровни социально-психической адаптации личности и предлагается более подробное рассмотрение механизмов участия феномена сверхзначимости внешних оценок в формировании нарушений межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная психология, личность, взаимодействие, социальная перцепция.

External Judgment Superimportance Phenomenon and Interpersonal Relations Disorder

M.V. Korovina

The article is devoted to the social-psychical phenomenon, which acts as a nonspecific factor of maladaptation of an individual. It reflects the problems of person's attitude to other people's judgment and is determined as an external judgment superimportance phenomenon. The article shows main directions of destructive effect of the phenomenon on different levels of socio-psychical adaptation of an individual. The article also offers closer view on the mechanisms of interference of the external judgment superimportance phenomenon in formation of interpersonal relations disorder.

Key words: social psychology, personality, interaction, social perception.

Цель данной статьи – выделение механизмов деструктивного влияния явления сверхзначимости внешних оценок на сферу отношений личности с другими людьми. Содержание статьи представляет собой результат теоретического обобщения нашего опыта психологической консультативной работы, а также опирается на анализ исследований, связанных с проблемами социально-психической адаптации, мотивации личности, межличностного взаимодействия.

Наш опыт оказания психологической помощи на базе отделения экстренной психологической помощи по телефону, а также анализ клинического материала, описанного в литературе представителями различных психотерапевтических школ и направлений, позволяют сделать вывод о том, что проблемы самого различного содержания – эмоционального неблагополучия, нарушений взаимоотношений с другими людьми, неуспешности в рамках осуществляемой деятельности – имеют своим источником нарушения отношения личности к оценкам окружающих. Такие наблюдения представляются нам хорошо теоретически объяснимыми – отношение к внешним оценкам как базовое отношение человека, непосредственно реализующее его социальную природу, неизбежно включается во все системы отношений личности – ее отношение к людям, своей деятельности, себе. Нарушение данного отношения затрагивает все сферы личностного функционирования, что и определяет его особую деструктивную значимость.

Место отношения к внешним оценкам в системе отношений личности определяется характеристиками потребностей, лежащих в его основании. С первых дней жизни человека возможность реализации его базовой потребности – потребности в физическом выживании – оказывается связанной с отношением Другого. Нормальное развитие предполагает уменьшение этой связи, но не ее исчезновение. Реализация любых, даже биологических потребностей человека предполагает взаимодействие с другими людьми, поэтому отношение между ними всегда остается объективно важным для их благопо-

лучного удовлетворения. Под влиянием оценок Других происходит формирование важнейшего отношения человека – *отношения к себе*¹, психологической структуры, потребность в достижении и сохранении благополучия которой становится для человека социальным аналогом потребности в физическом выживании.

Рождаясь под влиянием внешних оценок, система представлений и переживаний человека в отношении себя, как известно, никогда не становится совершенно закрытой для их влияния². Однако границы такого воздействия, его последствия для психологического здоровья человека определяются сложившимися к данному моменту характеристиками самоотношения. Фрустрация потребности в переживании ценности «Я» переносится крайне болезненно. Неблагополучие самоотношения, реализующееся каждую минуту в болезненном, поддерживающем и углубляющем переживание малоценности внутреннем диалоге, является постоянным сигналом психологической небезопасности, неумолкающим сигналом актуальной угрозы психологического разрушения. Особую значимость приобретают в данной ситуации внешние оценки, важнейшие источники формирования отношения к себе. В них человек страшится найти подтверждение непереносимому внутреннему диалогу, с их помощью он надеется его «приглушить» или «исправить».

Таким образом, под явлением *сверхзначимости внешних оценок* нами понимается отношение к внешним оценкам как к целиком определяющим возможность или невозможность реализации потребности в переживании ценности «Я», складывающееся в условиях неблагополучия самоотношения, являющееся результатом искажения процессов самовосприятия, самооценки, аутокоммуникации и их неспособности выполнять функцию обеспечения психологического благополучия личности.

Проявления феномена сверхзначимости внешних оценок, направленные на изоляцию от травмирующего фактора – внешних оценок, либо, напротив, на отчаянный поиск оценочного опыта, призванного освободить от переживания малоценности, представляют собой по существу попытки обретения психологического благополучия. Однако подобные защитные модели не только не служат укреплению и реабилитации «Я-образа», но и углубляют имеющиеся нарушения. Явление сверхзначимости внешних оценок, вызывая к жизни систему вторичных дезадаптивных эмоциональных, когнитивных, поведенческих характеристик, приобретает значение самостоятельного деструктивного фактора, углубляющего и закрепляющего существующее неблагополучие.

Весь комплекс механизмов, участвующих в формировании социально-психической дезадаптации в условиях сверхзначимости внешних оценок может быть, по нашему мнению, разделен на три группы:

1) механизмы конструирования объективно-го неблагополучия (механизмы конструирования «внешней» дезадаптации). Они отвечают на вопрос о том, каким образом явление сверхзначимости внешних оценок препятствует полноценному функционированию личности как в сфере взаимодействия с людьми, так и в сфере «внеличностной» активности, создавая объективные ситуации нарушения межличностных отношений, отвержения, неуспешности;

2) механизмы конструирования субъективного неблагополучия личности (механизмы конструирования «внутренней» дезадаптации);

3) механизмы, лежащие в основе низкой толерантности к фрустрирующим, стрессогенным воздействиям. Данную группу составляют механизмы, повышающие субъективную травматичность и дезадаптирующий потенциал внешних неблагоприятных событий и ситуаций (ситуации неуспеха, неприятия, критики и т.д.). Эта группа образует совместно с первой характерный в ситуации сверхзначимости внешних оценок «комплекс уязвимости» (сочетание «высокая вероятность фрустрации – низкая толерантность к фрустрации»), обладающий значительным деструктивным потенциалом.

В данной статье мы остановимся на рассмотрении механизмов *первой группы*, а именно – механизмов деструктивного влияния феномена сверхзначимости внешних оценок на сферу отношений личности с другими людьми. Обратимся к их краткой характеристике.

1. Избегание межличностного взаимодействия

В ситуации сверхчувствительности к внешним оценкам, способным разрушить представление о себе, способом ограждения себя от тяжелых переживаний, связанных с возможностью отвержения окружающими, может стать осознаваемый или неосознаваемый выбор различных способов избегания взаимодействия³. Нетрудно увидеть, что данный механизм изначально создает условия для фрустрации, исключая всякую возможность реализации значимых социальных потребностей в отношениях с другими людьми.

2. Фрустрация значимых социальных потребностей Другого

Проявления сверхзначимости внешних оценок в межличностных отношениях заключают в себе различные формы фрустрации значимых потребностей других людей, что делает для них подобное взаимодействие крайне «непривлекательным».

Можно выделить различные варианты реализации данного механизма:

- *фрустрация потребности Другого в заинтересованном внимании*. В условиях высокой восприимчивости Я-концепции к внешним оценкам сохранение и утверждение представления о собственной значимости в своих глазах и глазах окружающих является наиболее актуальной пер-

воочередной задачей⁴, которая решается в любых ситуациях и сосредоточивает на себе огромное количество усилий и внимания. Особенно ярко этот механизм проявляется в общении. Поглощенность проблемой сохранения «Я-образа» приводит к снижению чувствительности, к состоянию переживания окружающих людей. Это явление легко объяснимо. Не решен центральный вопрос – вопрос собственной ценности, под угрозой находится самое основание психологического благополучия – представление о себе. В подобных условиях небезопасности из всех объектов окружающего мира выделяются только те, которые являются сигналом ее приближения или устранения (негативные и позитивные оценки окружающих). Чувствительность, интерес к другим людям становятся в этом случае непозволительной роскошью. Понятно, что подобное взаимодействие оказывается фрустрирующим для окружающих, которые чувствуют себя «невидимыми», игнорируемыми;

- *фрустрация потребности Другого в эмоциональном принятии*. В основе реализации данного механизма – запрет на выражение позитивных чувств и переживаний в рамках межличностного взаимодействия – одна из форм дистанцирования в условиях сверхзначимости внешних оценок;

- *фрустрация потребности Другого в переживании собственной значимости, состоятельности, нужности*. Можно выделить сразу несколько поведенческих моделей в условиях сверхзначимости внешних оценок, реализация которых создает условия для актуализации у окружающих негативных переживаний в отношении себя:

- высокомерие, демонстрация собственной значимости и превосходства, преследующее защитные цели – обеспечение «безопасной дистанции» в отношениях, не позволяющей другому разглядеть собственную несостоятельность, незащищенность, уязвимость;

- «убеждение» другого в собственном превосходстве, безупречности, совершенстве, воспринимаемое как обязательное условие завоевания расположения и принятия другого;

- демонстрация собственной независимости, силы, ненужности в другом, являющаяся следствием страха обнаружения собственной уязвимости, незащищенности, потребности в поддержке;

- *фрустрация потребности Другого в значимых оценках*. Потребность в значимых оценках является для человека как социального существа одной из важнейших, удовлетворяемых в общении⁵. Благополучие самоотношения создает невозможность участия в реализации этой значимой потребности других. Транслируемые окружающим переживания собственной малоценности и несостоятельности являются для них сигналом того, что данный человек не может стать источником *значимого* принятия, поддержки, одобрения, в которых они нуждаются. Поэтому

такой человек оказывается непривлекательным для других и «не выбирается» ими. Кроме того, владелиц данного механизма склонен вызывать у окружающих негативные эмоции (гнев, раздражение, подавленность), которые являются реакцией на фрустрацию одной из важнейших потребностей;

▪ *фрустрация потребности Другого в подлинных оценках.* Неизбежным следствием использования защитно-воздействующего стиля коммуникации (сверхконтроль самопроявлений, демонстрация желательных реакций и т.д.) становится некогруэнтность в межличностном взаимодействии⁶. Данная характеристика оказывает «фрустрирующее» воздействие на партнеров по общению, исключая возможность реализации их значимой потребности, связанной с межличностным взаимодействием, – потребности в подлинных оценках;

▪ *фрустрация потребности Другого в межличностном контакте.* Потребности, механизмы фрустрации которых в межличностном взаимодействии в условиях сверхзначимости внешних оценок рассматривались выше, могут быть определены как «оценочные» потребности взаимодействия. Потребности данной группы связаны с получением внешних оценок и задачей достижения и защиты определенных характеристик самоотношения.

Оценочные потребности можно назвать потребностями взаимодействия лишь условно, так как они монологичны и эгоцентричны по своей природе. Другой в этом случае является объектом, в котором представляют интерес только те его составляющие, которые связаны с реализацией потребности в утверждении собственной ценности и значимости. По существу, это не потребность в Другом, а потребность в «зеркале»⁷. Используя терминологию А. Маслоу, можно назвать потребности данной группы «низшими», дефицитарными потребностями взаимодействия или потребностями психологического самосохранения. Другая группа потребностей, реализуемых в общении, – *собственно потребности взаимодействия* (диалогические потребности взаимодействия). В основе потребностей данной группы – «потребность в межличностном контакте»⁸, потребность в самораскрытии, потребность в разделении собственных чувств и переживаний с другим, потребность в контакте с внутренним миром Другого, с переживаниями и чувствами Другого. Потребностям данной группы уделяется значительное внимание в рамках экзистенциально-гуманистического направления, где возможность их реализации описывается как «чудо встречи», «соприкосновения» с Другим, в результате которого человек открывается не только Другому, но и самому себе⁹.

Понятно, что используемые в условиях сверхзначимости внешних оценок «способы построе-

ния отношений», включающие в себя активность, направленную на создание желаемого образа себя в глазах Другого, стремление спрятать от другого нежелательные чувства, проявления, представляют собой на самом деле способы отдаления от Другого, различные формы неприсутствия в ситуации общения, что, безусловно, предполагает фрустрацию потребностей данной группы партнеров по взаимодействию.

Особая патогенная роль представленной группы механизмов заключается в том, что они конструируют новый травматичный межличностный опыт, углубляющий существующее психологическое неблагополучие. Внешние оценки приобретают еще большую значимость, что в свою очередь приводит к увеличению активности всей системы деструктивных факторов.

Таким образом, в данной статье мы попытались ответить на вопрос о том, каким образом явление сверхзначимости внешних оценок конструирует «фрустрирующий» межличностный опыт, создает для личности невозможность реализации важнейших социогенных потребностей в отношениях с другими людьми. Предпринимаемое выделение системы деструктивных механизмов, связанных по своему происхождению с явлением сверхзначимости внешних оценок, может, на наш взгляд, не только иметь теоретическую значимость, но и представлять ценность в рамках решения задачи поиска эффективных средств коррекционной работы с различными формами нарушений социально-психологической адаптации личности.

Примечания

- 1 Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995. С. 47–51.
- 2 Лэнгле А. Грандиозное одиночество. Нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 2 (33). С. 34–58.
- 3 Хорни К. Самоанализ / Пер. с англ. под ред. А. Боквинова. М., 2002. С. 336.
- 4 Карвасарский Б.Д. Неврозы. М., 1990. С. 164.
- 5 Виллюнас В.К., Кравченко А.С. Мотивация демонстративного поведения // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002. С. 122.
- 6 Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М., 1994. С. 216.
- 7 Чечельницкая Е.П. Нарциссизм и пессимизм // Московский психотерапевтический журнал. 2002. С. 85.
- 8 Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М., 1997. С. 216.
- 9 Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М., 1999.

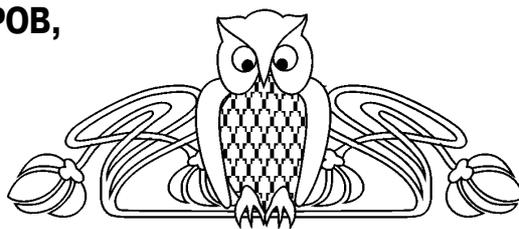

УДК 316.6(470+571)

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕНЕДЖЕРОВ, УПРАВЛЯЮЩИХ БИЗНЕС-СИСТЕМАМИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ

А.С. Краснокутская

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра психологии образования
E-mail: philosof@info.sgu.ru

В данной статье рассматривается проблема различий социально-психологических характеристик личности менеджеров двух типов – управляющих бизнесом на стадии его развития и в период стабилизации, описываются основные параметры, специфичные личности менеджеров исследуемых типов.

Ключевые слова: личность, менеджмент, направленность, управление, ценностные ориентации.

Personality Characteristics of the Managers, Operating Business-Systems at the Different Stages of Development

A.S. Krasnokutskaya

In this article examined the problem of distinctions in socially-psychological personality characteristics between two types of managers – ones operating business at stages of development and during stabilization. Basic parameters specific for the personalities of the observed types, are described.

Key words: personality, management, orientation, value orientations.

В последнее время активно исследуется проблема личностных особенностей менеджеров, создаются портреты личности успешных менеджеров (Ю.В. Щербатых, М.А. Киселева, Е.И. Остащенко, Е.В. Милькина, В.А. Кондрахин, И.Ю. Кушнарева, Г.С. Дулина, А. Менегети и др.). Однако работ, посвященных изучению различий менеджеров в зависимости от управления бизнес-системами на разных этапах её развития, не представлено.

В переводе с английского «manager» – управляющий, руководитель. Деятельность менеджера – управленческая. Успешность исполнения обязанностей во многом зависит от личностных особенностей человека. Относительно профессионально важных качеств менеджера высказано достаточно много разнообразных точек зрения.

Важными личностными качествами эффективного менеджера, по мнению И.П. Марченко, выступают: развитый мотив достижения успеха и высокая самооценка; интернальный локус контроля; развитые организаторские способности; обладание многомерным экономико-управленческим мышлением; стрессоустойчивость, высокая работоспособность; готовность к риску¹.

Анализируя деятельность российских и зарубежных предпринимателей, Ю.В. Щербатых выделяет пять наиболее важных, на его взгляд, личностных качеств: самостоятельность, амби-

циозность, настойчивость, трудолюбие и стойкость².

Исследуя становление качеств личности менеджера, Е.В. Милькина показала, что у студентов-менеджеров и руководителей не наблюдается резких качественных изменений личности в процессе профессиональной подготовки³, соответственно и в дальнейшей профессиональной деятельности менеджер управляет системой, основываясь не только на полученных знаниях и навыках, но в большей степени на базовых личностных характеристиках.

Из приведенного анализа литературных источников видно, что проблема изучения личностных свойств менеджеров довольно сложна и многогранна, в рамках одного исследования весьма трудно учесть все её особенности.

В рамках данной статьи мы рассмотрим отдельные параметры, по которым отличаются менеджеры, управляющие бизнесом на разных этапах его развития.

Целью исследования является сравнительный анализ социально-психологических характеристик личности менеджеров двух типов – управляющих бизнесом на стадии его развития и в период стабилизации.

Методы и методики исследования

В представленной части исследования применялись как общенаучные (анализ, обобщение), так и психологические методы (тестирование, наблюдение, опрос). Для реализации цели и задач исследования применены следующие методики: опросник Р. Кеттела 16 PF (форма С)⁴, опросник FPI (форма В)⁵. Статистическая обработка данных, полученных в ходе исследования, проводилась методами: t-критерий Стьюдента и линейный коэффициент корреляции Пирсона.

В исследовании приняло участие 300 человек из числа менеджеров высшего звена коммерческих организаций: 193 (64,3%) мужчин, 107 (35,7%) женщин; возрастной состав от 24 до 47 лет.

Испытуемые были разделены на две группы: менеджеры, создающие системы и занимающиеся стратегическим развитием бизнеса (*strategy*) (114 человек, из них 19 женщин и

95 мужчин), и менеджеры, поддерживающие уже созданные системы и решающие тактические задачи (*тактики*) (186 человек из них 88 женщин и 98 мужчин).

Обратимся к результатам исследования. В ходе работы были выявлены отличительные особенности личности двух типов менеджеров (табл. 1, 2). У менеджеров-стратегов, по сравнению с менеджерами-тактиками, отмечается более адекватная самооценка (MD, 16 PF), они уверены в себе и в целом довольны собой (VIII, FPI), более спокойны и объективны в оценке

себя и окружающих, постоянны в своих планах, отличаются эмоциональной зрелостью (I, FPI). У них в большей степени развито абстрактное мышление, уровень вербальной культуры также несколько выше (B, 16PF). Менеджерам первого типа присущи настойчивость и деловая направленность (G, 16PF), готовность к риску, в сложных ситуациях они способны принять неординарные решения (H, 16PF). Им присущи дипломатичность в общении (N, 16PF), стремление к самоактуализации и лидерству, они более целенаправленны (Q3, 16PF).

Таблица 1

Характеристики личности менеджеров – стратегов и тактиков (16 PF)

Фактор	Среднее значение фактора в группе стратегов	Среднее значение фактора в группе тактиков	Значение t-критерия
Адекватная самооценка – неадекватная самооценка (MD)	6,28	5,95	2,6*
Интеллект (B)	4,65	3,46	3,26*
Низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения (G)	7,76	6,82	3,38*
Робость – смелость (H)	8,15	7,7	3,3*
Прямолинейность – дипломатичность (N)	5,22	4,66	3,2*
Спокойствие – тревожность (O)	6,69	5,55	4,2*
Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль (Q ₃)	6,67	5,57	4,06*
Сдержанность – экспрессивность (F)	5,57	6,35	2,031**

Таблица 2

Характеристики личности менеджеров – стратегов и тактиков (FPI)

Фактор	Среднее значение фактора в группе стратегов	Среднее значение фактора в группе тактиков	Значение t- критерия
Невротичность (I)	2,82	5,24	8,1*
Застенчивость (VIII)	0,6	2,73	12*
Эмоциональная лабильность (XI)	1,79	4,65	9,4*

Менеджеры-тактики также имеют адекватную самооценку, но склонны к самокритичности (MD, 16 PF), решают конкретные задачи, имеют более низкий уровень вербальной культуры (B, 16PF), более импульсивны и подвержены настроению, осторожны (XI, FPI), испытывают трудности при принятии самостоятельных решений (H, 16PF). Менеджеры этого типа имеют более низкий самоконтроль (Q3, 16PF). Они более тревожны и утомляемы (I, FPI), менее уверены в себе, в сложных ситуациях часто находятся в замешательстве (VIII, FPI), испытывают трудности при принятии решений, меняют свои планы (H, 16PF).

Особое внимание следует уделить факторам «застенчивость» (VIII, FPI) и «робость – смелость» (H, 16 PF). По данным параметрам были выявлены очень высокие степени различий ($t=12^*$ и $t=3,3^*$, соответственно). Как было отмечено ранее, менеджеры-стратеги более

решительны, самостоятельны и готовы к риску по сравнению с тактиками, эти отличия принципиальным образом сказываются на решаемых представителями обоих типов задачах. Наличие у менеджера-стратега рассматриваемых качеств является основой для успешной профессиональной деятельности.

Рассмотрим структуру личности представителей изучаемых групп. Основные различия структуры связаны с численностью и теснотой корреляционных связей, а также содержательным наполнением структур личности.

Так, в группе стратегов по методике 16 PF выявлено 50 значимых корреляций. Максимальное число корреляций установлено с факторами и самооценка (MD) и самоконтроль (Q3). В группе менеджеров-тактиков – 41 значимая корреляция, что говорит о более высокой интегрированности структуры личности стратегов. В группе тактиков наибольшее число связей установлено с самооценкой (MD). Из приведенных данных

* – при вероятности ошибки $p \leq 0,01$.

** – при вероятности ошибки $p \leq 0,05$.

видно, что ядерные подструктуры обеих групп имеют сходство и отличительные особенности, в них представлена характеристика самооценки (MD), а у менеджеров-стратегов также включен самоконтроль поведения (Q3).

Обратимся к содержательному анализу специфики структуры личности в группе менеджеров-стратегов.

Совокупность корреляционных связей 1-го порядка, множество связей с факторами самооценки (MD) и самоконтроля (Q3), и 2-го порядка, связей с факторами «робость – смелость» (H), «доверчивость – подозрительность» (L) и «консерватизм – радикализм» (Q1), свидетельствует о специфичной личностной подструктуре, позволяющей менеджеру эффективно управлять развивающейся системой и в результате достигать самореализации. В данном случае важным является именно наличие совокупности рассматриваемых связей, а не только представленность какого-либо отдельного параметра в структуре личности менеджера-стратега.

Самоконтроль поведения (Q3) связан с уровнем развития интеллекта (B, $r=0,513^*$), независимостью (E, $r=0,64^*$) и ощущением спокойствия, уверенностью в себе (O, $r=0,383^*$). Достаточно высокий уровень развития интеллекта в сочетании с развитой волевой сферой создают условия для принятия самостоятельных решений. Конгломерат связей данных характеристик позволяет говорить о зрелости личности менеджера. Эмоциональная стабильность (C) и смелость (H, $r=0,461^*$), выдержанность и устойчивость в интересах создают платформу готовности к риску, способности принимать неординарные решения. Такая зависимость подкрепляет уверенность в принимаемом решении.

Готовность к сотрудничеству, открытость (A) в сочетании с высокой самостоятельностью и настойчивостью (E, $r=0,36^*$) позволяют эффективно управлять командой, учитывая личностные особенности и мнение членов группы, при этом удерживая собственную позицию и нацеленность на достижение поставленной цели, что также подкрепляется наличием значимой корреляционной связи общительности (A) с внимательностью по отношению к окружающим (I, $r=0,620^*$).

Взаимосвязь между самоконтролем поведения (Q3) и эмоциональной стабильностью (C, $r=0,310^*$) свидетельствует о том, что наличие деловой направленности, настойчивости в достижении целей, а также чувства долга и ответственности является необходимым условием профессиональной деятельности менеджера. При этом эмоциональная устойчивость, реалистичность, устойчивость в интересах, подкрепляя вышеприведенные характеристики, предоставляет возможность постановки стратегических целей, долгосрочного планирования и при этом решения тактических задач.

Рассмотрим специфику структуры личности менеджеров-тактиков.

К корреляционным связям 1-го порядка относятся взаимосвязи с фактором самооценки (MD), 2-го порядка – связи с «нормативностью поведения» (G), «тревожностью» (O) и «консерватизмом» (Q1).

Наличие значимой связи между эмоциональной стабильностью (C) и либерализмом (Q_1 , $r=0,483^*$) обуславливает способность менеджера принимать взвешенные решения, учитывающие специфику нынешней ситуации на рынке и не выходить за рамки общей стратегии развития. Менеджер с такими характеристиками осторожен, вдумчив, не спешит с выводами, придерживается выбранного пути развития.

Наличие корреляционной связи между самооценкой (MD) и прямолинейностью (N) ($0,704^*$) говорит о том, что определенная неуверенность в себе, прямолинейность, недостаточное умение анализировать мотивы партнера может обуславливать определенную недальновидность менеджера, трудности в построении внутренних коммуникаций в организации. Значимая корреляционная связь установлена между нормативностью поведения (G) и прямолинейностью (N, $r=0,405^*$). Данная зависимость очевидна: будучи подверженным влиянию чувств и обстоятельств, управленец зачастую не обдумывает последствия сказанного.

Взаимосвязи тревожности (O) с самооценкой (MD, $r=0,202^{**}$) и сдержанностью (F, $r=0,291^*$) говорят о том, что осторожность, свойственная менеджеру-тактику, не дает ему возможности принимать решения в короткий промежуток времени, некоторая обеспокоенность будущим влияет на его самооценку, которая, в свою очередь, усиливает сдержанность.

Интересной является триада корреляционных связей характеристик «подчиненность–доминантность» (C), «сдержанность–экспрессивность» (F, $r=0,802^*$), «подчиненность–доминантность» (C) – «жесткость–чувствительность» (I, $r=0,758^*$), «сдержанность–экспрессивность» (F) – «жесткость–чувствительность» (I, $r=0,778^*$). Они характеризуют личность менеджера как осторожного, тактичного, взвешенно принимающего решения, практичного и иногда несколько жесткого по отношению к окружающим, что позволяет менеджеру трезво оценить ситуацию, тщательно проанализировав возможные варианты развития, в итоге выбрать оптимальный способ решения задачи. Дополняет представленный портрет сочетание жесткости и подозрительности (I и L, $r=0,346^*$). Проявляя требовательность к окружающим, подкрепляемой определенной долей подозрительности, менеджер способен критично воспринимать информацию, что особо значимо в ситуации стабилизации системы.

Выявленные с помощью методики 16 PF результаты подкрепляются данными, полученными

в ходе изучения свойств личности с помощью методики FPI.

В группе менеджеров-стратегов фактор невротичности (I) коррелирует с факторами «спонтанная агрессия» (II, $r=0,615^*$) и «эмоциональная лабильность» (X, $r=0,3^*$). Соответственно, мы можем сказать, что эмоциональная зрелость, спокойствие и адекватная самооценка являются основой для самоконтроля и при этом определенной склонности к риску. Также установлены корреляционные связи между уравновешенностью (VI) и маскулинностью (XII, $r=0,6^*$), т.е. удовлетворенность собой и своими успехами подкрепляет самоуважение. Отсутствие внутренней напряженности, а как следствие – излишней осторожности – проявляется в склонности к риску и быстрым действиям.

В группе менеджеров-тактиков спонтанная агрессивность (II) коррелирует с общительностью (V, $r=0,206^{**}$), с которой также связана реактивная агрессивность (VII, $r=0,337^*$). Исходя из этого, мы можем предположить, что недостаточно высокий уровень самоконтроля поведения и некоторая импульсивность при стремлении к богатому общению могут вылиться в прямолинейность, которая была рассмотрена ранее.

В обеих группах установлены значимые корреляционные связи самоконтроля (Q3) с нормативностью поведения (G), что, на наш взгляд, объясняется взаимозависимостью данных характеристик как таковых. Поэтому говорить о специфичности данных корреляционных связей для рассматриваемых типов менеджеров, на наш взгляд, не корректно.

Исходя из приведенного анализа структур личности представителей двух типов менеджеров (стратегов и тактиков), мы можем говорить о том, что у них существуют достоверные различия. Для успешного управления бизнес-системой на разных этапах её развития необходимы менеджеры со специфичными для данного периода личностными характеристиками.

Выводы

1. Отдельные личностные свойства менеджеров различных типов (стратегов и тактиков), различаются по ряду параметров личности. Базис-

ными характеристиками личности, определяющими склонность к решению стратегических задач, являются высокий самоконтроль, адекватная положительная самооценка, уверенность в себе, склонность к риску и дипломатичность. Менеджеру, решающему тактические задачи, свойственны сниженный уровень самоконтроля, в целом адекватная самооценка со склонностью к самокритике, тревожность, осторожность, менее развитое, по сравнению со стратегами, абстрактное мышление и определенная степень консерватизма.

2. Анализ структур личности менеджеров двух типов позволил выявить ряд существенных различий. Основу ядерной композиции личности менеджеров обоих типов составляет самооценка, но у менеджеров-стратегов она дополняется фактором самоконтроля поведения, отличается более высокой степенью интеграции показателей. В структуре стратегов более выражены характеристики риска и самоконтроля в сочетании с настойчивостью и высокой самостоятельностью, а в группе тактиков – осторожность, связанная с вдумчивостью и определенной долей самокритичности.

3. Выявленные внутригрупповые корреляционные связи 1-го и 2-го порядка также имеют существенные отличия. В группе менеджеров-стратегов особое место занимают взаимосвязи параметров самооценки, самоконтроля, смелости и либерализма, а группе менеджеров-тактиков – самооценки, нормативности поведения, тревожности и консерватизма.

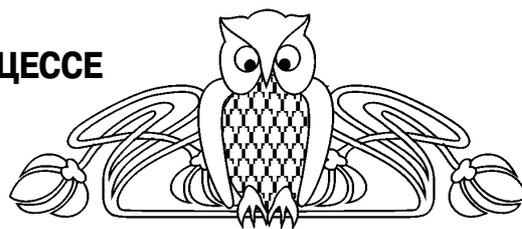
Примечания

- ¹ Марченко И.П. Какой руководитель нам нужен. М., 1993. С. 36.
- ² Щербатых Ю.В. Психология предпринимательства и бизнеса. СПб., 2008. С. 127.
- ³ Милькина Е.В. Становление качеств личности менеджера в процессе профессиональной подготовки: Дисс. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2006. С. 16.
- ⁴ Батаршев А.В. Темперамент и характер: Психологическая диагностика. М., 2001. С. 140–163.
- ⁵ Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под общ. Ред. А.А. Крылова, С.А. Манишевой. СПб., 2003. С. 314–324.

УДК [316.6:159.923] (082)

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ВУЗА СВИ ВВ МВД РОССИИ

П.Д. Никитенко

Саратовский военный институт внутренних войск МВД России
E-mail: 332318@mail.ru

В статье анализируются результаты эмпирического исследования динамики представлений о мире, их структуры в процессе профессиональной социализации личности курсантов. Соотносятся представления и характеристики самоактуализации, выявляются характерные особенности этих явлений.

Ключевые слова: личность, самоактуализация, представления о мире, направленность.

Correlation of the Beliefs about World and Self-Actualization of Personalities in Process of the Professional Socialization Midshipman Military High School

P.D. Nikitenko

In article offered results of the empirical studies beliefs about world of midshipman military high school, their structures in process of the professional socialization. Match up the presentations and features self-actualization, are revealed typical particularities of these phenomenas.

Key words: personality, self-actualization, representations of world, orientation.

Представления современной молодежи о мире вызывают интерес с многих точек зрения. Прежде всего, этот интерес связан с необходимостью оценки изменения массового сознания и связанных с ним коллективных представлений, регулирующих социальное поведение индивида. Социальные представления выступают и индикатором процессов, происходящих в обществе, а следовательно, могут стать основанием для принятия решений на уровне социальной политики. Наконец, представления о мире неразрывно связаны с определением своего места в нем – с процессами самоопределения молодежи.

Исследования представлений о мире граничат с работами по изучению целостных картин мира, в которых слиты воедино знания, отношения, чувства, связанные с окружающей реальностью, экстраполяцией на разные уровни отражения – от ситуаций, в которые включен субъект, до обстановки в мире вообще и даже в планетарном масштабе. Вместе с тем в науке за последние 50–60 лет сложилось немало подходов к изучению данного явления, разные отрасли науки имеют свой, специфичный. В частности, широко известны философские труды

относительно представлений человека о мире, претендующие на всеобщность и часто относящиеся к категории отражения вообще. Социологический подход отличается обращенностью к отражению изменяющихся представлений на уровне больших групп, фиксацией характеристик массового сознания. Общепсихологический подход ориентирован на открытие психологических механизмов формирования представлений – целостной картины мира. Социально-психологический подход предполагает изучение коллективных представлений, включая разного рода суждения, установки, отношения к миру вообще и тем явлениям в нем, которые служат ориентирами в последовательной реализации социального поведения. В рамках социально-психологического подхода важно выявить ядерные характеристики представлений, имеющих определяющее значение для выстраивания их структур, характер «конструирования» мира, той реальности, в которой существует субъект. Из сказанного следует актуальность и высокая значимость исследования соотношения представлений о мире и самоактуализации личности, которое пополняет научно-теоретический багаж социальной психологии личности и психологии социального познания.

На протяжении длительного времени (не только с момента появления первых публикаций в 60-х гг., но и задолго до этого) исследователями, особенно за рубежом, ставились задачи определения содержания и факторов социальных представлений (Ж. Абрик, В. Вагнер, И. Маркова, С. Московичи, К. Фрейзер и др.). В последние десятилетия интерес к данной проблеме возрос и в России (Г.М. Андреева, Т.П. Емельянова, В.Л. Калькова, Н.М. Вагабова, М.М. Далгатова, Р.М. Шамионов и др.).

Одной из проблем, касающихся изучения социальных представлений, является «разведение» «теорий здравого смысла» и «научных представлений». На наш взгляд, необходим глубокий анализ прежде всего субъективных представлений, из которых во многом строится представление групп, что никак не сводится к ним. Обобщение теорий здравого смысла дает возможность получить научное знание.

Цель данного исследования заключалась в изучении динамики представлений о мире и их взаимосвязей с самоактуализацией курсантов военного вуза в условиях профессиональной социализации.

Основными методами исследования послужили контент-анализ сочинений (с заданной темой «Как я представляю мир»), данные интервью и беседы, опроса с использованием методики «САТ», предложенной в модификации Л.Е. Гозмана, Ю.Е. Алешиной, М.В. Загикой, М.В. Кроза¹. Для обработки данных были использованы методы описательной статистики и корреляционный анализ (по Пирсону).

Анализ содержания сочинений на заданную тему позволил вывести наиболее распространенные категории, составляющие основу представлений курсантов разного периода профессиональной социализации в военном институте. Общая идея, объединяющая представления о мире курсантов, состоит в понимании разносторонности его характеристик, отношений к нему и месте человека в нем, а также конкретной личности в связи с системной ситуативных отношений, переживаний личности, связанных с пребыванием в специфических условиях военного вуза. Так, большинство курсантов первого курса (77,3%) в целом положительно характеризуют окружающий их мир. Они выделяют такие характеристики, как «огромное пространство», «прекрасный», «замечательный», «дающий много возможностей», «вся вселенная», «человечество», «загадочный», «машины», «без войны», «терроризм», «умирающая природа», «борьба за выживание», «война», «убогость», «несправедливость», «колючая проволока» и т.п. Соотношение положительных и отрицательных характеристик составляет 6 к 5 при наличии 26,6% нейтральных. Вывод: для первокурсников мир в целом достаточно открыт и не таит угроз, они воспринимают его объективно таким, какой он есть в их представлении с присущим для юношеского возраста романтизмом.

Обратимся к представлениям курсантов третьего курса. Здесь основная часть испытуемых обращает внимание на следующие характеристики мира: «дыра», «война», «убогий», «несправедливый», «жизнь», «алчность», «виртуальная реальность», «машины», а также «радость близких», «замечательный», «дающий много возможностей», «богатство». Уяснение и поиск неких явных или скрытых ориентиров жизненного пути заставляют третьекурсников переосмысливать привычные способы мировосприятия и миропонимания. Соотношение положительных и отрицательных характеристик составляет 4 к 9 при 13,3% нейтральных. Необходимо отметить, что позитивные характеристики представлений перемещаются на второй план, что может быть связано с рядом объективных изменений в жизни курсантов, включая и процессы самопознания.

Представления пятикурсников имеют достаточно яркий амбивалентный оттенок («несправедливый», «алчность», «критическое положение», «война», «гибель человечества», «нестабильный», «просто миф», «сказка», «колхоз», «жизнь», «богатство», «окружающая природа», «прекрасный в своей жестокости», «вся вселенная», «машины»,

«замечательный»). Соотношение положительных и отрицательных характеристик несколько иное, чем у третьекурсников и составляет 6 к 7 при 13,3% нейтральных. Из этих данных видно, что курсанты пятого курса в ходе осмысления жизненных ориентиров начинают, по всей видимости, формировать своё собственное миропонимание, которое основывается на представлениях, сформированных в ходе профессиональной социализации. Одной из существенных характеристик представлений курсантов является их выраженная милитаристская направленность. Идентификация курсанта с военно-профессиональной сферой постепенно выводит на передний план характеристики, отражающие критичность, скепсис в отношении процессов, происходящих в мире; необходимость быть в близкой готовности к военным действиям становится фактором определенного выстраивания представлений.

Корреляционный анализ полученных данных позволил определить структурную композицию представлений и выделить их ядра. Так, у первокурсников ядром структуры представлений о мире является характеристика «огромное пространство». Она связана с такими элементами, как «прекрасный» ($r=0,712$), «замечательный» ($r=0,250$), «дающий много возможностей» ($r=0,551$), «вся вселенная» ($r=0,234$), «человечество» ($r=0,360$), «загадочный» ($r=0,349$), «машины» ($r=-0,747$), «с умирающей природой» ($r=-0,336$), «борьба за выживание» ($r=-0,396$), «война» ($r=-0,298$), «колючая проволока» ($r=-0,378$). Такая структура отражает сформированность у первокурсников в целом оптимистичных представлений о мире. Но уже к третьему курсу обнаруживается трансформация ядра. Ядерную позицию занимает здесь такая характеристика, как «дыра». Она связана с элементами «война» ($r=0,885$), «убогий» ($r=0,793$), «несправедливый» ($r=0,642$), «алчность» ($r=0,431$), «виртуальная реальность» ($r=0,543$), «радость близких» ($r=-0,588$).

Полученные данные указывают на то, что в процессе профессиональной социализации структура представлений у третьекурсников претерпевает различные изменения. Они отражают ситуативно-негативное мировосприятия, что, по всей видимости, говорит о некой разочарованности курсантов в окружающей действительности, связанной с трудностями учебно-боевой подготовки. На пятом курсе пессимистическое ядро структурной композиции представлений о мире микширует в нейтральное – «вся вселенная». Элементами полученной структурной композиции стали такие характеристики, как «война» ($r=0,305$), «богатство» ($r=-0,337$), «жизнь» ($r=-0,270$), «окружающая природа» ($r=-0,312$), «сказка» ($r=0,297$), «просто миф» ($r=0,297$). Но несмотря на то, что в ядро полученной структурной композиции заложена нейтральная характеристика представлений, элементы ее содержат часто негативный оттенок, что свидетельствует о, казалось бы, некотором

противоречии. Однако это не так. Представления курсантов-выпускников обладают более сложным характером взаимосвязей, что свидетельствует о более зрелом мировосприятии и формировании скептической позиции к нему. Это вполне соответствует целям подготовки офицера, который необходимо обладает критическим взглядом на окружающий мир и способен, в случае необходимости, включиться в боевые действия и даже на самопожертвование.

Из анализа представлений курсантов о мире можно сделать следующий вывод: они в процессе профессиональной социализации трансформируются. Происходит их усложнение и проявляется специфичная военная ориентированность; оптимистичные в большинстве в начале обучения, они постепенно становятся амбивалентными.

Результаты исследования представлений о будущем мира свидетельствуют о том, что между компонентами отношения к миру на разных этапах профессиональной социализации курсантов существуют как сходство, так и различия. Так, среди первокурсников в большей степени, чем курсантов более старших курсов, преобладает позитивное отношение к миру. Соотношение оценок изменений в мире на первом и третьем курсах одинаковое (число оценивающих положительно вдвое больше числа тех, кто считает, что происходят изменения к худшему), и лишь на пятом курсе оно представлено в пользу негативных оценок изменений; однако и число тех курсантов, которые отметили стабильность мира, тоже увеличивается (31%), что свидетельствует о более высоком разнообразии мнений и оценок. Исходя из данных об отношении к миру, можно сделать вывод: на третьем курсе происходит общее ухудшение отношения, что связано с кризисными процессами. Таким образом, если на первом курсе мы наблюдаем доминирование позитивного отношения, которое основывается на романтическом восприятии мира, то на третьем и пятом курсе превалирует *амбивалентное отношение* к окружающему миру, основой которого являются критицизм и скепсис.

Обратимся к результатам исследования динамики самоактуализации курсантов. Показатели самоактуализации достаточно сильно различаются на разных этапах обучения в военном вузе. В частности, обнаруживается их снижение на третьем курсе. Как говорилось выше, этот этап является особым в становлении личности курсанта, и наличие кризисных процессов подтверждается данными о самоактуализации. Полученные данные свидетельствуют о более высокой способности первокурсников и пятикурсников жить настоящим, то есть переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное следствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни». Им присуще и переживание неразрывности прошлого, настоящего и будущего, то есть способность видеть свою жизнь

целостной. Именно такое мироощущение, психологическое восприятие времени субъектом свидетельствует о высоком уровне самоактуализации личности. Низкий уровень самоактуализированности у третькурсников свидетельствует в пользу того, что они, возможно, погружены невротически в прошлое, которое предположительно связано с некоторыми переживаниями о неоправданных надеждах в своей будущей и настоящей профессиональной деятельности.

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между самоактуализацией и характеристиками представлений курсантов разного периода службы. Они различаются общим количеством и теснотой. Так, на первом курсе обнаружено 56 взаимосвязей, выявлена двуядерная структурная композиция, состоящая их множества характеристик, связанных со шкалами самоактуализации – *компетентности во времени* (Тс) (общее количество связей – 11) и *поддержки* (I) (общее количество – 9), причем они также связаны между собой ($r=0,541$). На третьем курсе общее количество составило 39 взаимосвязей и получена двуядерная структурная композиция, состоящая из характеристики «*ценностные ориентации*» (I) (общее количество связей – 10) и категорией представления о мире «*несправедливый*» (общее количество связей – 7). Полученные ядра связаны между собой ($r=-0,683$), что говорит о том, что, несмотря на их разнородность, они взаимоопределяют друг друга. На пятом курсе обнаружено в целом 11 связей и получены две разнородные взаимосвязанные структурные композиции. Ядром первой стала характеристика *представлений о мире «миф»* и второй – характеристика самоактуализации «*познавательные потребности*». Отличие выпускников от курсантов младших курсов заключается в том, что у первых не связаны представления о мире с основными характеристиками самоактуализации (ориентация во времени и поддержка). Исходя из этих данных, можно сделать вывод о неустойчивой структуре взаимосвязей представлений и самоактуализации на первом курсе. Примечательной особенностью взаимосвязей на третьем курсе является то, что выделяются два взаимосвязанных узла, которые становятся проводниками, факторами друг друга, что вполне оправдано, поскольку представления о мире начинают в большей степени регулировать отношения личности. Наконец, у выпускников представление о мире, отражающее сознание сконструированности ценностей, установок, культуры, становится фактором роста познавательных потребностей, что определяет открытость новому (профессионально-практическому) опыту будущих офицеров. Взаимосвязи, полученные в двуядерной структурной композиции, раскрывают способность курсантов к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связанности противоположностей.

Итак, в ходе профессиональной социализации курсантов происходит переосмысление мира, себя

в нем и своего будущего, выражающееся в трансформации эмоционально-оценочного отношения к нему, в смене позитивно-оптимистической на пессимистическую, а затем на амбивалентную оценку. Трансформация представлений связана с изменениями внешних (смена агентов социализации, профессиональная социализация, меняющаяся социальная ситуация) и внутренних (изменяющиеся характеристики личности) детерминант.

Трансформация структуры представлений о мире представлена изменением количества взаимосвязанных компонентов и сменой ядерных композиций: на первом курсе венцом структуры выступает представление «огромное пространство», на третьем курсе – «дыра», а на пятом – «вся вселенная». Изменения представлений о мире связаны с профессиональной социализацией курсантов, в процессе которой происходит становление личности военного с достаточно ярко выраженными характеристиками критического отношения к миру, сензитивностью и способностью к фиксации происходящих в мире негативных событий и явлений, способных задействовать его как профессионала (терроризм, война, беспорядок, нестабильность, гибель человечества и др.).

Самоактуализация личности претерпевает изменения в зависимости от этапа профессиональной социализации личности курсанта. В первые три года учебы в военном вузе происходит резкое снижение большинства показателей, исключая сензитивность, представления о природе человека и познавательные потребности. В последующее время обнаруживается резкий подъем по ряду показателей (поддержка, гибкость поведения, самоуважение, самопринятие, познавательные по-

требности и ряд других). К завершению обучения самоактуализация принимает очертания целостности, интегрированности, что свидетельствует о высоком уровне личностной зрелости будущих офицеров.

Изучение соотношения представлений о мире и самоактуализации личности курсантов позволило выявить их связи на разных уровнях социализации по ряду характеристик. Оптимистические представления о мире на первом курсе подкрепляются высокими показателями самоактуализации, тогда как у третьекурсников пессимистические представления о мире подкреплены снижением самоактуализации по ряду шкал («компетентности во времени», «ценностных ориентаций», «поддержки» и др.). На пятом курсе показатели самоактуализации повышаются, а представления о мире приобретают амбивалентную и более зрелую направленность. Полученные данные взаимосвязей свидетельствуют о том, что с возрастом взаимовлияние характеристик представлений о мире и самоактуализации уменьшается и дифференцируется.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Влияние культурно-исторических представлений на особенности самоопределения молодежи в центральных и провинциальных регионах России» (проект № 08-06-00273а).

Примечания

- ¹ Алешина Ю.Е., Гозман Л.Е., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М., 1987.

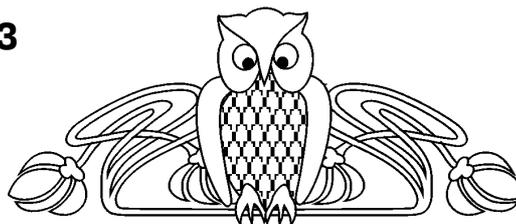
УДК 159.923:316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ МЕДИАИНФОРМАЦИИ

Г.Н. Малюченко

Балашовский институт Саратовского государственного университета,
кафедра практической психологии
E-mail: mgn1802@yandex.ru

В статье раскрывается современное состояние культуры производства и потребления медиаинформации на уровне индивидуального и группового сознания. Излагаются предварительные данные, полученные на основе применения экспериментальной версии опросника ИКПИ «Индивидуальная культура потребления информации». Раскрываются закономерности восприятия и когнитивной переработки информационных сообщений, производимых в условиях экспансивного развития медиапространства. Сформулирован ряд положений, определяющих общую стратегию внедрения в повседневную практику новых эталонов производства и способов потребления медиаинформации в ближайшем будущем.

Ключевые слова: медиаинформация, восприятие, культура, понимание.

A Social and Psychological Analysis of the Development of the Culture of Production and Consumption of Media Information

G.N. Malyuchenko

The article shows the modern state of the culture of consumption of media information at the level of individual and group consciousness.

The authors state their preliminary conclusions that were made on the basis of the use of the experimental version of the inquirer ICCI (Individual Culture of Consumption of Information). The regularities of perception and cognitive processing of informational messages are disclosed; a number of positions determining the general strategy of introduction of new standards of production and ways of consumption of media information into common use in the nearest future are formulated.

Key words: media information, perception, culture, understanding.

Отечественные психологи пока редко пользуются таким словосочетанием, как «потребление информации», хотя на сегодня трудно отрицать тот факт, что процесс производства и потребления информации стал в максимальной степени приближен к производству и потреблению товаров и услуг. Отдельные исследователи когнитивных процессов уже выделяют потребление медиаинформации как особую предметную область в контексте общей проблематики познавательной деятельности человека¹. При первом рассмотрении позиция большинства вполне оправдана, поскольку взаимодействие индивида и медиасреды можно рассматривать как частный случай когнитивных процессов. Вместе с тем необходимо признать, что исследования, направленные на установление стратегий социального познания или уточнение типологии когнитивных стилей, не будут давать исчерпывающую картину и отвечать на вызовы сегодняшнего дня, если в них будет слабо отражено поведение индивида в условиях экспансивного функционирования масс-медиа. И хотя на сегодня вопрос о способности человеческого сознания адекватно функционировать вне пространства постоянно обновляющейся информации воспринимается скорее как риторический, науке ещё только предстоит детально исследовать те условия, при которых поток медиасообщений становится фактором продуктивной работы нашего сознания. Более того, среди специалистов в области социальной когнитивистики начинает преобладать мнение, что процесс потребления информации не гарантирует автоматическое накопление знаний, так как по своей сути медиасообщения есть лишь некое первичное сырьё для построения систематических знаний. При определённых условиях он может выступать как источник психологических проблем, возникающих как на индивидуальном, так и на групповом уровне². Таким образом, в качестве «ключевых положений», позволяющих выстроить и понять логику излагаемого в данной статье, выступают два следующих:

– в условиях экспансивной активности масс-медиа повседневная жизнь многих людей протекает в режиме избыточного потребления информации, что приводит к снижению качества аналитико-синтетической работы с потоками непрерывно поступающих и весьма разнящихся по содержанию медиасообщений;

– в целях обеспечения безопасной и эффективной переработки медиасообщений в формат

систематизированных, критически выверенных и осмысленных знаний необходимо выработать и внедрить в практику ряд новых стандартов производства и способов/норм потребления информации.

В качестве вводного комментария к первому тезису позволим себе привести выдержку из фантастико-футурологического романа «Кольцо Харона» Роджера Макбрайда Алена: «...теория Краха Знания утверждала, будто земляне доразвивались до того, что нынешняя система образования, совершенствование (но и удорожание) технологий, рост объема и качества информации приносят вместо пользы и улучшения жизни только вред. По этой теории при удачном развитии событий мировая информационная система была бы упорядочена, и это свидетельствовало бы о продолжении эволюции. Неопределенность же и неразбериха указывают на допущенную в какой-то момент ошибку»³. При всём том, что эта «теория», по крайней мере на данный момент, не более чем авторский вымысел, в ней можно обнаружить предупреждение, которое относится к реалиям сегодняшнего дня: значительная часть активных потребителей масс-медиа воспринимает гиперинтенсивное разрастание информации как процесс вполне закономерный, естественный, а значит, в целом вполне безопасный. В хаотичном накоплении информации они не усматривают угрозу патологических изменений в системе человеческих отношений или риск возникновения необратимых ошибок. Иными словами, современных медиапотребителей объединяет вера в возможность человеческого разума эффективно контролировать развитие СМИ, а нарастание процесса массовой интроспекции так называемых «медиафактов» и, как следствие, медиаконструирования коллективных представлений они воспринимают как неизбежный эпифеномен цивилизационного развития.

На наш взгляд, стоит задаться вопросом: имеем ли мы какие-либо существенные основания для столь оптимистичных взглядов? Поскольку для ответа на данный вопрос необходима разработка специального исследовательского инструментария, в начале 2008 г. нами была создана и апробирована экспериментальная версия опросника ИКПИ («Индивидуальная культура потребления информации»), направленного на выявление психологических проблем, возникающих вследствие нарушенной когнитивной активности и, в частности, избыточного медиапотребления. Предварительный анализ данных, полученных нами в ходе опроса 172 активных медиапотребителей в возрасте 18–23 лет, позволяет предположить, что **рост ежедневных объёмов потребляемой информации обратно пропорционален уровню её контекстуального осмысления и критического оценивания**. Например, на вопрос «Часто ли вы включаете телевизор, для того чтобы каким-то образом отвлечься и расслабиться после интенсивной умственной (!) работы» большинство респондентов (54%) ответило утвердительно. Во-

прос «Насколько вам удаётся запоминать все те сообщения, которые в общем потоке информации вы выделяете как полезные?» заставил треть респондентов ответить «не более чем на 50%», в то время как ещё 39% из них ответить затруднились. Интересно, что на вопрос «Как часто какая-либо ненужная информация «забивается» вам в голову и мешает думать?» 25,9% респондентов ответили «достаточно часто», 34,3% респондентов выбрали ответ «не редко». Но при этом на вопрос «Считаете ли вы, что рекламные блоки или музыкальные передачи мешают вам обдумывать что-либо действительно важное?» почти треть респондентов (32,2%) ответили отрицательно и более половины из них (52,4%) выбрали ответ «в редких случаях». Ответы значительной части респондентов указывают на достаточную противоречивость их позиции в отношении медиапотребления, что не случайно. Вероятно, одной из наиболее типичных реакций на избыточный приток информации является «включение» режима «экономичного функционирования» психики, в котором указанные противоречия становятся незаметны. Иными словами, активное поглощение «информ-массы» неизбежно приводит к снижению и общего уровня самокритичности медиапотребителей, и качества оценивания поступающих медиасообщений. По сути, так же как при «классическом варианте» эмоционального выгорания, происходит незаметное срабатывание защитных механизмов психики, что находит выражение:

- в склонности к автоматической интроекции непосредственного содержания большей части медиасообщений;
- в неспособности отделять при желании или необходимости смысл сообщений от их формального содержания;
- в неспособности учитывать влияние политического, социально-экономического и собственно медийного контекстов при оценке содержания и причин возникновения медиасообщений.

Итак, поскольку медиапространство становится всё более экспансивным и всё большее число граждан проявляет себя в качестве его активных субъектов, возникает закономерный вопрос: какими средствами можно остановить или компенсировать угрозу постепенного, почти незаметного, но при этом всеобщего понижения уровня критического оценивания потребляемой информации? И если этот процесс необратим, то каковы его последствия? Следует отметить, что еще четверть века назад не было столь подходящих социально-психологических условий и технических ресурсов для полномасштабного воплощения интроецированных информационных искажений в формат глобальной планетарной катастрофы. При этом до сей поры социально-психологические эпифеномены и последствия глобальной информатизации остаются малоизученными. Однако даже те немногие явления, что исследованы на сегодняшний день, заставляют нас

пересмотреть не только процессы производства и накопления информации, но и способы/нормы её потребления/переработки. Готово ли современное общество адекватно «переваривать» столь динамичный, беспрецедентный в истории цивилизации, рост медиасообщений с самым широким спектром характеристик? Ежедневно каждый среднестатистический российский медиапотребитель вбирает в себя гипертекстовый коктейль из сообщений фактологической, технической, документальной, рекламно-развлекательной и прочей направленности⁴. При этом большая часть производителей информации даже не задумывается о возможных проблемах, сопутствующих её избыточному потреблению, таких, как растущие проявления информационного психоза, снижение запоминания и критичности восприятия. Возникает вопрос: осознаёт ли само общество необходимость оперативной выработки принципиально иной культуры потребления информации? Вот лишь два примера из настоящего в качестве информации к размышлению о будущем:

1. В результате ряда «ошибок», допущенных при сборе разведанных о ядерных программах и террористических угрозах со стороны Ирака у правительства США появился формальный повод к военной оккупации, что привело не только к угрозе полного распада некогда стабильного государства, но и к угрозе непредсказуемого развития событий на всём Ближнем Востоке. Официальное признание указанных ошибок, которое состоялось с опозданием более чем в три года, не вызвало столь же бурного общественного резонанса в Северной Америке и Западной Европе, какой был вызван «медиафактами», построенными на ошибочных разведанных.

2. Противоречивость и неоднозначность научных данных относительно причин глобальных климатических изменений до сих пор является одним из «веских оснований», формально оправдывающих затягивание межправительственных соглашений по условиям и нормам эксплуатации природных ресурсов планеты. Вместе с тем, как показал масштабный опрос, проведенный исследовательской группой Пола Келстедта из Техасского университета, озабоченность населения проблемами экологии становится тем меньше, чем активнее разворачивается общественная кампания в СМИ. Оказалось, что по мере того, как новостные агентства всё громче говорят об изменении экосистем, таянии льдов, переселении животных, а режиссёры всё чаще снимают фильмы о неудобной правде глобального изменения климата, население всё увереннее перекладывает груз ответственности за все эти процессы на специалистов и учёных соответствующего профиля⁵.

Приведённые примеры, на наш взгляд, можно рассматривать как свидетельство нарастания феномена «выученного безразличия» большинства потребителей масс-медиа по отношению к истинному положению дел, скрытому за потоком

ми противоречивой и искаженной информации. Вероятно, гражданские лидеры, представители масс-медиа и простые граждане развитых и развивающихся стран ещё долго будут дискутировать о правовой допустимости и целесообразности выработки неких однозначно понимаемых эталонов безопасного и эффективного производства и потребления медиаинформации. Между тем современное общество в состоянии разграничить требования корректной подачи информации и угрозу ограничения свободы слова. И поскольку концепция информационного общества строится на признании информации в качестве ключевой ценности, мы вправе проводить аналогию между медиасообщениями как условными «информационными единицами» и денежными знаками⁶. А это значит, что искажённые, бесполезные или вредоносные сообщения, как фальшивые или устаревшие деньги, затрудняющие оборот подлинных купюр, должны своевременно изыматься из общего информационного обмена. Особо отметим, что *сегодня процедура решения любой проблемы экономического, политического или социо-гуманитарного характера во многом сводится к выделению из всего объёма доступной информации тех смысловых единиц, которые в конечном итоге могут быть трансформированы в текст внятных инструкций/рекомендаций*. И, похоже, хотим мы того или нет, настает время, когда общество будет подходить к формированию медиапространства предельно прагматично. Ведь, по сути, накопленные информационные ресурсы должны представлять собой удобную «справочную базу» для оперативной выработки решений по корректному применению всех других материальных и нематериальных ресурсов, доступных человечеству. Однако в настоящее время продолжается процесс интенсивного «захламления» медиапространства (прежде всего телеэфира и Интернет-сети) примитивно дублирующей, устаревшей и, более того, открыто деструктивной информацией, провоцирующей межгрупповые конфликты, способствующей распространению социальных пороков, затрудняющей образовательный и воспитательный процессы в школах и вузах и препятствующей поиску того, что представляет действительную ценность для науки и общественного развития. Вполне вероятно, что применение каких-либо радикальных, сугубо запретительных мер к активным субъектам масс-медиа вызовет негативный общественный резонанс и результат, обратный ожидаемому. Тем не менее найти корректное решение данной проблемы, на наш взгляд, можно, если привлечь для этого потенциал современной социальной психологии, социологии и ряда смежных наук. Опираясь на богатейший опыт, накопленный социальными науками, мы предприняли попытку сформулировать ряд положений, определяющих общую стратегию внедрения в повседневную практику новых эталонов произ-

водства и способов потребления информации в ближайшем будущем.

1. *Прогнозируемое в ближайшее десятилетие введение административно-правовых барьеров для производителей социально-деструктивной информации должно сочетаться с гибким экономическим стимулированием СМИ и в целом всех субъектов медиасреды, к производству сообщений максимально соответствующих таким критериям, как «социальная полезность», «новизна», «ёмкость/лаконичность» и т.п.* Эти меры создадут условия для конкурентной борьбы между СМИ за общественное признание в качестве носителей новых информационных эталонов. Производители информации будут ориентироваться, прежде всего, на реальные возможности потребителей, оперативно и полноценно оценивать смысловую нагрузку сообщений. При этом у потребителей медиасообщений появятся собственные мотивы к выработке более осознанного и критичного отношения к источникам информации в условиях интенсивно нарастающего её объёма. Всё это будет способствовать повышению общего уровня корпоративной (внутригрупповой) и индивидуальной культуры производства и потребления информации, введению более чётких эталонов медиапродукции.

2. *Если региональные власти, общественные организации и советы, являющиеся институтами гражданского общества, получат действенные инструменты для стимулирования так называемых «местных СМИ» и компаний, ретранслирующих информацию к введению собственных/внутренних эталонов медиасообщений, это приведёт к повышению персональной ответственности за качество производимых медиасообщений.* Одним из первых шагов на этом пути может стать внедрение технологии присвоения индекса корректности/достоверности производимым или ретранслируемым сообщениям. Присвоение подобного рода индекса может применяться при оценке уровня профессионализма авторов тех медиасообщений, которые могут быть оценены как имеющие потенциально высокий социальный резонанс. При этом вычисление данных индексов может производиться как с помощью автоматизированных компьютерных программ, так и на основе экспертных мнений. Следует заметить, что подобного рода индексация сообщений, при её правильной организации, никак не ограничивает свободу слова, поскольку, как всякая сверхсложная система, «информационное пространство» нуждается в коррекции развития, такого рода коррекция возможна, прежде всего, на местном уровне при условии постоянного и непосредственного участия представителей гражданского общества, заинтересованных в повышении групповой и личной культуры производства, распространения и потребления информации.

3. *Информационное пространство неизбежно станет функционировать более экологич-*

но, если большая часть граждан ещё в школьные и студенческие годы будет получать знания и умения, повышающие культуру потребления информации, что возможно только при введении соответствующих изменений в образовательные стандарты и специальных курсов в учебные планы. Отметим, что уже сейчас в образовательных учреждениях уделяется немало внимания внедрению и активному распространению новых способов переработки медиаинформации. Однако овладение новыми технологиями должно быть построено на принципах сбалансированного подхода к получению внешней и внутренней информации в контексте общего процесса получения знаний. Речь идёт о необходимости поддержания оптимального баланса времени и усилий, затраченных на получение и переработку любого рода внешней и внутренней – интрапсихически продуцируемой информации. Блокировка последней может наносить вред не только психическому развитию, но и всему организму активного потребителя медиапродукции. Интрапсихически продуцируемая информация столь же важна, как и внешняя, поскольку без полноценного анализа постоянно продуцируемых внутренних импульсов и переживаний, без интуиций и рефлексивных размышлений человек не может полноценно раскрыть смысл текущих событий своей жизни. Потребители медиасообщений должны знать и помнить о том, что избыток внешней информации, получаемой в режиме «аптайм», может легко нарушать описанный выше баланс, так как привходящая извне информация всегда в той или иной степени подавляет процессы личностной рефлексии и так называемого «телесного осознания».

4. *Необходимы научная разработка и внедрение специальных технологий работы с экстраординарной, но не доступной для оперативной объективации и/или противоречивой по своему характеру информацией.* Поскольку данного рода информация не должна механически редуцироваться до ярлыков типа «ложь и провокация», следует внедрить конструктивный подход, основанный на принципах обязательного и широкого привлечения целого ряда независимых экспертных групп для её анализа и оценки, что по-

зволит реализовать сбалансированные процедуры принятия решений по реагированию и контролю. В современном обществе широко распространена, но не вполне осмыслена практика разделения функций между различными экспертными и исследовательскими группами по сбору и анализу новой информации. С одной стороны, такого рода разделение есть единственно возможный способ получения профессионально выверенной информации, а с другой – такое разделение может приводить к разрастанию искусственного дефицита и «эффекта конвертации» общественно значимой информации.

Историческая практика показывает, что любого рода нововведения, затрагивающие повседневные привычки и материальные интересы значительных по численности социальных групп, всегда встречают инертные реакции и сопротивление. Однако если нововведения оказывались экономически выгодны, психологически оправданы и технологически целесообразны, то раньше или позже они закреплялись в виде норм общественного сознания и поведения.

Примечания

- 1 Чудова Н.В. Психологический портрет потребителей Интернет-информации // Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития: Междунар. конф. М., 2001.
- 2 Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Антиномия-2000 (Нетмышление как публичная субъективность и как массовая установка) // VI ICCEES World Congress. Tampere, Finland. 29 July – 3 August, 2000. P. 346.
- 3 Roger MacBride Allen. The Ring of Charon (1991) («Hunted Earth» № 1) / Пер. Н. Магнат. М., 1996. OCR & spellcheck by Harry Fan. 2001. 5 Sept.
- 4 Арутюнян А.К. Кризис технологии потребления информации // Магия ПК. 2001. № 9. С. 43–47.
- 5 Paul M. Kellstedt, Sammy Zahran, Arnold Vedlitz. Personal Efficacy, the Information Environment, and Attitudes Toward Global Warming and Climate Change in the United States. Risk Analysis 28 (1), Vol. 28. Issue 1. P. 113–126. 2008. Febr.
- 6 Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution, or A History of the Future. Tokyo; N.Y., 1991.

УДК 316.613

КОГНИТИВНЫЙ И АФФЕКТИВНЫЙ ФАКТОРЫ ИНГРУППОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В США И В РОССИИ

Ю.В. Ставропольский

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии

E-mail: StJulius@yandex.ru

Исследование представляет собой факторный анализ ингрупповой этнокультурной идентичности российских и американских респондентов. За основу для предложенной испытуемым анкеты был взят опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (автор Дж. Финни). Выявлена степень влияния установленных факторов на этнокультурную идентичность.

Ключевые слова: идентичность, когнитивный, аффективный, фактор, ингруппа.

Cognitive vs. Affective Factors of In-Group Identification in the USA and in Russia

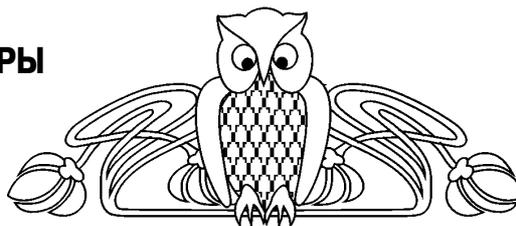
Yu. V. Stavropolsky

The presented research consists in a factor analysis of in-group ethno-cultural identity of Russian and American respondents. The basis for a questionnaire offered to respondents is constituted by Multigroup Ethnic Identity Measure by J. Phinney. Degree of the defined factors' influence on ethno-cultural identity has been detected.

Key words: Identity, cognitive, affective, factor, in-group.

Кросскультурная психология рассматривается за рубежом в качестве четвертой силы в психологии, которой суждено стать ведущей психологической силой в XXI в. Несмотря на то, что выдающиеся российские психологи Л.С. Выготский и А.Р. Лурия во всём мире признаются в качестве основоположников и первопроходцев кросскультурной психологии¹, в России кросскультурная психология не получила полномасштабного развития. Игнорирование кросскультурной перспективы приводит тому, что научное обсуждение проблем идентичности в современных мультикультурных сообществах ограничено конкретной исследовательской проблематикой, не основано на строгой методологии и не образует логически последовательного и внутренне структурированного научного поля. Несмотря на долгую историю исследования феномена идентичности, логически последовательная психология идентичности не сложилась. В связи с этим целью исследования является проведение факторного анализа ингрупповой этнокультурной идентификации российских и американских респондентов.

Эмпирическую базу исследования составили данные серии исследований, проведенных автором в течение 2001–2006 гг. Всего нами были опрошены в 2001 г. 202 респондента в США в Международном центре научных исследований им. Вудро Вильсона, одним из подразделений

которого является Институт перспективных российских исследований им. Дж. Кеннана, (г. Вашингтон, округ Колумбия) и в университете штата Мэриленд (г. Колледж-Парк, штат Мэриленд). По критерию этнорасовой принадлежности американские респонденты в нашем исследовании оказались распределены следующим образом. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой, – американцы европейского происхождения или белые американцы – 32,2%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой, – 53,5%, а именно американцы азиатского происхождения, включая китайцев, японцев и других – 14,4%, афроамериканцы – 28,7%, латиноамериканцы – 9,4%, американские индейцы – 1,0%, иные – 2,5%. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в американской выборке нашего исследования – респонденты от смешанных браков – составляет 11,9% (рис. 1).

Во второй части нашего исследования, осуществленной в России в 2005 г., были опрошены 244 респондента из числа студентов Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой (русской), – 73,0%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с недоминантной специфической этнокультурной группой, – 9,4%: казахи, украинцы, чувашы, татары, азербайджанцы, ассирийцы, армяне. Доля недоминантной неспецифической этнокультурной группы в российской выборке нашего исследования – респонденты от смешанных браков – составляет 17,6% (рис. 2).

Методология эмпирического исследования представлена процессом комплексного (последовательного) использования количественных методов: корреляционного, дисперсионного и факторного анализа. Общий план эмпирического исследования согласуется с моделью измеренных этнических коррелятов, принятой в кросскультурной психологии². Предложенная испытуемому анкета объединила опросник Multigroup Ethnic Identity Measure (MEIM) (автор Дж. Финни)³ и разработанные автором вопросы, позволяющие оценивать социально-экономический статус респондентов: уровень образования, семейное положение, совокупный доход на семью и т.п.

Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for

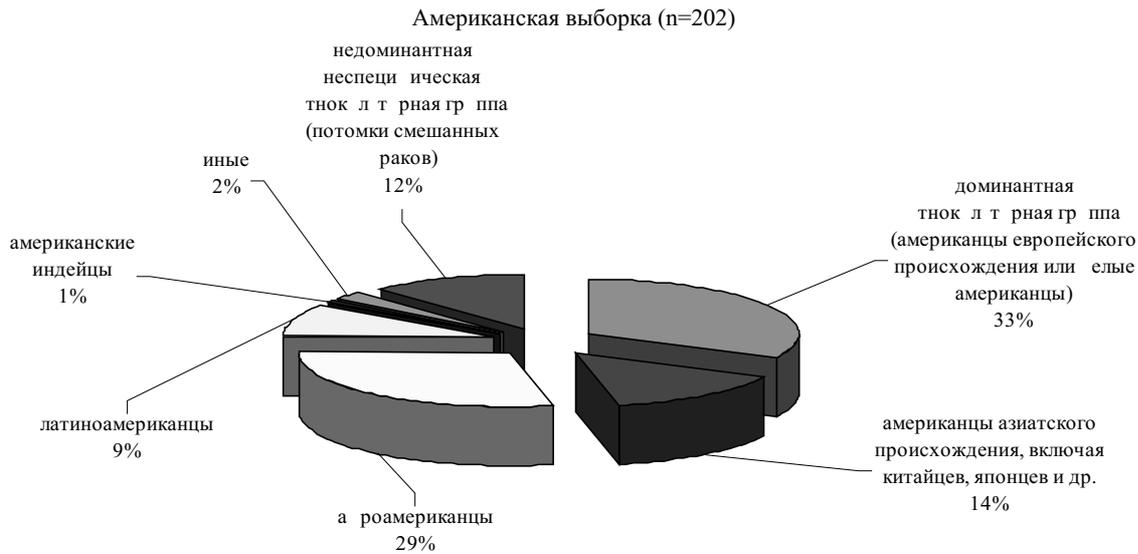

Рис. 1

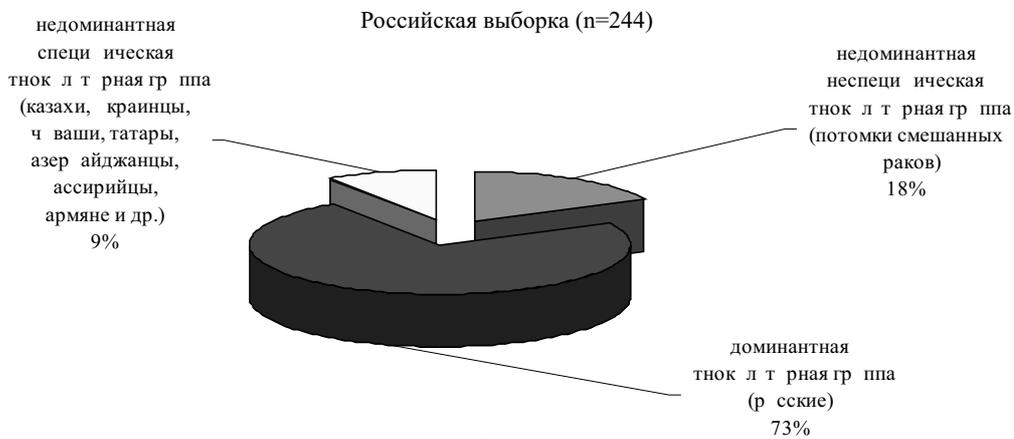

Рис. 2

MS WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из этих опросников. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Проверка теста Бартлетта подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

Начиная с теории Л.С. Выготского об опосредованном действии⁴, среди приверженцев разных концепций отмечается возврат интереса к исследованиям социализации⁵. С позиций культурно-исторической теории Л.С. Выготского функционирование «я» – лингвистический процесс, имеющий деятельностную природу⁶. С этой точки зрения, «я» предстает диалогическим процессом, постоянной основой которого оказывается межличностный интерактивный диалог с самим собой и с другими.

В структуре переменных, образующих индигрупповую этнокультурную идентичность американских и российских респондентов, нами были установлены два фактора: 1 – активные действия; 2 – эмоции и субъективные переживания, связанные с принадлежностью к этнокультурной индигруппе. В результате факторизации переменных субшкальных показателей в обеих группах респондентов выявлены два психологических фактора.

Фактор 1 коррелирует прежде всего с психологическими переживаниями индивида по поводу своей этнокультурной принадлежности, вызванной когнитивной идентификацией с индигруппой. Поэтому мы назвали фактор 1 фактором «внутриличностной вовлеченности в индигруппу» (табл. 1). Переменные, образующие структуру фактора 2, выражают объективное «мы», поэтому мы назвали фактор 2 фактором «межличностной вовлеченности в индигруппу» (табл. 2).

В американской выборке фактор 1 «внутриличностная вовлеченность в индигруппу» коррелирует с теми переменными, которые отражают когнитивный аспект имплицитной групповой идентификации. Мы предполагаем, что в американской выборке когнитивное осознание менее способствует пере-

Таблица 1

Матрица нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,87
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,87
Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе	0,83
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,78
Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,60
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,55

Таблица 2

Матрица нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» американских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители моей этнической группы	0,74
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,73
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,57
Я уделил (а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,47
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе	0,44

живанию положительных эмоций в отношении этнокультурной ингруппы, нежели степень близости и тесных связей с ингруппой.

Активное *со-участие* в ингруппе сильнее всего связано с субъективным переживанием привязанности и с объективным поддержанием культурных традиций ингруппы. Внутриличностное и межличностное «со-участие» причастность и вовлеченность в ингруппу, тесно между собой связаны, тем самым подтверждается принципиальное положение культурно-исторической теории развития Л.С. Выготского о том, что интрапсихическое рождается из интерпсихического⁷.

Более категоричные ответы были получены от респондентов, принадлежащих к этнокультурной группе, наиболее контрастной по сравнению с доминантной культурой, где межкультурная дистанция между этой ингруппой и доминантной культурой наибольшая, соответственно, процесс социального сравнения действует более интенсивно и усиливает осознание групповой идентичности и вовлеченности в ингруппу на межличностном уровне. Очевидно, что с увеличением межкультурной дистанции усиливается действие механизма, который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения⁸.

Для современного американского общества и этнокультурной идентичности американцев имплицитно характерны умеренный уровень внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,41) и средний уровень межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,61). Средние значения по обоим факторам для американской выборки примерно равные, а конкретные межкультурные

различия в степени ингрупповой идентичности американцев объясняются, во-первых, различиями в транспарентности/герметичности границ ингрупп (транспарентность сильнее в доминантной культуре и у афроамериканцев); во-вторых, величиной межкультурной дистанции, активизирующей процесс межкультурного межгруппового сравнения, протекание которого объясняется законом Г. Тэджфела⁹.

В структуре ингрупповой идентичности российских респондентов фактор «межличностной вовлеченности в ингруппу» вообще никак не связан с переменной «Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе». Это косвенно свидетельствует о том, что в российской выборке нашего исследования этнокультурная принадлежность не играет роли детерминанты в межличностных отношениях. (*Indigenous* (англ.) – местный, туземный. Термин «индигенный» позволяет противопоставить культуру, сложившуюся в ходе исторической эволюции исконного населения, культуре, привнесенной извне в результате притока иммигрантов из иных индигенных культур).

Нами выявлены межкультурные различия в приоритетах российских и американских респондентов. Ингрупповая идентичность российских респондентов более рефлексивна – об этом свидетельствует доминирование в структуре обоих факторов ингрупповой идентичности россиян переменных, отражающих большую рефлексивность внутриличностной и межличностной вовлеченности в *индигенную* коллективистскую российскую культуру, их созерцательный и пассивный характер. Российские респонденты на вну-

триличностном уровне вовлеченности «ощущают принадлежность» (табл. 3), а на межличностном уровне вовлеченности «часто разговаривают» (табл. 4). Ингрупповая идентичность американских респондентов имеет более прагматически

ориентированный характер. На внутриличностном уровне вовлеченности американские респонденты «гордятся», а на межличностном уровне вовлеченности «принимают активное участие в организациях и мероприятиях».

Таблица 3

Матрица нагрузок фактора «внутриличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Я очень горжусь своей этнической группой	0,81
Я счастлив, что я принадлежу именно к данной этнической группе	0,79
У меня сильно ощущение принадлежности к моей этнической группе	0,77
Я достаточно хорошо понимаю, что значит для меня принадлежность к моей этнической группе	0,72
У меня существует ясное ощущение моей этнической принадлежности и осознание того, что она для меня значит	0,70
Моя культурная и этническая принадлежность создает у меня позитивное самоощущение	0,62
Я чувствую сильную привязанность по отношению к моей этнической группе	0,61

Таблица 4

Матрица нагрузок фактора «межличностная вовлеченность в ингруппу» российских респондентов (VARIMAX)

Название переменной	Значение факторной нагрузки
Для того чтобы больше узнать о своей этнической принадлежности, я часто разговаривал с другими людьми о моей этнической группе	0,67
Я много думаю о том, каким образом моя этническая принадлежность повлияет на мою жизнь	0,65
Я принимаю активное участие в организациях и мероприятиях, большинство членов которых – представители моей этнической группы	0,62
Я поддерживаю культурные традиции своей этнической группы: в пище, в музыке, в обычаях	0,60
Я уделил(-а) какое-то время тому, чтобы больше узнать о моей этнической группе, о ее истории, традициях и обычаях	0,59

Современное российское общество и этнокультурная идентичность россиян характеризуются весьма умеренным уровнем внутриличностной вовлеченности (среднее значение = 2,44) и еще более умеренным уровнем межличностной вовлеченности (среднее значение = 2,82). Эти значения примерно равны соответствующим американским показателям, межкультурные различия по ним несущественны.

Результатом личного сознательного выбора и сознательной *вовлеченности*¹⁰ в ингруппу становятся уменьшение диффузности данного «мы»-аспекта и более позитивное самоощущение в связи с собственной культурной и этнической принадлежностью, ведущие к формированию сознательно выбранного или *достигнутого* статуса¹¹ этнокультурной идентичности. Таким образом, предрешенный статус этнокультурной идентичности образует *архетип*, тогда как достигнутый статус этнокультурной идентичности образует *вовлеченность* (*commitment*). Это положение представляется нам *универсальным* (этическим), поскольку оно находит своё подтверждение и в американской *иммигрантской индивидуалистической* культуре, и в российской *индигенной коллективистской* культуре. Очевидно, что в *индигенной коллективистской* культуре (российской) межкультурная дистанция оказывается субъективно короткой, поэтому механизм,

который Г. Тэджфел назвал процессом социального сравнения, хотя и не перестаёт действовать, однако имплицитно не осознаётся.

Примечания

- 1 Encyclopedia of Psychology. Ed. A. Kazdin. 8 Vols. Oxford; N.Y., 2000. Vol. 2.
- 2 *Phinney J.P., Landin J.* Research Paradigm for Studying Ethnic Minority Families Within and Across Groups // *Studying Minority Adolescents. Conceptual, Methodological and Theoretical Issues.* Mahwah, New Jersey, London, 1998.
- 3 *Phinney J.* The Multigroup Ethnic Identity Measure: A New Scale for Use with Adolescents and Young Adults from Diverse Groups // *Journal of Adolescent Research.* 1992. № 7. P. 156–176.
- 4 *Выготский Л.С.* Проблема культурного развития ребенка // *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология.* 1991. № 4. С. 5–18.
- 5 *Shotter J.* Cultural Politics of Everyday Life: Social Constructionism, Rhetoric and Knowing of the Third Kind. Toronto, 1993.
- 6 *Lindesmith A.R., Strauss A.L., Denzin N.K.* Social Psychology. Thousand Oaks, 1999.
- 7 *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1983.
- 8 *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge, 1981.

⁹ Tajfel H. Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations. European Monographs in Social Psychology, London, 1978. № 14.

¹⁰ Matteson D.R. Alienation vs. Exploration and Commitment: Personality and Family Correlaries of Adolescent

Identity Statuses: Rapport fra Projekt for Ungdomsforskning. København: Projekt for Ungdomsforskning, 1974.

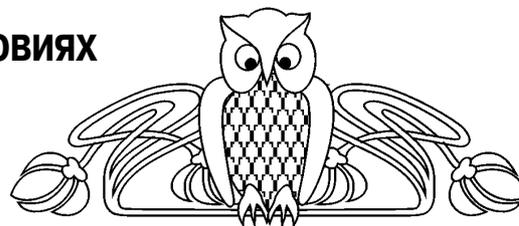
¹¹ Marcia J.E. et al. Ego Identity: A Handbook for Psycho-social Research. N.Y., 1993.

УДК [316.6:159.923] (082)

СУБЪЕКТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ БЫТИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Р.М. Шамионов

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра психологии образования
E-mail: shamionov@mail.ru

В статье обсуждаются вопросы соотношения субъектности и субъективности с позиций социализации личности, формирования бытийных пространств. Анализируется их место и роль в формировании субъективного благополучия личности.

Ключевые слова: субъект, субъективное благополучие, личность, социализация, бытие.

Subjective of Personalities in Process of the Socializations in Changing Condition of Being and Subjective Well-Being

R.M. Shamionov

In article are discussed questions of the correlation subjective and subjectivity with position of the socializations of personalities, shaping space of being. It is analysed their place and role in shaping the subjective well-being of personalities.

Key words: Subject, subjective well-being, personality, socialization, being.

Становление личности человека в процессе ее социализации предполагает формирование и изменение множества характеристик, среди которых особое место занимают интегральные. Таковой является, в частности, его (человека)¹ субъектность. В данном сообщении мы остановимся на личностном уровне анализа субъектности в ее динамическом бытийном аспекте. Субъект не сводится к общественным отношениям (к личности), но реализуется именно в них. В соответствии с этим бытие личности – всегда и бытие субъекта; они не отделимы друг от друга, поскольку как само общественно-историческое развитие, так и онтогенез «запрограммированы» на то, чтобы человек в процессе социализации приобрел не только личность, но и субъектность. Поэтому свойства личности и субъекта настолько переплетены, что не могут существовать вне контекста друг друга. Это определяет поведение их носителя – человека в системе различных видов отношений, деятельности, самосознания. Отсюда следует необходимость анализа социально-психологических явлений вообще и социализации личности, в частности, с позиций субъектного подхода.

Остановимся на ряде вопросов, возникающих при анализе становления личности и субъекта в процессе социализации.

Прежде всего необходимо отметить, что личность изначально активна в своем становлении. В работах А.В. Брушлинского отмечается активная роль социализируемого индивида. Это положение стало отправным в исследованиях социализации личности последних десятилетий. Кроме того, представляется важным и то, что осуществление активности в становлении личности происходит благодаря последовательной реализации бытия человека в различных ипостасях. Речь идет о тех бытийных пространствах, в которых происходит и присвоение социальной информации, и формирование личного опыта, и отношение к внешним объектам и субъектам. Поскольку личность представляется как самоорганизующаяся система, она устанавливает различные отношения с окружающим миром. Эти отношения задают ориентиры, но не саму активность, которая исходит из субъектности личности. Иначе говоря, явления, порождающие активность, и активность, направленная на реализацию бытия, – суть целостной циклической системы, в которой ведущую роль играет личность человека. Поэтому наиболее важным обстоятельством в обозначенном ракурсе является поиск и установление смысловых ориентаций, которые становятся для личности чем-то вроде надбытийных и объективируются в конкретных пространствах бытия. В свою очередь, бытие является и источником новых потребностей, и той инстанцией личности, в которой объективируются ее существенные характеристики; какова бы ни была внешняя по отношению к личности ситуация, она не становится детерминирующей что-либо в ней, пока не становится бытийной, т.е. переживаемой ею.

Бытийные пространства личности (конструируемые самой личностью) связаны с различного рода представлениями, в которых отражаются внешние коллективные представления, а также конструируемые личностью и являющиеся

убеждениями, системой «здравого смысла» для самой личности. Вполне очевидно то, что, обладая определенной долей субъективности, представления личности о тех или иных явлениях, имеющих отношения к бытию «здесь и сейчас», тем не менее содержат и общее, присущее массовым представлениям, поскольку социализация личности предполагает усвоение социотипического. В этом смысле изучение представлений субъектов дает основание для их экстраполяции на определенную социальную группу. Здесь важно учитывать факт отношения представления к определенному бытийному пространству личностей, групп, масс. Это позволит в большей степени адекватности обнаруживать именно те представления, которые регулируют поведение в данных обстоятельствах (ситуациях). Возникает возможность «соединения» в одном социально-психологическом пространстве личности как субъекта и ситуации.

Становление личности происходит благодаря включению человека в различные социальные отношения, в деятельность групп, накоплению собственного опыта отношений. Конечно, имеется ряд факторов, система различных детерминант, обуславливающих как процесс, так и результат социализации. Наличие субъектной позиции «не отменяет» действия иных детерминант. Имеются сложные взаимоотношения между различными детерминантами личности, включая прямо либо опосредованно действующую субъектную позицию. Это требует анализа взаимосвязей на разных уровнях субъектной позиции и характеристик личности, что позволит выявить ее место и характер в системе внутренней детерминации на разных этапах становления личности. Кроме того, благодаря субъектности различные детерминанты могут приобретать главенствующую либо подчиненную позицию, определяющую направленность на те или иные объекты действительности, а также в усвоении информации.

Субъектная позиция личности позволяет соединить личностные и ситуативные детерминанты поведения человека. Она не только становится связующим звеном, но предполагает отбор, подбор наиболее адекватных средств для приведения в соответствие личности и ситуации, для адекватного поведения в ситуации. Подчеркнем, что речь идет не об изоморфизме, а о сложных отношениях между ситуацией и личностью, когда различные характеристики ситуации предстают перед личностью в определенном свете.

Остановимся на вопросе о социально-психологической типологии личности. Роль ситуативных и личностных факторов в поведении весьма различна в зависимости от субъективной значимости ситуации для человека. Поэтому так называемая ошибка каузальной атрибуции может быть распространена лишь на ограниченный круг объектов. В ряде случаев действительно ситуативные факторы являются доминирующими благодаря отношению личности к ним (личность

перестраивается, приводя в соответствие систему под меняющуюся ситуацию), но зрелая личность с развитой субъектной позицией вполне способна с учетом меняющейся ситуации реализовывать свое поведение в соответствии с имеющимися диспозициями. Иначе личность действительно постоянно приспособливалась бы свою внутреннюю систему под меняющуюся внешнюю. Этого же не происходит.

Вариативность субъектности личности задается характером прежде всего личностных модификаций. Поэтому и эффекты социализации личности не могут быть охарактеризованы оценочно-уровневыми параметрами; с одной стороны, социализация, предполагая формирование определенной социотипичности, наталкивается на формирующуюся субъектную позицию и тем самым допускает различные оттенки усваиваемой информации у разных людей, а с другой – субъектная позиция «помогает», хоть и избирательно выводя наиболее значимые для личности пласты социальной информации на актуальный уровень усвоения, социализироваться личности.

Способность субъекта сознательно направлять свою активность в сторону самоизменений является критерием социализированности (ее эффектом). Для того чтобы личность стала субъектом своего развития, она должна пройти непростой путь от элементарных форм поведения до высших форм саморегулирующейся системы. Этот путь она вынуждена проходить в социуме, перенимая формы поведения, нормы и ценности, свойства личности. Именно социализация с её мощнейшими инструментами и механизмами воздействия способствует «очеловечиванию» (обеспечивая этот процесс выработанными обществом технологиями). Было бы наивно полагать, что институты социализации абсолютно и полно определяют личность.

Итак, саморазвитие личности состоит во взаимодействии с внешними и внутренними инстанциями, что становится возможным в том случае, если внешние инстанции изменяются под воздействием объективных показателей среды или отношения инстанций создают условия для созревания пусковых элементов всего процесса саморазвития.

Самосознание личности является тем опосредующим механизмом, который позволяет соотнести собственное отражение, отражение субъекта социумом, своих достижений и актуального состояния с эталонными представлениями о себе реальном, идеальном, потенциальном и т.п.

Нам необходимо проанализировать становление личности в процессе жизненного пути с учетом меняющейся субъектной позиции. По сути, именно личность задает эти изменения, она ориентирует, направляет активность на различные преобразования действительности и самой себя и тем самым играет существенную роль в активно-преобразующей деятельности, имеющей важное значение для всей системы отношений.

Проблема субъекта неминуемо охватывает вопросы бытия его носителя и, конечно же, систе-

мы отношений и переживаний личности. Бытие в социальном пространстве предполагает не только формирование отношений, что само по себе является одним из наиболее важных достижений Человеческой природы, но и системы, которая становится интегратором психического ряда, регулирующим компонентом которого является субъективное благополучие.

Ряд исследований последних десятилетий, столь остро поставивших вопрос о структурной содержательности, динамике и факторах субъективного благополучия, связанных отнюдь не только (и не столько) неурядицей российской действительности, низким качеством жизни, но и в немалой степени проблемой, распространенной в западных, вполне благополучных в экономическом отношении странах, которую можно было бы назвать «цивилизационной избыточностью» и которая на уровне личности проявляется в потере ценностно-смыслового потенциала жизни, и формулируется еще проще как «отсутствие счастья». Этот вопрос столь же актуален сегодня и в отечественной науке, и в зарубежной. Поэтому и решение его необходимо с учетом полученных результатов, их интеграцией, с пониманием того, что существуют культурные различия в содержательной и детерминантной схеме этого явления.

Они, в частности, касаются факторов субъективного благополучия, например, прямой связи между субъективным благополучием и уровнем доходов до определенного их показателя. Особенно хотелось бы подчеркнуть наличие достаточно выраженной культурной характеристики россиян, заключающейся в том, что большинство не хотело бы состоять в категории «богатые»; для них предпочтителен достаток. Иначе говоря, фактор материального благосостояния для россиян не столь важен, а ряд категорий населения (например, как показано в наших исследованиях, учителя, врачи) за последние годы вообще научился компенсировать этот недостаток и у них не обнаруживается связи между субъективным благополучием и материальными доходами, что, кстати, противоречит ряду данных западных психологов.

Далее попытаемся проанализировать генетическую связь субъективного благополучия с субъектностью личности и бытием человека в пространстве изменяющегося социума. В связи с этим встает вопрос о соотношении субъектности и субъективности. В работе Н.В. Богданович «разведены» эти понятия таким образом, что понятием «субъективность» охватывается внутренний мир человека, переживания, отношения и пр. («идеальная реальность», по С.Л. Рубинштейну), а в понятие «субъектность» – особые личностные качества, связанные с активно преобразующими свойствами и способностями². Конечно же, субъективное благополучие в первую очередь относится к категории «субъективность», но его психологическая картина охватывает все поле субъекта. Более того, необходимо понимать, что

в субъективном благополучии отражаются и коллективные представления, поскольку лишь в соотношении с объективной жизнью, установлением в ней места личного бытия, характером отношений между различными субъектами, затрагивающими личность, наконец, знанием о ряде оценочных категорий (критериями) формируются субъективные отношения. Не случайно в философских текстах прослеживаются истоки субъективности как «образа коллективных представлений»; более того, порой ставится под сомнение индивидуация субъективности³. Иначе говоря, для возникновения и утверждения субъективности необходимо овладение объективными значениями и соотношение с ними «продуктов» субъективного.

Не вдаваясь в анализ соотношения субъективности и субъектности, выскажем ряд замечаний. Во-первых, субъектность и субъективность как феномен субъективного благополучия приобретают ряд характеристик взаимопроникновения. Субъектность (направления, типы) не только взаимосвязана с характером субъективности. Субъективность регулирует проявления субъектности личности. По сути, именно субъективность является результатом гоминизации субъекта. Поэтому в субъективности концентрируются многие связи, являющиеся значимыми с точки зрения благополучия личности. Мы писали ранее о том, что объективные характеристики жизни конкретной личности могут не соотноситься с ее субъективными представлениями о ней и, более того, она может испытывать неблагополучие при высоких уровнях материального достатка, физического состояния и других характеристик.

Ряд исследований, проведенных нами, подтолкнул нас к обсуждению вопроса о связи субъективного благополучия и субъектности. Действительно, субъективное благополучие личности связано с рядом явлений, характеризующих его с точки зрения субъектности. Необходимо отметить, что благополучие и неблагополучие личности задают различные аспекты ее субъектности. Так, нами было показано, что и субъективно благополучные, и неблагополучные лица проявляют субъектную активность, которая отличается по направленности. В частности, первые направлены на достижения, а вторые – на преодоление эффектов неблагополучия. Существует генетическая связь между субъективным благополучием и социальной (и не только) успешностью личности. Она обусловлена тем, что социальное существо человека неминуемо отражается в переживаниях личности, во всей системе когнитивных и эмоциональных связей, которые в течение социализации становятся сензитивными для соответствующей информации. Между тем, как показано в работе А.Ф. Тугушевой⁴, представления молодежи о социальном успехе включают такие характеристики, как способность ориентироваться в нестабильной обстановке, рискованность и т.п., а неуспешность связывается с боязнью трудностей, неуверенно-

стью, но более примечательно то, что имеется определенная связь с жизнеопределением личности, ее стратегиями планирования будущего. Из представленных результатов исследования следует понимание успешности как качества, достигаемого посредством собственной активности личности, ее субъектной позиции. Иначе говоря, социальная конгруэнтность «закладывается» на уровень не только личности, но и субъекта.

Способность и направленность личности выстраивать собственное бытие в соответствии с ценностями, установками, смысловыми образованиями, что есть «показатель» субъектности, является важной характеристикой, влияющей на формирование динамического равновесия между инстанциями личности, а следовательно, и ее субъективного благополучия. Необходимо понимать, что как ее степень (субъектности), так и ее осознанность (рефлексивность) предполагают различия в психологической картине благополучия. В одних случаях картина субъективного благополучия достаточно типична (за счет, например, установки типа «не хуже других...», «как у всех...» и т.п.) и характеризуется рядом отрицательных компонентов удовлетворенности; в других – она может быть весьма богата различными оттенками, порой противоречиями, связанными собственными рассуждениями, самоанализом (в том числе противоречивым), а также смыслопорождающими явлениями. Естественно это накладывает свой отпечаток и на психотерапевтические эффекты (например, работа с последними может быть более длительной, так как необходима их иерархизация на уровне не только ценностных образований, но и смысловых единиц).

Одной из важных характеристик субъектности является способность к самоуправлению. Она распространяется не только на собственно деятельность, но и на активность вообще – на разных уровнях, в числе которых и личностная. Наши данные показывают, что одной из возможных причин низкой удовлетворенности личности собой является отсутствие целостной системы самоуправления. Особенно это касается таких его этапов, как прогнозирование (т.е. неумение предсказать ход событий, желаемые действия), принятие решения, самоконтроль и коррекция (изменения реальных действий). Как видим, эти этапы самоуправления отражают бытийность личности, т.е. то, что она не замкнута в себе⁵, но включает «бытийные пространства». Пожалуй, это одно из наиболее важных для понимания феномена субъективного благополучия явление. В нем проецируется связь различных инстанций в процессе реализации бытия. Поскольку бытие не запрограммировано, оно в каждом новом пространстве задает определенные критерии для оценки личностью своего места в нем и того, как и каким образом оно могло бы реализоваться. Отсюда следует важная методическая позиция в изучении благополучия: в каждом случае необходимо связать переживание благополучия с биографическим вре-

менем субъекта, с актуальным пространством его бытия, с анализом потребности и активности личности – их соотношением, динамикой, изучением того, каким образом субъект (и в чем конкретно) объективирует свою субъективность и т.п. Вместе с тем в не меньшей степени значимо и то, каким образом субъективное благополучие регулирует эти процессы, на что оно оказывает больше влияния и каковы опосредующие звенья между этими явлениями в единой структуре поведения.

Формирование субъектной позиции, позволяющей по-своему относиться к внешним изменениям ситуации, является одним из существенных моментов в динамике субъективного благополучия. Субъектность личности делает ее менее уязвимой в изменяющемся мире; прибегая к действиям «на удачу», личность объективирует свою неуверенность и надежду на благоприятный исход ситуации. Вместе с тем, как показано в ряде исследований, больших успехов добиваются те лица, которые *ориентированы на достижение, но не вполне уверены в нем*. Тем не менее субъектная позиция личности, являющаяся условием достижений и, следовательно, определенного согласования инстанции «хочу» с инстанцией «могу», становится существенным фактором субъективного благополучия. Поскольку субъектная позиция – динамичное образование, она может согласовываться с изменяющейся социальной ситуацией, тем самым являясь буфером на пути проникновения явлений, расшатывающих консонансные отношения личности.

Вместе с тем «видение» альтернатив, возможных «правильных» выборов зависит от способности «встать над ситуацией», способности к конструированию многозначного контекста. Очевидно, в обществе, богатом различными мнениями и толерантном, имеется больше возможностей в формировании дивергенций. Однако и группы, и индивиды склонны к упрощению, категоризации в отношении различных сложных социальных объектов, что в немалой степени создает тенденции к обратному – **категоричности, нетерпимости, предрассудкам, стереотипам**. Необходимо также понимать, что общность – это не нечто, что является стабильно внешним по отношению к группам, индивидам явлением, оно также в немалой степени формируется благодаря их поведенческим тенденциям. Поэтому нельзя и невозможно обособлять и противопоставлять личность и общность в этом вопросе.

Таким образом, субъектность и субъективность личности в их взаимосвязи становятся существенными факторами переживания личностью комфорта, консонанса, благополучия, которое само играет регулятивную роль в различных видах активности. Иначе говоря, связи между этими явлениями отличаются обоюдонаправленностью и тем самым определяют необходимость системного анализа всех характеристик, относимых к их структуре (и операционализованных в ней). Формирование этих связей – одна из существенных характеристик соци-

ализации личности. Исходя из данных положений, представляется необходимым анализ социализации личности с позиций субъектной парадигмы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Влияние культурно-исторических представлений на особенности самоопределения молодежи в центральных и провинциальных регионах России» (грант № 08-06-00273а).

Примечания

¹ В данном случае мы абстрагируемся от иных уровней рассмотрения (анализа), например, внеличного

УДК 34:15

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. Южанинова

Саратовская государственная академия права,
кафедра правовой психологии и судебной экспертизы
E-mail: Juzhaninova-Alla@yandex.ru

В статье рассматривается методологический аспект психологического судебно-экспертного исследования и обсуждаются пути решения проблем, связанных с построением его методики на основании общенаучных методологических принципов. Раскрывается определяющее значение принципов системности и индивидуализации. Определяется система критериев научной обоснованности выполняемых судебно-психологических экспертиз.

Ключевые слова: социальная психология, методология, личность.

The Questions of Methodology Maintenance of Juridical Psychology Expert Research

A.L. Yuzhaninova

The methodology aspect of psychology juridical expert research is considered in the article and ways of solving the problems which are connected with making of such expert research methodical on the base of general scientific methodology principles are also discussed. The determinant means of principles of systematic and individualization are demonstrated. The system of criterias of scientific justifiability of making juridical psychology expert judgments is formulated.

Key words: social psychology, methodology, personality.

Судебно-психологическая экспертиза является одной из главных форм использования возможностей современной психологии при осуществлении российского судопроизводства. Для психолога, выступающего в качестве судебного эксперта, она является действием, состоящим из проведения научного исследования особенностей

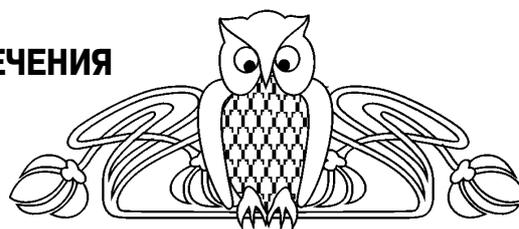
уровня (З.И. Рябикина, 2005), уровня группового субъекта.

² Богданович Н.В. Субъект как категория отечественной психологии: история и современное состояние // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М., 2005. С. 68.

³ Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб., 2000. С. 91.

⁴ Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и личностное самоопределение юношества: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2006. С. 18–19.

⁵ Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М., 2005. С. 55.

психики и поведения, имеющих юридическое значение. Научно-исследовательский характер экспертной деятельности предопределяет необходимость поиска путей решения проблем, связанных с построением ее методики на основании общенаучных принципов и оценки качества получаемого с её помощью знания. Совокупность данных проблем составляет методологический аспект психологического судебно-экспертного исследования.

Проблема методологии является центральной в любой сфере научного познания, однако в теории и практике судебно-психологической экспертизы ее разработке в настоящее время уделяется недостаточное внимание. В связи с этим целью данного исследования является выяснение специфики реализации общенаучных и психологических методологических принципов в судебно-психологическом экспертном исследовании.

В общей теории познания понятие «методология» охватывает как минимум три уровня анализа: общую методологию, представляющую общий философский подход, способ познания; специальную (частную) методологию, являющуюся реализацией общефилософских принципов при исследовании специфического предмета; методологию как совокупность конкретных методик исследования. В любом методологическом «грамотном» научном исследовании должны быть представлены все три уровня в их тесном переплетении¹. Данное положение справедливо и для судебного психолого-экспертного исследования. Взаимосвязь названных уровней в конкретной экспертизе обеспечивается организующей ролью методологических принципов.

В работах ведущих отечественных психологов С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова и др. были выделены общенаучные принципы детерминизма, развития, системности, которые сохраняют свое определяющее значение и в психологическом исследовании, наполняясь особым содержанием. Наряду с ними были разработаны и специфичные для психологии принципы единства сознания и деятельности, общения, а также деятельностного и личностного подходов.

Среди вышеназванных методологических принципов наибольшим уровнем обобщения обладает системный подход: все другие принципы фактически являются его разными аспектами. Системный подход – такой способ научного познания, согласно которому предмет, явление рассматриваются как система. В самом общем значении система «представляет собой определенное множество взаимосвязанных элементов, образующее устойчивое единство и целостность, обладающее интегральными свойствами и закономерностями»².

Системное исследование предмета включает несколько аспектов. Первый состоит в структурном анализе. Системно изучить явление – значит, определить его внутреннюю организацию, структуру, компонентный состав. Способом реального бытия системы является её функционирование. Функциональный аспект представлен двумя механизмами – внутренним (взаимодействие элементов системы) и внешним (взаимодействие системы с окружающим миром, средой). Принцип системного изучения объекта в его функциональном аспекте содержательно соответствует общепсихологическому принципу детерминизма. Следующий существенный момент рассмотрения явления как системы – динамический. Историческая плоскость исследования включает генетический и прогностический аспекты. Первый раскрывает происхождение данного явления, процесс его формирования, изменений и связан с прошлым и настоящим явлениями. Прогностический план направлен на анализ перспектив его дальнейшего развития³. Наличие этих трех плоскостей в психологическом судебно-экспертном исследовании при установлении юридически значимых психических явлений и будет означать реализацию методологического принципа системности.

Разработанные в общей психологии методологические принципы сохраняют свое направляющее значение и для судебно-психологического экспертного исследования. Вместе с тем автоматического перенесения в него методологических психологических канонов быть не может. Специфика состоит в органичном сочетании свойств общенаучной психологической и частной психолого-экспертологической методологий.

Одними из первых вопросов о методологических основах судебно-психологического экспертного исследования как самостоятельной проблеме

выделили В.В. Романов⁴ и Ф.С. Сафуанов⁵. Авторы обозначили круг методологических принципов такого исследования и привели классификацию используемых в настоящее время методов психодиагностики в судебно-психологической экспертизе. К методологическим были отнесены принципы детерминизма, развития, системности, единства сознания и деятельности, уровневого анализа поведения и деятельности, взаимодействия личностных и ситуационных факторов. В диссертационном исследовании Е.Н. Холоповой выделены общепсихологические принципы судебно-психологического экспертного исследования (объективности, детерминизма, взаимосвязи и взаимодействия, системности, развития, единства сознания и деятельности) и специальные принципы (структурно-уровневого анализа поведения и деятельности, рассмотрения личности и ситуации во взаимодействии, гендерных различий, индивидуализации исследования)⁶.

Существуют работы, в которых методологический аспект специально не обсуждается, однако он имманентно присутствует и легко «прочитывается» при анализе методики экспертных исследований. Но встречаются и такие, которые выполнены без учета методологических принципов.

Если теоретическая сторона исследования определяется его содержательной целью (что должно быть проанализировано?), то методологическая – средствами её достижения (каким образом поставленная цель может быть достигнута?). Однако между двумя этими сторонами не может быть проведена демаркационная линия. В корректно построенном исследовании методологическое и теоретическое составляют органическое единство. Методологический принцип, являющийся подлинным «нормативом» исследования, определенным образом ориентирует всю исследовательскую практику для решения конкретных содержательных задач⁷. Данное положение справедливо и для судебно-психологической экспертизы.

В соответствии с принципом развития любые психические функции исследуются не только в статике, но и в динамике. По существу в каждой отдельной экспертизе без глубокого исследования «психологической биографии» человека невозможно провести полноценное экспертное исследование. Принцип развития диктует необходимость анализа полной динамики психических процессов в интересующий суд (следствие) промежуток времени. Учет динамики психической деятельности важен и при диагностике психических состояний⁸.

Применение принципа единства сознания и деятельности позволяет через анализ внешне проявленных поведенческих форм судить об их скрытом внутреннем психическом содержании. М.М. Коченов писал, что основной единицей анализа психической жизни является действие, управляемое осознанной целью. Через анализ

целей, образующих иерархизированную структуру и соответствующие им действия, открывается возможность анализа сознания человека, а это составляет, в конечном счете, основную задачу любого экспертного психологического исследования⁹.

Реализацию принципа деятельности можно показать на примере судебно-психологической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. Объектом психологического анализа здесь выступают распространенные в СМИ сведения в виде текста. Взгляд на речь как вид психической деятельности задает и соответствующую программу экспертного исследования. Деятельность осуществляется субъектом, направлена на объект и реализуется конкретными средствами в определенных условиях. С точки зрения субъектности содержание текста анализируется для выявления целей и мотивов его создания, представлений автора о способах их достижения и возможных результатах. В качестве объекта выступают люди, которым текст адресован. Следовательно, исследуется вопрос, как данный текст должен повлиять на взгляды, оценки и поведение респондентов¹⁰.

При проведении судебно-психологической экспертизы психического воздействия большое значение имеет применение принципа детерминизма. М.М. Коченов писал, что результат психического воздействия нельзя прямо соотносить с его интенсивностью. Существует, безусловно, некоторый индивидуально-изменчивый «порог» устойчивости к психическому воздействию¹¹. Из этого следует, что при проведении экспертизы психического воздействия важно не только установить факт его наличия, но и определить «внутренние условия» объекта, сквозь призму которых оно преломляется («порог» устойчивости). Окончательный экспертный вывод об оказанном неправомерном психическом воздействии делается на основании учета установленных индивидуально-психологических особенностей подэкспертного и характера оказанного на него психического давления¹². Наш опыт показывает, что игнорирование принципа детерминизма в экспертных исследованиях психического воздействия, применяемого при функционировании финансовых пирамид, приводит к тому, что факт неправомерного психического воздействия экспертами устанавливается, а индивидуальная восприимчивость к нему не исследуется. При таком алгоритме формулируемый экспертами вывод об оказанном воздействии на всех лиц, оказавшихся в поле предпринятого влияния, представляется ошибочным¹³.

Таким образом, принятый за методологический норматив принцип задает конкретную теоретическую схему судебного экспертно-психологического исследования. Игнорирование же психологом-экспертом определяющего значения методологии в конкретных исследованиях оборачивается их теоретической и методологиче-

ской несостоятельностью, что приводит к формулированию научно необоснованных экспертных выводов.

Судебно-психологическая экспертиза как исследовательский метод направлена на выявление психических особенностей конкретного человека и его поведения в определенных юридически значимых обстоятельствах. Ф.С. Сафуанов отмечает: «В реальной практике судебно-психологической экспертизы психологи сталкиваются с одним неоспоримым фактом: каждое уголовное дело уникально по-своему, каждый подэкспертный обладает ярко выраженной индивидуальностью своей личности, своей судьбы»¹⁴. Индивидуализированность, конкретность предмета и объекта экспертного исследования дали основание М.М. Коченову определить его как монографическое. Он писал: «Каждая судебно-психологическая экспертиза – это монографическое исследование конкретной личности, психологических механизмов поведения человека в строго определенных условиях»¹⁵.

В теории научного познания методы, направленные на изучение единичного факта, обозначаются как «индивидуализирующие» (В. Дильтей, Г. Зиммель) или «идеографические» (В. Виндельбанд)¹⁶. На практике с помощью судебно-психологической экспертизы исследуется конкретный поступок, имеющий правовые последствия, что требует умения применять индивидуальный подход, идеографический анализ каждого конкретного случая¹⁷. На основании этого ее следует относить к идеографическому научному методу¹⁸, а в перечень методологических принципов психологического судебно-экспертного исследования включить характерный именно для него принцип индивидуализации¹⁹.

Принцип индивидуализации, реализуемый в идеографических исследованиях, предполагает выбор особых способов изучения объектов.

В современном наукознании методы, используемые в различных научных отраслях, делятся на номотетические и идеографические. Некоторые психологи придерживаются такого же различия. Так, среди психологических методов изучения личности Е.Е. Насиновская выделяет две основные группы: идеографическую (анализ биографии, истории болезни, персональных документов) и эмпирическую, которая может быть экспериментальной или иной по своей процедуре (проективные методы, различные тесты)²⁰. Что же касается судебно-психологической экспертизы, то в ней используются как номотетические, так и идеографические методы. Вместе с тем применение в ней методических средств обладает определенным своеобразием. М.М. Коченов приводит используемые при её проведении методы в следующем порядке: изучение материалов дела, беседа с подэкспертным, биографический метод, эксперимент (методики исследования личности, мышления, памяти, воображения, восприятия и

внимания)²¹. В.В. Романов в перечень методов судебно-психологической экспертизы включает изучение материалов дела; ретроспективный психологический анализ происшедшего события, поведения подэкспертного лица, его психического состояния; знакомство с его анамнестическими данными; беседу; психодиагностическое обследование²².

Как видим, так называемым идеографическим методам отведены приоритетные места в методике психологического судебно-экспертного исследования. О том же напрямую высказалась Л.П. Конышева. Центральным методом судебно-психологической экспертизы она назвала метод анализа материалов уголовного дела, отметив при этом, что на практике экспериментальные методики зачастую используются нецеленаправленно, а возможности главного метода – анализа материалов дел – недооцениваются. Вместо более осмысленной психологической работы в экспертизах порой встречаются трудоемкие экспериментальные процедуры, математически безукоризненно полученные результаты, которые потом произвольно и субъективно трактуются психологом²³.

Материалы уголовных или гражданских дел изначально создаются не с целью раскрытия психологических закономерностей подэкспертного, хотя они содержат информацию о развитии юридически значимой ситуации, субъективном видении её значения разными участниками процесса и подэкспертным, его поведении в данной ситуации и отношении к случившемуся и т.п. Задача психолога-эксперта состоит в умении извлекать психологическое содержание в собранных в деле документах и сопоставлять их с результатами собственных исследований. Экспериментально-психологическое исследование дает возможность раскрыть своеобразие устойчивых, типичных индивидуальных и личностных свойств подэкспертного. Материалы дела содержат информацию о конкретном поступке (поведении), психическом состоянии в сложившейся юридически значимой ситуации. Только сопоставление типичного и ситуативно проявленного в психике и поведении подэкспертного позволяет научно обоснованно ответить на поставленные перед экспертом вопросы.

Любое научное исследование направлено на получение достоверных результатов. Особенно важна надежность исследовательских выводов судебной экспертизы, поскольку они могут быть положены в основу следственных или судебных решений. Проблема качества нового знания, полученного средствами судебно-психологической экспертизы, приобретает свою специфику в связи с её индивидуализирующим характером. Здесь не пригодны способы, усиливающие надежность, принятые в номотетических исследованиях, направленных на установление общих закономерностей путем использования универсальных

переменных и большого количества испытуемых. Нельзя повысить исследовательский результат и за счет расширения объема выборки. В этой связи в судебно-экспертном исследовании в соответствии с принципом индивидуализации особую роль приобретают содержательные доказательства, получаемые на каждом из его стадий.

Хотя предмет экспертизы задан специально сформулированными экспертными вопросами, для психолога в каждом случае он всё же определен не явно. Индивидуальность конкретного дела всегда привносит нечто особенное в методику исследования, даже если алгоритм экспертизы по данной категории дел отработан. В этом состоит специфика судебно-психологического экспертного исследования. Перед психологом стоит задача перевода содержания экспертных вопросов в теоретическую схему предмета исследования, а также выделения психических параметров, которые будут измеряться. Создание теоретической схемы исследования обусловлено методологическими принципами науки психологии. Достоверность конечных результатов экспертизы будет зависеть от того, насколько методологически обоснована общая теоретическая концепция ее предмета. В данном случае речь идет о содержательной валидности исследования. Принятый за методологический норматив принцип задает конкретную теоретическую схему судебного экспертно-психологического исследования.

На этапе подбора психодиагностических приемов и методов проблемы качества научно-экспертного исследования решаются иными средствами. Важное требование на данном этапе – использование надежных и апробированных методик. Оно, как правило, в конкретных экспертизах выполняется. Однако существует и другая важная задача – использование техник, соответствующих предмету исследования. Здесь речь идет об обоснованности, или валидности методики, определяемой тем, что методы должны быть адекватны предмету измерения, и что с их помощью измеряют вполне определенное свойство или признак, не смешивая его с другими. Качественный и количественный состав используемых методов отвечает требованиям уместности, адекватности, необходимости и достаточности.

Валидность методики исследования достигается разными способами. Одно измерение должно контролироваться дополнительными измерениями или сведениями, полученными другими путями. Согласованность данных, полученных из разных источников, свидетельствует о валидности результатов.

На этапе интерпретации полученных данных и формулирования экспертных выводов надежность обеспечивается правильно выбранным контекстом апробированных теоретических положений юридической психологии и судебно-психологической экспертологии, а также учетом согласованности мнений нескольких экспертов.

На основании решения проблем надежности возможно определение научной обоснованности конкретного психологического судебно-экспертного исследования. Она, на наш взгляд, включает несколько компонентов: *методологическая состоятельность*, определяемая реализацией научных принципов психологии; *теоретико-содержательная валидность*, проявляющаяся в построении методологически обоснованной теоретической схемы исследования и выборе измеряемых параметров, адекватных поставленным перед экспертами вопросам, а также корректной интерпретации полученных исследовательских результатов и формулировании обоснованных экспертных выводов; *методическая состоятельность*, характеризующаяся использованием апробированных методов, адекватных экспертным задачам, необходимых и достаточных в количественно-качественном отношении. Ошибки, допущенные на любом из названных уровней системной модели научной обоснованности психологического судебно-экспертного исследования, неизбежно приводят к его оценке как научно несостоятельного.

Таким образом, принципы системности и индивидуализации являются главными принципами судебно-психологического экспертного исследования. Специфика его методологического обеспечения проявляется в том, что системный подход, реализуемый в форме психологических принципов, лежит в основе определения теоретической схемы предмета экспертного исследования, его содержательной стороны (что должно устанавливаться?). Органичное сочетание и единство общенаучных принципов системности и индивидуализации предопределяет инструментальный аспект судебно-психологической экспертизы (каким образом, какими средствами она должна выполняться?).

Для судебно-психологической экспертизы, как и для любого научного исследования, её методологическое обеспечение имеет первостепенное значение. Дальнейшая разработка данной проблемы позволит практикующим психологам-экспертам придерживаться единого подхода при решении одних и тех же экспертных вопросов, выборе методов исследования, формулировании исследовательских выводов, а новые виды экспертиз проводить на основе общепринятой методологии.

Примечания

¹ См.: Андреева Г.М. Методологические проблемы и практика социально-психологических исследова-

ний // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977. С. 3–21.

- ² Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980. С. 11.
- ³ См.: Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М., 1974.
- ⁴ См.: Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. М., 1998. С. 231–232.
- ⁵ См.: Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998. С. 46–54.
- ⁶ См.: Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006.
- ⁷ Андреева Г.М. Указ. соч. С. 3–21.
- ⁸ См.: Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 53, 54.
- ⁹ См.: Коченов М.М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М., 1980. С. 77.
- ¹⁰ См.: Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: В 3 ч. Ч. 2. Защита чести, достоинства и деловой репутации. Саратов, 2002.
- ¹¹ См.: Коченов М.М. Указ. соч. С. 65.
- ¹² Енгальчев В.Ф., Шитшин С.С. Судебно-психологическое исследование фонограмм и видеозаписей // Судебно-психологическая экспертиза. Калуга, 1997.
- ¹³ См.: Южанинова А.Л. Предмет и задачи судебно-психологической экспертизы психического воздействия // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1(53). С. 165–171.
- ¹⁴ Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 179.
- ¹⁵ Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. С. 162.
- ¹⁶ См.: Резвицкий И.И. Личность. Индивидуальность. Общество. Проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М., 1984. С. 98.
- ¹⁷ См.: Сафуанов Ф.С. Указ. соч. С. 108.
- ¹⁸ См.: Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: В 3 ч. Ч. 3. Сделки с пороками воли. Саратов, 2005.
- ¹⁹ См.: Южанинова А.Л. Методологические проблемы судебно-психологического экспертного исследования // Проблемы психологической науки в XXI веке. Саратов, 2006. С. 168–171.
- ²⁰ См.: Насиновская Е.Е. Методы изучения мотивации личности. М., 1988. С. 78.
- ²¹ См.: Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. С. 162–178.
- ²² См.: Романов В.В. Юридическая психология. С. 232.
- ²³ См.: Коньшева Л.П. Анализ материалов уголовного дела – центральный метод судебно-психологической экспертизы // Методы психологии. Ростов н/Д, 1997. Вып. 1. С. 136–138.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙНЫХ ЗНАНИЙ И ИНДИКАТОРЫ КАЧЕСТВА ИХ УСВОЕНИЯ

Е.Н. Гудкова

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики
E-mail: filosof@info.sgu.ru

В статье раскрывается сущность понятийных знаний и рассматриваются индикаторы качества их усвоения.

Ключевые слова: понятийные знания, критерии усвоения, индикаторы качества усвоения, уровни усвоения понятий.

Characteristics of Conceptual Acquirements Quality Adoption Indicator their Perception

E.N. Gudkova

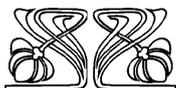
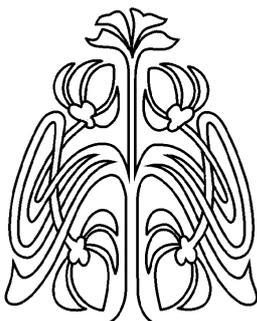
The matter of conceptual acquirements is revealed in this paper and quality adoption indicators are justified.

Key words: conceptual acquirements, criteria of adoption, indicators of perception, levels of perception.

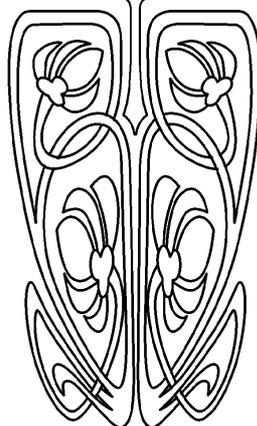
Разработка системы показателей качества усвоения понятийных знаний студентами составляет актуальную проблему. Сформировать систему показателей – это значит указать не только эмпирические индикаторы, функцию которых в нашем исследовании могут выполнять существенные или отличительные признаки понятия, но и средства их фиксации. Для построения системы показателей требуется разработка и введение промежуточной концептуальной модели, в которой каждая абстракция сохраняет в себе конкретное, т.е. связь частей между собой и целым, и выступает не в виде совокупности отличительных признаков, а совокупности существенных отношений. Поиск эмпирических индикаторов – это не только поиск проявлений сущности и средств по фиксации в контексте приложения готового понятия, но и самой сущности через ее проявления и средств фиксации в контексте образования нового понятия. Анализ психолого-педагогической и логико-методологической литературы показал, что отсутствуют публикации, в которых нашло бы отражение решение названной проблемы. Однако, несмотря на отсутствие целостного, последовательного подхода к решению данной проблемы, она нашла свое отражение в работах многих ученых, занимающихся исследованием процесса усвоения знаний учащимися общеобразовательных школ.

В задачу нашего исследования входило раскрытие сущности понятий «понятийное знание» и «знание», разработка системы критериев, способствующих выявлению уровня качества усвоения понятийных знаний студентами университета.

Понятие «понятийное знание» сложное. В нем в качестве родового выступает «знание». В этом смысле «понятийное знание» вовсе не является плеоназмом, а выражает достаточно определенные, применительно к указанной ступени развития педагогической науки, способы его получения, упорядочения, систематизации, обоснования. Опираясь на признаки, которые характеризуют знание вообще, мы раскроем сущ-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ность понятийного знания, без чего характеристика указанного понятия будет поверхностной.

В наиболее концентрированной форме представления о том, какие элементы вычленил в понятии повседневный опыт, дают толковые и энциклопедические словари и справочники. Так, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля указывается три смысловых оттенка понятия «знание»:

- 1) субъективный – знание как принадлежность, свойство знающего что-либо;
- 2) результативно-итоговый – знание как плод учения, опыт;
- 3) отчужденно-объективный – знание как весть, письмо, грамотка.

В словаре русского языка также даны три аспекта:

- а) обладание какими-либо сведениями, осведомленность в какой-либо области;
- б) совокупность идей, сведений, познаний;
- в) постижение действительности в целом и в ее отдельных частях.

Русский семантический словарь под редакцией С.Г. Бархударова, созданный на основе использования средств современной вычислительной техники, в семантическом окружении слова «знание» выделяет 43 слова, которые можно сгруппировать следующим образом: 1) области знания; 2) социальные институты производства знания; 3) социальные роли (по отношению к знанию); 4) уровни психического отражения; 5) компоненты сознания; 6) формы знания; 7) источники знания; 8) философские направления; 9) познавательные действия; 10) отношения и познавательные потребности; 11) качества человека, владеющего знанием; 12) социальные признаки знания.

Если толковые словари по преимуществу ориентированы на очерчивание сферы употребления слова, то энциклопедии и специализированные энциклопедические словари стремятся раскрыть сущность интересующего нас понятия. В первом издании БСЭ «знание» определяется как правильное отражение в представлениях и мышлении общественного человека объективного материального мира. Систематизированное и обобщенное знание определяется как проверенный практикой результат познания действительности, верное отражение ее в сознании человека. Но далее объясняется, что элементарные знания, обусловленные биологическими закономерностями, свойственны и животным. Предполагаемая классификация различает житейские, донаучные, художественные и научные (теоретические и эмпирические) знания.

Логический словарь-справочник¹ определяет знание как целостную и систематизированную совокупность научных понятий о закономерностях природы, общества и мышления.

Философский энциклопедический словарь² трактует знание как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой

результат познания действительности, адекватное ее отражение в виде представлений, понятий, суждений, теорий, отмечая при этом, что знания обладают различной степенью достоверности, отражая диалектику относительной и абсолютной истины. В соответствующей статье Педагогической энциклопедии акцент перенесен на разграничение житейских и научных знаний (важнейший признак последних усматривается в наличии строгих определений), а также на характеристику свойств знаний учащихся (осознанность, глубину, широту).

Неустойчивость терминологического статуса понятия «знание» проявляется в том, что не все специальные издания, в которых можно было бы найти требуемые разъяснения, помещают соответствующие статьи. В частности, они отсутствуют во втором издании БСЭ, в философской энциклопедии, в психологическом словаре.

В дидактике понятие «знание» характеризует одну из важнейших целей обучения, определяет, указывает на средство педагогического процесса, обозначает материал, в котором воплощается педагогический замысел.

Трудности учета свойств «знания» обусловлены в значительной степени трудностями анализа знания. Согласно С.Б. Крымскому, для того чтобы вычленил знание в качестве специфического, обособленного предмета, необходимо следующее: а) абстрагировать знание от процесса его получения, «заморозить» его в логических схемах; б) транспонировать план содержания в план выражения, т.е. хотя бы частично формализовать и символизировать содержание познавательных процессов; в) абстрагировать знание от его субъекта; г) найти субстрат, в котором разнородные элементы знания (факты, образы, идеи, классификации, понятия) можно свести к единому показателю; д) найти системы более интегральные, чем формы мысли, традиционно изучавшиеся в логике, т.е. манифестировать знание в форме логических схем текстов.

Но если для философа-гносеолога знание – специфический объект анализа, то для педагога-практика знание – материал, в котором воплощается его замысел, средство воздействия на обучаемого. В педагогической литературе также можно выделить несколько подходов к анализу знания: диагностический, деятельностный, дидактический, технологический. В рамках диагностического подхода знание рассматривается прежде всего как результат педагогического процесса. Здесь центральной является задача выявления достигнутого уровня усвоения.

Для деятельностного подхода знание есть продукт порождения деятельности, реализации разных вариантов ее построения, в зависимости от которых меняются и характеристики конечного результата продукта.

Дидактический подход к знанию выделяется своей ориентацией на учет особенностей предметных областей деятельности, знанием которых оно является.

Наконец, для технологического подхода специфически ведущей является установка на рассмотрение знания в качестве материала педагогического конструирования, на создание «знаниевых конструкций, призванных формировать заданные характеристики мышления».

Итак, знание есть продукт познания и представляет собой единство субъекта и объекта познания. Formой существования является сознание. Элементарной единицей знания можно считать отдельное общее утверждение, связывающее специфичные для данной отрасли знания, сосредоточенные в понятиях и их определениях.

Попытаемся выделить некоторые отличительные черты понятийного знания, которые представляют собой особую форму целостного отражения объекта и явления, предполагающую усвоение субъектом как ряда характеристик внутреннего строения факта, так и системы его связей с другими фактами.

Отличительные особенности понятийного интегрированного знания пытался в свое время раскрыть Гегель, подчеркивая, что всеобщее на понятийном уровне не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но и уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя³.

Дальнейший анализ понятийного знания показывает, что еще одной отличительной особенностью его является факт упорядочения, иерархизации в сознании студента множества признаков явлений, процессов педагогической действительности. Эту особенность отмечали Л.С. Выготский⁴, М.А. Холодная⁵. Овладевая понятиями, студент способен отличать, выделять существенные и несущественные признаки, свойства, связи, отношения, оценить их, определить уровень обобщения и степень общности.

Структура понятийного знания образована достаточно разнородными компонентами. Их можно разграничить как по характеру отображаемых в них объектов, так и по характеру познавательных процедур, приводящих к их формированию. Эмпирические (описательные) компоненты знания представляют собой продукт фиксации результатов чувственного опыта, познания: наблюдения, измерения визуальной регистрации, первичной классификации и систематизации легализованных в пространстве и времени объектов. От эмпирических компонентов следует отличать их *априорные* элементы, которые являются продуктом абстрагирования от эмпирически необходимых признаков. В целом применительно к педагогической отрасли знания или к отдельной развитой педагогической теории можно говорить о наличии эмпирического, теоретического и диалектического уровней понятийного знания.

Трехуровневость любого элемента понятийного знания предполагает и варианты изложения и усвоения этих знаний: какая из возможных формулировок,

определений выступает в качестве базисной. Этот выбор перераспределяет соотношение элементов понятийного знания контекста и предполагает характер тех представлений, которые должны быть актуализированы в качестве предпосылки усвоения. Варианты различаются в зависимости от полноты эксплицитного использования элементов понятийного контекста. Поскольку дидактически целесообразная форма представления понятийного знания одновременно задает определенную программу осуществления учебно-познавательной деятельности, то варианты изложения понятийного знания в педагогической литературе будут различаться также в зависимости от предусматриваемых видов, уровней и объема этой деятельности, а также от характера диагностических процедур.

К специфике дидактической формы представления понятийных знаний принадлежит также то, что она не может быть ограничена только ориентацией на обеспечение этапа презентации знаний. Дидактическая форма должна включать определенную программу руководства понятийно-терминологической деятельностью на всех этапах ее существования. В частности, дидактически целесообразная форма должна органично включать в свой состав ингредиенты, соответствующие понятийно-терминологическим задачам (ПТЗ) для проведения диагностики достигнутого уровня усвоения студентами понятийных знаний. В нашем исследовании мы предположили, что при определенном уровне усвоения студент сможет ответить на соответствующие вопросы, решая ПТЗ. Например: «В чем различие репродуктивных и проблемных методов обучения?»; «Почему проблему «разностороннего развития личности» нельзя назвать только педагогической? Какие другие науки участвуют в ее решении?»; «Что вы понимаете под «системой народного образования?» Составьте схему, отражающую структуру этой системы».

Чтобы сформировать понятийное знание как элемент мышления (ЭМ), сознания, требуется организовать познавательную деятельность соответствующего типа, уровня, объема. Речь идет о понятийно-терминологической деятельности, осуществление которой должно вести к формированию у студентов умений выполнять следующие логические операции на диалектическом уровне:

- 1) анализировать на уровне сущности явлений;
- 2) осуществлять диалектический анализ через синтез;
- 3) абстрагировать на диалектическом уровне;
- 4) диалектически систематизировать и обобщать;
- 5) осуществлять диалектическое сравнение;
- 6) вскрывать внутренние противоречия и разрешать их, постигать всеобщую объективную связь и развитие.

Поэтому критерии, описывающие уровень усвоения понятийных знаний, могут быть распреде-

лены в соответствии с уровнем сформированности указанных выше операций. Во-первых, разрабатывать систему всеохватывающих критериев нет смысла, так как все оценить нельзя, да этого и не требуется. Во-вторых, критерии должны быть сознательно ограничены небольшим количеством ключевых принципиальных позиций. В-третьих, критерии создаются не столько для оценки извне, сколько для того, чтобы служить инструментом самооценки и самоанализа каждого студента. Наконец, критерии должны быть малочисленными, но ясными для понимания каждого студента и преподавателя.

В связи с этим изменения в характере и результатах учебно-познавательной и понятийно-терминологической деятельности студентов фиксировались на трех уровнях усвоения (α), взаимосвязанных между собой и отличающихся степенями абстракции (β), т.е. описательным языком, на котором происходит вербальное объяснение сущности того или иного понятия. Уровни выделены на основе системы критериев усвоения научных знаний и развития понятий у студентов⁶:

1) α_1 – эмпирический, когда имеет место интуитивное, житейское понимание и поверхностное проникновение в сущность понятия. Происходит выделение и констатация внешних, лежащих на поверхности признаков явления, отраженного в понятии. Для этого уровня характерен репродуктивный характер понятийно-терминологической деятельности;

2) α_{II} – теоретический, когда имеет место раскрытие и овладение сущностью понятия на уровне усвоения одного или нескольких научных определений, механически соединенных между собой или существующих рядоположенно. На этом уровне, равно как и на эмпирическом, возможны эклектический и метафизический подходы к усвоению понятийных знаний. Для этого умения характерна репродуктивная деятельность с элементами творчества;

3) α_{III} – диалектический, объединивший в себе эмпирический и теоретический уровни, когда студенты рассматривают понятие как систему в системе, а явление, отраженное в нем, – на уровне его противоречивой сущности, представляющей собой единство и борьбу противоположностей. На этом уровне происходят выявление, фиксация и разрешение внутренних противоречий понятия посредством конструирования синтетического обобщающего определения педагогического понятия. Понятийно-терминологическая деятельность студентов носит продуктивный характер. Отсюда следует, что процесс усвоения понятийных знаний необходимо начинать с усвоения понятий, выражающих простое, непосредственное с постепенным переходом к усвоению их сущности. Этого требует объективный закон движения мысли.

Показанные три уровня усвоения понятийных знаний представляют собой такую абстракцию, которая дает возможность описать иерархически-пирамидальную структуру понятийной системы

курса педагогики и постулировать соответствующую закономерность усвоения заданного содержания понятийно-терминологической деятельности. В выполненном исследовании подтвердилась мысль о иерархическом построении экспериментальной системы понятий и последовательности в ее усвоении на каждом из выделенных уровней усвоения. Каждый уровень отличается степенью абстракции (β). Мы выделили соответственно три ступени:

1) β_I – феноменологическая, для которой характерно внешнее, поверхностное, феноменологическое описание явлений; каталогизация предметов, т.е. раскрытие понятий на уровне их объема, констатации свойств, признаков, лежащих на поверхности. На этой ступени абстракции студенты используют житейский опыт и житейский язык. Здесь индивидуальное бытие смыкается с окружающим социальным бытием на этом же уровне. Студент полностью замыкается в сфере ситуативности, повседневности, утрачивает способность относиться и понимать педагогическую действительность непредвзято, объективно. А истинное понимание, как известно, беспристрастно;

2) β_{II} – количественно-качественная ступень абстракции. Здесь имеет место примитивно-синтетическое описание явления. Происходит элементарное объяснение сущности явления на основе использования механической цепочки противоположных определений понятия, различных признаков одного и того же понятия. Создаются возможности конструирования синтетического определения понятия. Используется смешанный научно-житейский язык;

3) β_{III} – аксиоматическая ступень. Студент как субъект соотносит свою познавательную деятельность со всем неисчерпаемым содержанием объективной действительности и диалектики. Объяснение явлений происходит с аналитико-синтетическим представлением их сущности и с использованием сложного диалектического аппарата новейших теорий и концепций. Отмечается глубина проникновения в сущность, вырабатывается обобщение педагогических понятий.

На всех этапах, ступенях абстракции педагогические понятия функционируют неодинаково. Поэтому одни студенты руководствуются лишь «теньями» понятий, а не самими понятиями. Отсутствие категориальной ориентации замещается у них псевдо-категориальной. В их сознании кристаллизуются различного рода квазикатегориальные всеобщности, которыми они руководствуются в калейдоскопическом водовороте царства феноменологичности.

Язык таких студентов, которые владеют количественной степенью абстракции, в той или иной мере участвует в выработке и развитии педагогических понятий, в реальной или идеальной сфере, отличается научно-житейским характером. Усвоение и функционирование понятий, оперирование ими осуществляется студентами на теоретическом уровне – объяснения сущности последних.

И только аксиоматическая ступень абстракции позволяет студенту обработать и развить педагогические понятия как собственное достояние своей индивидуальности, как сущностные силы индивида. Работа с понятиями является аспектом его саморазвития, бесконечного становления-восхождения. Мышление начинает свободно переходить от единичного через особенное ко всеобщему, от случайного к необходимому, от явлений к существенному в них, от одного определения сущности ко все более глубокому синтетическому ее определению. Мысль начинает более глубоко отличать действительность, возможное и необходимое.

Поскольку выполнение понятийно-терминологической деятельности, согласно дидактическому принципу научности, предполагает более высокую ступень абстракции, студенты выполняли ее после того, как были сформированы умения диалектически анализировать, синтезировать, сравнивать, обобщать, выявлять и разрешать внутренние противоречия.

УДК 371.3

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЭТИКЕТНЫХ НОРМ ДЕЛОВОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБЩЕНИЯ

Е.В. Осина

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики
E-mail: philosof@info.sgu.ru

Статья посвящена проблеме формирования коммуникативной компетенции студентов на основе этикетных норм делового иноязычного общения. Рассматриваются сущностные характеристики понятий: коммуникативная компетенция, этика делового общения, этикетные нормы делового иноязычного общения. Представлена педагогическая технология формирования данных компетенций у студентов.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, этика делового общения, педагогическая технология.

Forming Students' Communication Competence on the basis of the Etiquette Standards of Business Loan-Word Intercourse

E.V. Osina

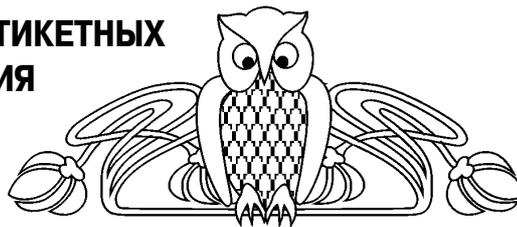
This article is dedicated to students' communication on the basis of the etiquette standards of business loan-words intercourse. We consider the following main descriptions: communication competence, business intercourse ethics, and etiquette standards of business loan-word intercourse. The pedagogical forming technology of such competences among the students has been represented.

Key words: communication competence, business intercourse ethics, pedagogical technology.

Аксиомой качественного усвоения понятийных знаний и сформированности понятийно-диалектического мышления является то, что, не научившись оперировать понятиями, усвоенными на диалектическом уровне, нельзя правильно провести ни одну мыслительную операцию.

Примечания

- 1 Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.
- 2 Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1981.
- 3 Гегель Г. Работы разных лет: В 2 т. М., Т. 2. С. 123–212.
- 4 Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
- 5 Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983.
- 6 Беспалько В.П., Татур Ю.Г. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов. М., 1989.

Вступление нашей страны в единое мировое экономическое пространство, происходящие процессы глобализации, взаимодействие и взаимозависимость различных стран придают проблеме этических норм общения, в том числе делового, особую значимость. Конкуренция в глобальной экономике оказывается в значительной степени детерминированной пониманием иных культур. Обеспечение делового успеха напрямую зависит от учета культурных различий отдельных стран. По мнению М.М. Босрок, внимание и уважение, знание культуры других стран, соответствующих типов поведения, в том числе вербального, поможет «избежать многих недоразумений и общаться понятно и эффективно, так как вы установите продуктивные деловые взаимоотношения»¹.

Необходимость формирования у студентов коммуникативных компетенций с использованием этикетных норм делового иноязычного общения определяется социальным заказом, сформулированным в государственном стандарте высшего профессионального образования. В условиях его модернизации поставлена задача подготовки специалистов, способных осуществлять деловое

иноязычное общение, владеть компетенциями, относящимися к владению устной и письменной коммуникацией, а также межкультурными компетенциями, предполагающими знание культуры, традиций, этических и этикетных норм различных стран. Будущий специалист должен освоить стратегию и тактику диалогового и группового иноязычного общения, владеть компетенциями установления, поддержания деловых контактов. Важность профессиональной подготовки специалистов в данном аспекте обусловлена тем, что культура делового общения в зарубежных странах относится к числу важнейших личностных характеристик современного делового человека.

Формирование коммуникативной компетенции на основе этикетных норм иноязычного делового общения у студентов предполагает учет ключевых компетенций, определение которых было осуществлено Советом Европы и которыми должны владеть молодые европейцы. В контексте проводимого исследования необходимо выделить три группы таких компетенций, а именно:

– политические и социальные (способность участвовать в принятии групповых решений, разрешать конфликты ненасильственно);

– связанные с жизнью в многокультурном обществе (владение межкультурными компетенциями, например, принятие различий, уважение других);

– относящиеся к владению устной и письменной коммуникацией, важные для работы и социальной жизни: необходимость владения более чем одним языком².

Особое значение для проводимого исследования имеют взгляды И.А. Зимней, которая среди 10 видов компетенций специально выделила блок социальных компетенций, относящихся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы. Данный блок включает, наряду с компетенциями социального взаимодействия с обществом и семьей, коммуникативную компетенцию.

Анализ педагогической литературы (И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, В.Д. Шадриков, А.В. Хуторской) позволил определить следующие существенные характеристики коммуникативной компетенции и дать ее определение: будучи внутренним потенциалом новообразованием, она представляет способность и готовность студентов к осуществлению коммуникативной деятельности, в частности в процессе делового иноязычного общения, характеризуется положительной мотивацией и ценностно-смысловым представлением как о содержании, так и о результате этой деятельности, наличием когнитивной составляющей, определяющей способ ее функционирования³.

Данная компетенция позволяет субъекту делового общения регулировать свое речевое поведение. В особой степени это важно, когда процесс делового общения осуществляется в таких сферах, как политика, экономика. Реализация делового иноязычного общения имеет свою специфику

применительно к деловому сотрудничеству представителей различных стран.

В процессе делового иноязычного общения осуществляется выбор адекватных единиц общения с учетом экстралингвистических условий деловых отношений. В этой ситуации значение речевого этикета, этических и этикетных норм той или иной страны приобретает первостепенную значимость, поскольку речевой этикет содержит национально-культурную специфику межличностного общения, которая включает принятые в данном обществе вербальные и невербальные нормы речевого поведения.

Рассмотрение проблемы этикетных норм делового иноязычного общения требует обратиться к понятиям этика делового общения, этикет, речевой этикет.

Деловая этика или этика делового общения в обобщенном виде в настоящее время трактуется как система этических норм предпринимателя, делового человека, соответствие его деловой активности нравственным нормам данного общества облику-имиджу, характеру общения с деловыми партнерами⁴.

Анализ генезиса понятия этикет, а также раскрытие его особенностей и норм различными авторами показывает, что он представляет важную часть культуры межличностного общения, общечеловеческой культуры и морали, создаваемой на протяжении многих веков в различных общественно-экономических формациях в соответствии с ценностными ориентациями данного общества. Важно отметить, что данное понятие соотносится «с правилами ритуализированного (в широком смысле) социального поведения, которые отражают существенные для данного общества моральные этические нормы»⁵.

Речевой этикет, по мнению Е.В. Гольдина, – это устойчивые формулы вежливости, относящиеся к знаковой системе и связанные с речью⁶. Этикетные правила вежливости направлены на сближение позиций партнеров, учет взаимных интересов. Соблюдение этикетных речевых норм особенно важно в начале общения, оно способствует установлению контактов между партнерами по общению для последующей реализации целей делового общения в необходимом для субъекта направлении.

Данный подход разделяет Н.И. Формановская, определяя речевой этикет как инструмент для реализации продуктивного межличностного общения в соответствии с этическими нормами общества с учётом той или иной ситуации общения⁷.

Успешное осуществление межличностного общения между деловыми партнерами определяется владением и знанием собеседником речевого этикета, составляющим, по мнению ученой, элемент вежливости, с помощью которого «... мы демонстрируем присущую нам культуру поведения, культуру общения»⁸. Данный вывод авторов имеет большое методологическое значение для решения

проблемы формирования этикетных норм делового иноязычного общения у студентов, поскольку вежливость и учтивость означают признание достоинства собеседника, уважение его личности, что играет существенную роль при проведении деловых переговоров, оказывает благотворное влияние на собеседника и в целом на ход деловых переговоров.

Утверждение Н.И. Формановской о том, что речевой этикет представляет важный элемент всякой национальной культуры, играет важную роль для формирования этических норм делового иноязычного общения у студентов вузов и предполагает овладение совокупностью языковых и речевых этикетных норм конкретной страны⁹.

Таким образом, этикетные (речевые) нормы соотносятся с этикетными устойчивыми правилами, формулами вежливости в конкретной ситуации делового общения.

Используя при деловом общении адекватные для представителя данной страны этикетные формы приветствия, обращения, согласия, партнер тем самым адресно выстраивает ход деловых переговоров, используя возможности вербальных компонентов общения.

Формирование коммуникативных компетенций с использованием этикетных норм делового иноязычного общения базируется на тесной взаимосвязи этических и коммуникативных норм. Они выступают в роли механизма, регулирующего все стороны и стадии делового общения, так как направлены на возникновение контакта, реализацию делового общения и получение запланированных результатов. По сути этические и коммуникативные нормы способствуют в виде рекомендаций, предписаний, запретов объединению партнеров по деловому общению, делают его конструктивным и неконфликтным.

Взаимосвязь этических и коммуникативных норм делового иноязычного общения проявляется в следующем:

– регулируя моральную и содержательную сторону общения, этические нормы в значительной степени определяют закономерности самого процесса коммуникации, использования тех или иных речевых форм;

– коммуникативность этических норм обязывает партнеров по деловому общению использовать этикетные речевые формулы в соответствующих ситуациях (приветствия, прощания, поздравления, извинения, благодарности, просьбы, комплимента, оценки, приглашения, отказа и т.д.), которые не приведут к барьерам в общении, а будут способствовать благоприятному и эффективному течению переговорного процесса;

– соблюдение этических и этикетных норм делового иноязычного общения означает защиту моральных и нравственных ценностей иной культуры, при этом речь выполняет важную социальную функцию объединения субъектов делового общения;

– этическими нормами речевой деятельности как процесса коммуникации являются: вежливость; использование соответствующих для данной страны этикетных форм; лаконичность, направленная на уважительное отношение к занятости партнера по общению; правдивость, предполагающая ведение честных переговоров; понятность, учитывающая трудности владения иноязычной речью; логичность, направленная на эффективное ведение переговорного процесса.

Формирование коммуникативной компетенции студентов с использованием этикетных норм делового иноязычного общения было реализовано с помощью авторской педагогической технологии, проектирование которой осуществлялось на концептуальном, содержательном и процессуальном уровнях.

Концептуальный компонент авторской технологии базировался на ведущих теориях компетентностного подхода к организации образовательного процесса в высшей школе (И.А. Зимняя, Ю.Г. Татур, А.В. Хуторской, В.Д. Шадриков). Он содержал целевую установку коммуникативной компетенции с использованием этикетных норм делового иноязычного общения.

Содержательный компонент технологии предполагал разработку и внедрение в образовательный процесс экспериментальных групп авторских учебных пособий («Основы иноязычного делового общения», «Основы иноязычного письменного делового общения»), направленных на эффективное формирование данных компетенций студентов, а также введение в существующие учебные планы кафедры новых тем для изучения: «Устная деловая речь», «Письменная деловая речь».

Процессуальный компонент авторской технологии включал эффективные формы: ролевые игры («Деловые переговоры с американцами», «Деловой этикет – кодекс поведения»); презентации проектов («Национальные стили делового общения», «Этикетные требования к деловому общению»); методы (работа с электронными учебниками, словарями, базой данных Интернет) и средства обучения (зарубежные учебники «Америка сегодня», «Взаимодействие»; аутентичные журналы по специальности студентов; компьютерные программы; образцы деловых переговоров).

Результаты экспериментального исследования, проведенного на основе внедрения авторской педагогической технологии, позволили выявить тенденцию к преобладанию более высокого уровня сформированности коммуникативной компетенции на основе этикетных норм делового иноязычного общения у студентов экспериментальных групп.

Примечания

¹ Босрок М.М. Деловая Европа. М., 2007. С. 16.

² См.: *Hutmacher Walo*. Key competencies for Europe. Strasburg, 1997. P. 11.

- ³ См.: Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Педагогика. 2003. № 3. С. 34–41; Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. 2004. № 3. С. 20–26; Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Там же. № 8. С. 26–31; Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. М., 2002.
- ⁴ Бенедиктова В.И. О деловой этике и этикете. М., 1994;

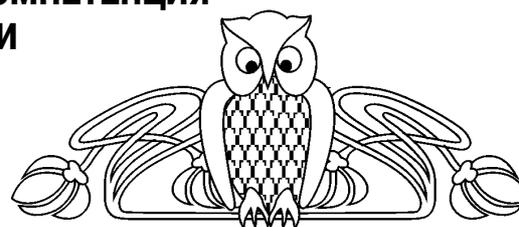
- Громова Н.М. Деловое общение. М., 2005; Макаров Б.Ф. Деловой этикет и общение. М., 2006; Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М., 2000; Лосева О.А. Культура делового общения. Саратов, 2003.
- ⁵ Формановская Н.И. Речевой этикет и культуры общения. М., 1989.
- ⁶ Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов, 1976.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Формановская Н.И. С. 67.
- ⁹ Там же. С. 151.

УДК 371.3

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М.Н. Раздобарова

Саратовский государственный аграрный университет,
кафедра педагогики
E-mail: filosof@info.sgu.ru

Статья посвящена проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетенции студентов вузов. Данная проблема раскрывается применительно к условиям модернизации высшего профессионального образования. Рассматриваются сущностные характеристики понятий «компетентность», «компетенция», «межкультурная коммуникативная компетенция». Представлен процесс формирования данной компетенции студентов в условиях Саратовского аграрного университета.

Ключевые слова: модернизация профессионального образования, компетенция, межкультурная коммуникативная компетенция.

Intercultural Communicative Students' Competence in Conditions of Professional Education Modernization

М.Н. Razdobarova

The article highlights the problem of forming students' intercultural communicative competence in higher educational establishments. This problem is revealed according to modernization of higher professional education. The main essence of such concepts as expertise, competence and intercultural communicative competence is considered. The formation of the process of students' competence within the Saratov State Agrarian University is described.

Key words: modernization of professional education, competence, intercultural communication competence.

Присоединение нашей страны к Болонской конвенции, интеграция современного отечественного образования в систему мирового образовательного пространства обусловили необходимость его модернизации. На повестке дня стоит вопрос о приведении в соответствие государственных образовательных стандартов, используемых педагогических технологий мировым достижениям в области образования.

Внедрение модернизированных технологий, повышение качества образовательного процесса

связаны с активным использованием компетентностного подхода к организации и оценке результатов образовательного процесса в практике высшей профессиональной школы.

Основные положения этого подхода содержатся в нормативных документах «Стратегии модернизации содержания образования» (2001), «Концепции модернизации российского образования до 2010 года». Разработчики данной стратегии при рассмотрении понятия «компетентность» трактуют ее как более широкое по сравнению с совокупностью знаний, умений и навыков обучаемых. Наряду с когнитивной и операционально-технологической она включает мотивационную, этическую, социальную и поведенческую составляющие. Среди выделенных в этом документе трёх групп компетентностей представляет интерес в связи с рассматриваемой проблемой третья группа, включающая компетентность, которая предполагает умение ориентироваться в нормах и этике взаимоотношений.

Результатом международных исследований явилось определение Советом Европы пяти ключевых компетенций, среди которых выделена межкультурная компетенция.

Проблема компетентностного подхода получила освещение в психолого-педагогической литературе по ряду направлений: инновационная модель профессиональной подготовки специалистов и компетентностный подход (Ю.Г. Татур, В.Д. Шадриков); компетенции как новая парадигма результатов образования (И.А. Зимняя); компетенции в современном обществе (Дж. Равен); профессиональная компетентность как качество образования (А.А. Дорофеев); сущностные характеристики компетентности (О.А. Булавенко); технология формирования профессиональной компетентности (Л.Л. Никитина).

Рассмотрение компетентностного подхода требует обращения к понятиям компетентность и компетенция. Приведённое в Словаре русского языка С.И. Ожегова значение термина компетентный как «...знающий, осведомлённый, авторитетный в какой-нибудь области правомочный, имеющий право на существование определённого вида деятельности, квалифицированный, профессиональный» соотнесено со словом специалист. Понятие компетентность, данное в этом словаре, означает «...обладание знаниями, позволяющими судить о чём-либо»¹. Таким образом, понятие компетентность позволяет ассоциировать его с качественной характеристикой личности специалиста, владеющего знаниями и опытом профессиональной деятельности.

В соответствии со Словарём иностранных слов термин компетенция означает осведомлённость, владение какими-либо знаниями и опытом и способностью осуществлять этот опыт². Представляет интерес трактовка данного понятия И.А. Зимней, которая соотносит его с потенциальным психологическим новообразованием, состоящим из знаний, представлений, программ (алгоритмы действий, системы ценностей и отношений), которые затем выявляются в компетентностях человека³.

Рассматривая понятие компетенции, необходимо коснуться вопроса об их классификациях в психолого-педагогической литературе, выделив при этом несколько направлений. Исходя из методологического ориентира, что человек является субъектом общения, проявляется и реализуется в системе отношений к обществу, другим людям и к себе, что компетентность человека имеет вектор аксиологического развития и входит в состав профессионализма, И.А. Зимняя выделила 10 компетенций, составляющих три блока: личностные (относящиеся к самому себе как к личности, субъекту деятельности, общения); социальные, соотносимые с социальным взаимодействием человека и социальной сферы, и деятельностные, относящиеся к собственной деятельности человека⁴. Анализ выделенных групп компетенций показывает, что в связи с проблемой межкультурной коммуникативной компетенции, которая является предметом данной статьи, представляют интерес первые две группы.

В контексте данной статьи является значимой и классификация, предложенная В.П. Колесовым, который выделил личностные компетенции и компетенции межличностного общения как важные для социализации выпускников в новой социокультурной действительности⁵.

Анализ представленных работ, а также трудов В.И. Андреева, Ю.Г. Татур, В.Д. Шадрикова и нормативных документов по модернизации современного высшего профессионального образования позволяет сделать вывод, что социально-личностные компетенции выделены во всех классификациях и определены как социально-личностные (В.Д. Шадриков); коммуникативные социального взаимодействия (И.А. Зимняя);

компетенции в сфере социальных отношений (Ю.Г. Татур); личностные и компетенции межличностного общения (И.П. Колесов); личностные и межличностные компетенции (В.И. Андреев).

Исследование межкультурной коммуникативной компетенции, принадлежащей к группе социально-личностных компетенций, получило освещение в трудах отечественных учёных соответственно нескольких направлений: концепции диалога культур в образовании и в обучении иностранным языкам (В.С. Библер, С.Ю. Курганов, В.В. Сафонова, Е.И. Пассов); основы межкультурной и языковой коммуникации (Е.М. Верещагин, Г.В. Елизарова, Э.П. Шубин); формирование социокультурной компетенции обучаемых (В.Г. Воробьёв, А.В. Литвинов); формирование межкультурной компетенции (И.А. Зимняя, С.В. Муреева, И.С. Соловьёва, Т.В. Парфёнова, Т.М. Пермякова, Т.А. Ткаченко); межкультурная коммуникативная компетенция студентов в процессе профессиональной подготовки (И.Л. Плужник).

Анализ работ И.А. Зимней⁶, С.В. Муреевой⁷, И.Л. Плужник⁸, Т.А. Ткаченко⁹, Т.В. Парфёновой¹⁰ позволяет определить межкультурную коммуникативную компетенцию как интегральное личностное образование, включающее следующие компоненты:

- общекультурный (осведомлённость в области общекультурологических знаний и систем ценностей, существующих в различных странах);
- социокультурный (владение умениями межличностного вербального общения с представителями другой страны, соблюдение соответствующих этических и этикетных речевых норм);
- лингвосоциокультурный, предполагающий знание лексических и грамматических единиц, присущих языку различных стран, их правильное использование в коммуникативном процессе.

Сформированные межкультурные коммуникативные компетенции становятся необходимой составляющей в профессиональной подготовке студентов, способствуют их успешной адаптации на международном рынке труда. На современном этапе развития высшей школы оказываются востребованными выпускники, способные осуществлять иноязычное общение, владеть умениями устной и письменной коммуникации.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов в условиях модернизации профессионального образования в Саратовском аграрном университете имеет следующие содержательные и технологические особенности.

В рамках университета при содействии международной благотворительной организации Rotary Club работает международный отдел, который активно сотрудничает с такими зарубежными странами, как США, Германия, Финляндия. Благодаря интенсивной деятельности отдела возможность регулярно стажироваться за границей имеют как преподаватели университета, так и студенты.

Современная геоэкономическая и геокультурная ситуация обуславливает необходимость владеть межкультурной коммуникативной компетенцией, и важную роль в этом играет язык, выступающий инструментом, с помощью которого становится реальностью взаимопонимание и взаимодействие между представителями различных лингвоэтносообществ. Совершенно очевидна возрастающая роль иностранного языка в профессиональной подготовке студентов и необходимость формирования у них данной компетенции, чему уделяется большое внимание в университете. Непосредственно соприкоснувшись с культурой стран изучаемого языка, посещая лекции и семинарские занятия, общаясь с носителями языка за рубежом, преподаватель впоследствии выступает в роли источника информации о другой культуре.

При международном отделе аграрного университета функционирует лингвистический центр, где осуществляется лингвокультуроведческая подготовка студентов к стажировке за рубежом. Так как аграрный университет имеет сельскохозяйственную направленность, то на практику в аграрные регионы разных стран отправляют студентов таких специальностей, как ветеринария, переработка сельскохозяйственной продукции, агропромышленного рынка, пищевая инженерия, стандартизация и сертификация продуктов питания. Задача лингвистического центра заключается прежде всего в том, чтобы, во-первых, помочь студентам овладеть необходимым набором лексики, а во-вторых, углубить и расширить свои знания о культуре другой страны, в которой они будут не только проходить стажировку, посещать лекции и семинары, но и ежедневно общаться с другими людьми. Таким образом, лингвистический центр является эффективным для обучения межкультурной коммуникации в аграрном университете.

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции в сфере профессиональной подготовки студентов наиболее интенсивно осуществляется на аудиторных занятиях. Проводятся ролевые игры («В американском посольстве», «Культура Великобритании», «Русский балет глазами американцев» и др.), с помощью которых удается создать реальные ситуации иноязычного общения. Так, при изучении темы «Жизнь студентов» обучаемым предлагается «посетить» Оксфордский университет в Англии и «побеседовать» там с преподавателями о своей будущей профессии. Подобный вид работы не просто знакомит студентов с иноязычной культурой, но и учит воспринимать и понимать ее.

Большую роль в формировании межкультурной коммуникативной компетенции играет самостоятельная работа студентов, предполагающая поиск необходимого страноведческого материала в сети Интернет, результатом которой становятся презентации проектов с их последующим обсуждением. Так, итогом защиты проекта «Экономика в англоговорящих странах» на факультете агропромышленного рынка стало занятие-тендер (со-

стыжение), где студенты, объединившись в группы, представляли в качестве проектов свои туристические фирмы и приглашали посетить ту или иную страну, рассказывая о ней. Выполняя роль менеджера туристического агентства, студент должен был заинтересовать студента-клиента и продать ему путевку. В данном случае применение проектной методики позволяет студентам самим выбирать интересующие их факты, связанные с изучением иноязычной культуры.

На основе разнообразных методов и приемов подачи материала происходит моделирование социокультурного пространства, формирование представлений обучаемых об окружающем мире и определение своего места в нем. Содержание отдельных текстов, а также методические приемы работы с ними помогают студентам увидеть себя в качестве равноправных представителей мирового сообщества, объединенных общими интересами.

В контексте обсуждаемой проблемы важно отметить, что, выполняя любое задание, связанное с детальным исследованием другой культуры, студенты обязательно связывают изученный материал с реалиями, имеющими место в российской культуре. В ходе таких занятий происходит диалог культур, в результате которого у студентов формируется межкультурная коммуникативная компетенция, помогающая решать возникающие проблемы, неизбежные в реальной межкультурной коммуникации.

Примечания

- 1 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.
- 2 См.: Словарь иностранных слов М., 1997.
- 3 См.: Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Педагогика. 2003. № 3. С. 34–42.
- 4 Там же.
- 5 См.: Колесов В.П. О классификациях компетенций // Высшее образование сегодня. 2000. № 2. С. 20–22; Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Там же. 2004. № 3. С. 20–26.
- 6 Зимняя И.А. Указ. соч.
- 7 Муреева С.В. Развитие межкультурной компетенции будущих юристов при изучении классической латыни: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2001.
- 8 Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003.
- 9 Ткаченко Т.А. Формирование межкультурной компетенции как фактора профессионального самоопределения будущего специалиста: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2005.
- 10 Парфенова Т.А. Формирование межкультурной компетентности студентов вузов в процессе учебно-игровой деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2006.

УДК 15:378.1

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ

Л.Ю. Солдунова

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики
E-mail: philosof@info.sgu.ru

Статья посвящена истории развития идей педагогической антропологии в российской педагогике. Автор характеризует шесть этапов в развитии педагогической антропологии. Для ознакомления с достижениями педагогической антропологии широких масс учителей предлагается использовать потенциал системы повышения квалификации работников образования.

Ключевые слова: педагогическая антропология, этапы развития, повышение квалификации учителей.

The Stages of Developing Pedagogical Anthropology in Russia

L.Y. Soldunova

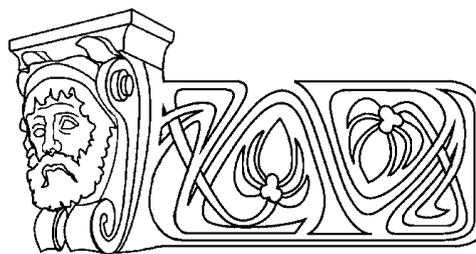
The article considers the history of developing concepts of pedagogical anthropology in Russian pedagogy. The author highlights and describes the six stages of developing pedagogical anthropology. We propose the use of the system of increasing educators' qualification.

Key words: pedagogical anthropology, stages of development, increasing educators' qualification.

В развитии педагогической антропологии в России можно выделить *шесть* этапов.

Первый этап (с X в. до 60-гг. XVIII в.) – возникновение и развитие христианско-православной антропологии. В это время образование носило сугубо религиозный характер, педагогика основывалась исключительно на христианской антропологии, на ветхозаветных традициях. Ведущую роль в обучении и воспитании играли книги Святого Писания, «Поучение князя Владимира Мономаха детям», древнерусские сборники, имеющие педагогическую направленность: Пчела, Златоуст, Измарагд, а в более позднее время – и Домострой. Особым авторитетом пользовался святой Иоанн Златоуст, сочинение которого «Слово о воспитании детей» во множестве списков распространялось по Руси. Школа держалась на зубрежке и физическом насилии. П.Ф. Каптерев писал о педагогике тех времен: «Воспитательный идеал был ветхозаветный, суровый, исключаяющий самостоятельность и свободу детской личности, всецело подчинявший детей воле родительской, не хотевший даже знать и считаться с вполне естественными потребностями детей в игре, смехе и веселье. Страх детского неповиновения и своеволия проникает в педагогические наставления»¹.

Второй этап (с 60-гг. XVIII в. до второй половины XIX в.) – возникновение и формирование в отечественной педагогике важнейших

современных антропологических компонентов: введение классно-урочной системы обучения, отмена телесных наказаний. Инициатива реформирования школы принадлежала Екатерине II. Поклонница Жана-Жака Руссо, она привнесла ряд его идей и в создание системы образования в России. Согласно проекту реформирования образования отношения учителя к детям должны были основываться на новых, более гуманных педагогических идеях: не должны были применяться телесные наказания. Для поддержания классной дисциплины рекомендовалось использовать такие меры, как «увещание, предостережения, угрозы, устыжение и лишение приятного», заимствованные из австрийского методического руководства «Methodenbuch»². Существенным прогрессом было введение новых, более гуманных и антропологически обоснованных методов преподавания. Идеальным порядком в классе петровской школы считалось, когда каждый ученик твердил вслух свою часть предмета. При этом в одном классе были собраны ученики, находившиеся на разных стадиях обучения, и каждый зубрил свой урок. Чем больший шум стоял в классе, тем большее усердие проявлял класс, тем успешнее считалось ведение занятий. По введенной Екатериной II так называемой австрийской методике учитель занимался не отдельно с каждым учеником по его вопросу, а со всем классом вместе по общему для всех уроку. Шум в классе заменился молчанием и общим вниманием к объяснениям учителя. Роль учителя сводилась исключительно к руководству заучиванием изложенного, и только в редких случаях, например, при изучении арифметики, ему приходилось давать собственные наглядные и более понятные объяснения. Иногда рекомендовалось допускать рассказ своими словами, использовать наглядное обучение, побуждать учеников в самостоятельной мысли.

К сожалению, не все идеи были реализованы на практике, однако они внесли определенный вклад в развитие идей педагогической антропологии.

Третий этап (с 1867 г. по октябрь 1917 г.) начинается со знаменитой монографии К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», опубликованной в 1867 г. В работе К.Д. Ушинский задал

такой импульс исследования физиологических, психологических, духовных аспектов обучения и воспитания растущего и развивающегося человека, что он до сих пор вдохновляет ученых на поиск путей всестороннего развития личности, формирования гармоничных взаимоотношений личности и общества. Центральной идеей педагогической антропологии является мысль о том, что средства воспитательных влияний должны быть почерпнуты из самой природы человека³. Отдельные науки – физиология, педиатрия, психология, социология, этнология – подходили к ребенку каждая со своих позиций, не давая синтезированного знания о нем. Выдвинутая же К.Д. Ушинским концепция педагогической антропологии дала мощный толчок целостному изучению ребенка. К.Д. Ушинский превратил тенденцию антропологизации педагогического знания в научную проблему, в решение которой включились многие ученые, что вызвало разнообразие взглядов и подходов к проблеме человека как предмета воспитания. Именно это разнообразие направлений исследования человека как предмета воспитания является основной характеристикой дореволюционного периода. Доказательством тому служат работы известных педагогов, психологов, физиологов и гигиенистов П.П. Блонского, К.Н. Вентцеля, П.Ф. Каптерева, В.П. Вахтерова, М.И. Демкова, Е.А. Звягинцева, А.М. Обухова, С.О. Серополко, Н.В. Чехова, Г.А. Фальборка, В.И. Чарнолуского, М.М. Рубинштейна, В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, М.Я. Басова, П.Ф. Лесгафта, а также работы по педологии, основоположниками которой в России стали П.П. Блонский и А.П. Нечаев.

В продолжение *четвертого* этапа (с 1917 до 1936 г.) различные направления педагогической антропологии получили дальнейшее развитие. Мы считаем, что этому способствовал определенный плюрализм мнений, существовавший в то время. Советская власть в тот период еще не являлась прерогативой только большевиков: их попутчиками были и меньшевики, и умеренные эсеры, чьи воззрения значительно отличались от большевистских. Да и сама РКП(б) еще не представляла собой твердокаменную крепость: в её состав входили такие авторитетные лидеры, как Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин и другие, в дальнейшем изгнанные из страны или репрессированные.

Трехтомное издание «Педагогической энциклопедии», вышедшее в 1927 г.⁴, в полном объеме представляет развивавшиеся тогда направления педагогической антропологии: возрастную педологию (П.П. Блонский), педологию исключительного детства (детей одаренных, с девиантным поведением, слабо видящих и слабо слышащих, глухонемых) (В.П. Кащенко и Г.В. Мурашев), педагогические основы работы с умственно-отсталыми и физически дефектив-

ными детьми (Л.С. Выготский), психологию, мышление и характер человека (М.Я. Басов, И.А. Арямов, В.А. Артемов). Как следует из вышесказанного, значительное место в этих направлениях занимала педология, наибольший вклад в развитие которой внесли П.П. Блонский, Н.Е. Румянцев, А.П. Нечаев, М.Я. Басов, В.П. Кащенко, Л.С. Выготский, М.М. Рубинштейн и другие видные ученые.

К концу 20-х – началу 30-х гг. XX в. в отечественной педагогике идея всестороннего воспитания человека фактически превратилась в идею всестороннего, тотального контроля над мыслями, чувствами и поведением людей. Не отрицая человекознания, Н.К. Крупская, А.В. Луначарский, В.В. Воровский, М.Н. Покровский и другие сторонники данного направления волюнтаристски считали людей кошками и податливыми, были уверены, что с помощью воспитания и обучения развитие человеческой природы можно подчинить воле коммунистической партии. Утверждение в России тоталитаризма привело к тому, что педагогическая антропология, активно развивавшаяся в начальный советский период, к середине 30-х гг. XX в. стала сворачиваться. Драматическая судьба постигла и её ведущее в тот период направление – педологию. Определённую роль в запрете этой науки сыграло то обстоятельство, что учёные-педологи не смогли предложить учителям-практикам вполне сформированную, научно обоснованную теорию. Стремясь объединить знания о ребёнке, полученные в различных областях науки, педологи подчас соединяли несоединимое, их уличали в некачественном использовании методов диагностики физического и психического развития детей⁵. Не случайно П.П. Блонский настаивал на том, чтобы педолог находился в центре школьной работы, он обязан действовать вместе с педагогом, врачом, физиологом, психологом; только так может быть получено полноценное, многостороннее знание о ребенке.

С запрещением педологии и усилением идеологического прессы в педагогике само понятие педагогической антропологии на многие годы вышло из употребления. Начался *пятый* этап, продолжавшийся с 1936 г. по 1987 год, – тоталитарный этап, когда педагогическая антропология находилась под запретом, и лишь отдельные её идеи реализовывались в авторской школе. Тем не менее, как уже отмечалось выше, идеи педагогической антропологии жили в творчестве наиболее одарённых педагогов того времени (А.С. Макаренко, В.С. Сухомлинского и других).

Начало *шестого*, постсоветского этапа отсчитывается с 1988 г., когда Б.М. Бим-Бад поставил вопрос о необходимости возрождения педагогической антропологии в России в контексте практического педагогического взаимодействия. Определенное влияние на форми-

рование современного этапа педагогической антропологии оказала философская антропология. Б.М. Бим-Бад доказал, что на протяжении всей человеческой истории педагогика всегда имела фундамент – педагогически интерпретированное человекознание, «вне зависимости от того, сложилось ли оно в специально разрабатываемую научную дисциплину... или пронизывало собой ту или иную систему»⁶.

По мнению Б.М. Бим-Бада, педагогическая антропология есть «часть педагогики, посвященная познанию человека как воспитателя и воспитуемого», которая «отвечает на вопросы о природе человека и людского общества, обучаемости человека и групп людей»⁷. Педагогика как наука и искусство совершенствования человека и групп людей с помощью образования, воспитания и обучения невозможна без понимания природы человека, знания возможностей и границ его развития. Поэтому фундаментом всего знания педагогики должна стать педагогическая антропология, дающая теории образования, воспитания и обучения знание о человеке как воспитуемом (обучаемом) и воспитателе (учителе) и вместе с ней являющаяся основой философии педагогики – области знания о педагогике как теории и практике. Б.М. Бим-Бад высказал мысль, что модели педагогического процесса, эффективные педагогические технологии должны центрироваться вокруг достоверных знаний о природе человека и опираться на законы развития человека и человечества. Поэтому задача педагогической антропологии состоит в том, чтобы узнать и понять человека как воспитателя и воспитуемого, выработать законы индивидуального и группового развития, которые должны стать основой воспитания.

В современной России наблюдается определенная диверсификация педагогической антропологии, связанная с различием мнений различных ученых о месте педагогической антропологии в системе педагогических наук, о включении в неё тех или иных разделов. Большинство ученых поддерживается точка зрения Б.М. Бим-Бада о том, что педагогическая антропология является составной частью и базисом педагогики. Согласно же другой точке зрения (В.В. Чистяков, Л.К. Рахлевская) педагогическая антропология представляет собой самостоятельную науку, более того, систему человековедческих наук, включающую, в том числе, педагогику.

Диверсификация, однако, не нарушает целостности педагогической антропологии, а скорее, обогащает её. Так, Г.Б. Корнетов отмечает, что различные трактовки педагогической антропологии «часто присутствуют в работах одних и тех же авторов, как бы дополняя друг друга в различных исследовательских контекстах»⁸. Ещё одним доказательством тому служит позиция Г.М. Коджаспировой, которая рассматривает педагогическую антропологию в соединении обоих подходов и представляет её как самостоятельную науку в системе философско-педагогическо-антропологического знания, выступающую методологией антропоориентированной педагогики⁹.

В настоящее время педагогическая антропология входит в программы обучения высшей школы по некоторым педагогическим специальностям. Важной проблемой является ознакомление с достижениями педагогической антропологии широких масс учителей, не изучавших данный курс в вузе. И здесь, по нашему мнению, необходимо использовать потенциал институтов дополнительного профессионального образования (повышения квалификации) работников образования.

Примечания

- 1 *Кантерев П.Ф.* История русской педагогики // Педагогика. 1993. № 3. С. 44–57.
- 2 См.: *Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II* / Сост. С.А. Князьков, Н.И. Сербов; под ред. проф. С.В. Рождественского. М., 1910. С. 132.
- 3 См.: *Сластенин В.А.* Антропологический подход в педагогическом образовании // Народное образование. 1994. № 9/10. С. 124–126.
- 4 См.: *Педагогическая энциклопедия: В 3 т. Т. I.* / Под ред. А.Г. Калашникова при участии М.С. Эпштейна. М., 1927.
- 5 *Сластенин В.А.* Указ. соч. С. 126.
- 6 См.: *Бим-Бад Б.М.* О перспективах возрождения педагогической антропологии // Сов. педагогика. 1988. № 11. С. 38–43.
- 7 *Бим-Бад Б.М.* Изучение людей как воспитателей и воспитуемых // Вестник Университета Российской академии образования. М., 2002. Вып. 3(17). С. 3.
- 8 *Корнетов Г.Б.* Историко-педагогическое познание на пороге XXI века: перспективы антропологического подхода. Владимир, 1998.
- 9 *Коджаспирова Г.М.* Педагогическая антропология. М., 2005.

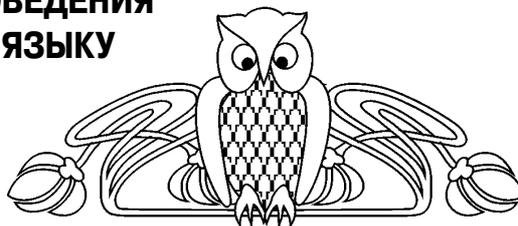

УДК 378

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

А.М. Шур

Саратовский государственный университет,
кафедра педагогики
E-mail: shur@renet.ru

В статье раскрывается сущность интеллектуальной игры и механизм ее использования при формировании толерантного коммуникативного поведения в процессе обучения иностранному языку. Автор описывает различные варианты интеллектуальных игр и их применение в процессе профессиональной подготовки будущих преподавателей иностранного языка, переводчиков и журналистов-международников.

Ключевые слова: процесс обучения иностранному языку, интеллектуальная игра, толерантное коммуникативное поведение.

Intellectual Game as an Instrument of Forming Tolerant Communication Behavior throughout the Process of Teaching a Foreign Language

A.M. Shur

The article considers the phenomenon of intellectual game and its usage for the purpose of forming tolerant communication behavior throughout the process of teaching a foreign language. The author describes different variants of intellectual games and their usage within forming tolerant communication behavior as the essential professional characteristic of future foreign language teachers, interpreters and international journalists.

Key words: process of teaching a foreign language, intellectual game, tolerant communication behavior.

ООН, ЮНЕСКО и другие международные организации в своих основополагающих документах рассматривают воспитание людей в духе мира и дружбы между народами как важнейшую цель системы воспитания и образования. Определение в основных международных правовых документах и в правовой системе многонационального федеративного государства такой общей цели воспитания само по себе имеет огромное значение, поскольку подразумевает соблюдение прав и свобод личности без каких бы то ни было различий в отношении расы, религии, языка и национальности.

Радикальные изменения в различных сферах современного общества привели к социальной нестабильности. Произошли значительные модификации и в построении образов представителей разных наций и этнических групп. Не последнюю роль в данных процессах играют миграция и увеличение числа политических, экономических и культурных контактов между членами различных этнических групп. Построение позитивных

отношений с представителями других этносов осуществляется на основе толерантности, понимания, уважения их взглядов и традиций. К сожалению, недостаток практики межкультурных и межэтнических контактов приводит к формированию негативных этнических стереотипов, что зачастую способствует возникновению и распространению агрессивности, жестокости и насилия по отношению к тем или иным этническим группам.

Идея толерантного коммуникативного поведения, формирование которого является одной из важнейших задач системы современного филологического и журналистского образования, получила большое распространение за последние десятилетия среди психологов, политиков, социологов и педагогов. Это напрямую связано с подготовкой будущих преподавателей иностранного языка, переводчиков и международных журналистов к межкультурному общению. Актуальность задачи обусловлена тем, что если собеседники выражают желание и готовность понять, бесконфликтно принять иную точку зрения, то будут легко прощены или не замечены их языковые и социокультурные ошибки. Напротив, интолерантное поведение может привести к возникновению барьеров во взаимопонимании и, следовательно, либо снизить эффективность иноязычного общения, либо служить причиной полного разрыва отношений. Толерантное коммуникативное поведение как целеориентированная деятельность, направленная на паритетный диалог, познание нового, «чужого», представляет собой личностное качество, необходимое для полноценного решения профессиональных задач преподавателей, переводчиков и журналистов.

В ходе иноязычного общения толерантное поведение выражается в следовании этическим нормам и проявлении таких качеств, как терпимость, эмпатия, доброжелательность, чуткость, доверие, тактичность, сочувствие, сопереживание, альтруизм, и предполагает стремление достичь взаимопонимания и согласования различных интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами диалога, убеждения и разъяснения.

Разработанная нами система формирования толерантного коммуникативного поведения состоит

из пяти компонентов: целевого, организационного, процессуального, диагностического и результативного. Процессуальный компонент, безусловно, имеет огромное значение, поскольку является совокупностью методов и средств формирования толерантного коммуникативного поведения. Мы полагаем, что интеллектуальная игра является одним из ключевых средств формирования толерантного коммуникативного поведения.

На первый взгляд, игра – слово однозначное, однако уже одно только многообразие энциклопедических определений обращает на себя внимание и требует тщательного анализа этого феномена для дальнейшего формулирования его роли в образовательном процессе. Выяснению сущности игры и точного смысла этого слова, как и самого понятия, скрываемого за ним, отведено значительное место в специальной литературе. Сложность вопроса, разнообразие мнений являются следствием того, что, по существу, нет такого действия человека, которое не рассматривалось бы в терминах игры. Практически все уровни бытия общества и человека охватываются игрой, ее логикой и философией. Игра становится и формой проведения досуга, и институтом творчества, служит самореализации личности и общению, является показателем цивилизационного и культурного развития. При этом чрезвычайно важным остается разрешение вопроса о том, что, как и почему описывается или называется игрой, и какое это имеет значение для человека, личности, участвующей в образовательном процессе. Исследуя суть определяемого понятия с точки зрения направленности и содержательной функции, словарь «Психология» формулирует ее следующим образом: «...игра – форма деятельности в условных ситуациях, направленной на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры. В игре, как особом исторически возникшем виде общественной практики, воспроизводятся нормы человеческой жизни и деятельности, подчинение которым обеспечивает познание и усвоение предметной и социальной действительности, интеллектуальное, эмоциональное, нравственное развитие личности»¹. Швейцарский психолог К. Гроос указал на то, что игра есть «предупражнение к деятельности». Анализируя отличие игры от серьезной деятельности, Гроос отмечал чувство свободы, которое отличает ее². Фундаментальные положения теории К. Грооса, указавшего на устремленность игры в будущее, предвидение ее использования в педагогических целях, имели прогрессивный характер, не потерявший научного значения до сих пор. Исследования игры, проведенные А. Адлером, показали возможность ее использования для адаптации, понимания, обучения и терапии. Ученым выделены восемь функций интеллектуальной игры:

- подражание;
- разыгрывание реальных жизненных ролей;
- отражение опыта индивида;

- выражение подавленных потребностей;
- выход «запрещенных побуждений»;
- обращение к ролям, помогающим расширить свое «Я»;
- отражение роста, развития, взросления индивида;
- разрешение в игре проблем³.

Игра, с одной стороны, дарит сиюминутную радость, служит удовлетворению актуальных потребностей, с другой – всегда направлена в будущее, так как в ней разрешаются какие-либо жизненные проблемы, закрепляются свойства, качества, состояния, умения, навыки, способности, необходимые личности для выполнения социальных и профессиональных функций. В данном случае речь пойдет о толерантном коммуникативном поведении, поскольку оно является важным профессиональным качеством преподавателей, переводчиков и журналистов-международников. «Универсальность возможностей игры проявляется в единстве умственного, духовного и практико-ориентированного отношения к миру. Иначе говоря, – в умении применять ценностно-осмысленные знания и представления о мире, человеке, окружающей среде, персонально выработанные убеждения и принципы при активном включении в реалии жизни и творческом самоутверждении, в межличностных отношениях и самоотношении личности»⁴.

Интеллектуальные игры можно разделить на два вида: викторины и стратегии. «Викторина – это форма интеллектуальной игры, где успех достигается за счет наибольшего количества правильных ответов»⁵. Тестовая викторина является простейшей формой интеллектуальной игры. Участники отвечают на поставленные вопросы и зарабатывают баллы. Существует множество способов применения этого вида деятельности на занятиях по иностранному языку. Автором данной статьи викторина использовалась в учебных целях (проверка уровня полученных знаний и навыков перевода) и в развивающих (формирование толерантного коммуникативного поведения). Студенты были разделены на две группы, каждой из которых было предложено следующее задание:

Определите основную идею каждой данной английской пословицы («Good fences make good neighbors», «It's better to give than to receive» и т.д.) и предложите русский эквивалент. Например: «When in Rome, do as the Romans do» (adaptability) – «Со своим уставом в чужой монастырь не суйся».

На начальном этапе каждая группа обсуждала само понятие пословицы и ее значение для национальной культуры и определения национальной идентичности. Затем студенты приступили к основной части и на конкурсной основе предлагали наиболее точный русский перевод каждой пословицы. Та группа, которая делала это быстрее, получала большее количество баллов и выиграла викторину. Заключительная часть викторины

включала в себя подведение итогов и сравнение результатов, полученных каждой группой.

Данная игра дает возможность не только развивать переводческие навыки, но также и формировать толерантное коммуникативное поведение, поскольку обсуждение вариантов ответов проходило в группах. При этом студенты обязаны оставаться вежливыми и не выходить за рамки приличий по отношению друг к другу. Кроме того, в каждой поговорке присутствует этнокультурный компонент, вокруг которого и выстраивается дискуссия. Такое смысловое ядро эмоционального и, что очень важно, бесконфликтного иноязычного общения дает толчок к отказу от ряда существующих стереотипов, изменению мировоззрения студентов и формированию устойчивого толерантного коммуникативного поведения.

Другим распространенным типом интеллектуальных игр являются стратегии, где успех достигается за счет наиболее верного планирования участниками своих действий. На занятиях по иностранному языку чаще всего используют ролевую стратегию, в которой путь к успеху лежит через наилучшее достижение целей, определяемых заданной игроку ролью. Ролевую стратегию принято понимать как «специально организованное соревнование в решении коммуникативных задач и имитации предметно-практических действий участников, исполняющих заданные роли в условиях вымышленной ситуации и регламентированное правилами игры»⁶. Ролевая стратегия является эффективным средством формирования толерантного коммуникативного поведения. Реакции и поступки игроков спонтанны, а потому могут считаться индикатором уровня сформированности толерантного коммуникативного поведения. Интересным примером такого задания может служить стратегия, направленная одновременно на изучение особенностей поведения представителей различных этнических групп США и разрешение конфликта. На начальном этапе участникам предлагаются две ситуации, характерные для среднестатистической американской семьи, а также описание типичных моделей поведения и воспитания детей в семьях белых американцев, афроамериканцев, азиатов и латиноамериканцев. Место действия первой сцены – магазин, где маленький ребенок просит купить ему шоколад, а мать должна отказать ему. Во второй ситуации дочь подросткового возраста отпрашивается у родителей на ночь к своей подруге. Такие исследователи, как Халгансет и Кашинберри указывают на то, что реакция родителей на поведение ребенка напрямую зависит от их принадлежности к той или иной этнической группе⁷. Например, американцы азиатского происхождения (в данном случае речь идет, в основном, об иммигрантах из Китая) в воспитании детей делают ставку на развитие у них чувства коллективизма и причастности к своей общине.

Латиноамериканцы стараются привить своим детям, в первую очередь, семейные ценности. Американцы европейского происхождения, общаясь с детьми, пытаются достичь компромисса, не подавляя их стремление стать более самостоятельными и независимыми. Афроамериканцы могут применять к детям самые строгие меры, вплоть до физического воздействия.

Во время основной части мероприятия студенты должны разыграть данные ситуации в соответствии с вышеуказанным описанием. Всего в игре принимали участие 12 студентов, которые были разделены на 4 группы (белые, афроамериканцы, азиаты и латиноамериканцы), каждая из которых должна была драматизировать предложенный сценарий. Импровизация со стороны участников в процессе игры поощрялась, но основной акцент делался на изображение типичных моделей поведения представителей различных этнических групп. Преподавателю очень важно обратить внимание учащихся на то, что описание данных моделей поведения дано не для того, чтобы дать толчок для формирования стереотипов относительно поведения представителей тех или иных этнических групп, а лишь как возможность поразмышлять над особенностями менталитета людей, принадлежащих к этим этническим группам.

Затем студенты могут выполнить дополнительное задание: спроецировать данные ситуации на российскую семью и предложить модель поведения российских родителей, опираясь на опыт своей собственной семьи. Варианты ответов студентов (12 человек – все представители русской национальности) выглядели следующим образом:

– 5 человек высказали идею о том, что поведение их родителей может соответствовать всем предложенным вариантам описания и варьироваться в зависимости от различных факторов (степень знакомства с подругой дочери, эмоциональный настрой и т.д.);

– 3 студента предположили, что их родители могут предложить им альтернативный вариант (младшему ребенку купить йогурт или фрукты вместо шоколада, а подругу дочери пригласить к себе домой), что соответствует модели поведения, характерной для белых американцев;

– 2 человека решили, что поведение их родителей, скорее всего, будет соответствовать «латиноамериканскому» сценарию (деньги лучше потратить не на шоколад, а на что-то более нужное для всей семьи; для ребенка семья должна стоять на первом месте, и поэтому он должен спать только в доме своей семьи);

– 1 студент заявил, что его родители склонны действовать в подобных ситуациях по «азиатскому» сценарию, т.е. обращать внимание ребенка на общественное мнение (самые типичные реплики в адрес детей: «Вокруг нас люди! Что они подумают? Что они скажут о нас?»);

– 1 студент намекнул на то, что его родители могли бы прибегнуть и к самым строгим мерам, включая физическое воздействие на ребенка, т.е. копировать модель поведения афроамериканских родителей.

После данного задания студенты сделали вывод о том, что принадлежность к той или иной этнической группе имеет огромное значение, но все же не является единственным фактором в процессе воспитания детей.

На заключительном этапе ролевая стратегия продолжается дискуссией, где на обсуждение выносятся проблемы воспитания детей в многонациональном государстве и в семьях, где родители являются представителями двух различных этнических групп. В данном случае студенты могли опираться на опыт своих друзей и знакомых, которые росли в подобных семьях. В процессе обсуждения студенты должны попытаться выработать оптимальное решение проблем, описанных в ситуациях.

Основной целью такого задания является знакомство учащихся с различными подходами к разрешению конфликта и поиском эффективных, убедительных и демократических методов управления развитием конфликта, которые уважают права человека в широком смысле этого слова, учитывают историю отдельных людей и положение сторон, вовлеченных в конфликт. Каждый студент должен выработать свой собственный подход к разрешению конфликта, в который он оказывается вовлеченным.

Таким образом, формирование толерантного коммуникативного поведения является процессом необратимым. «Если игры вообще являются средством развития человека, то интеллектуальные игры меняют человека как индивида, меняют его

как субъекта»⁸, меняют его мировоззрение и, как следствие, его поведение в будущей профессиональной деятельности. Конечно, нельзя привязывать процесс накопления изменений, ведущих к качественным перестройкам функционирования личности, только к обучению иностранному языку и получению филологического или журналистского образования. Следовательно, формирование толерантного коммуникативного поведения может быть процессом непрерывным и включать в себе такие средства, как интеллектуальная игра.

Примечания

- ¹ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 127–128.
- ² Гроос К. Душевная жизнь ребенка. Киев, 1916. С. 28.
- ³ Айзенк Г.Ю. Структура личности / Пер. с англ. СПб.; М., 1999. С. 111–112.
- ⁴ Мандель Б.Р. Игра как социокультурный феномен: исторический аспект // Социальные технологии, исследования. 2005. № 4. С. 24.
- ⁵ Ганичев Ю. Интеллектуальные игры: вопросы их классификации и разработки / Воспитание школьников. 2002. № 2. С. 31.
- ⁶ Куприянов Б.В., Миновская О.В. Ситуационно-ролевая игра как средство развития у подростков субъектности во взаимодействии / Под ред. И.И. Фришман. Кострома, 2002. С. 107.
- ⁷ Hulgunseth L., Cushinberry C. Race, Ethnicity and Parenting Styles // Points & Counterpoints. N.Y., 2003. P. 78–83.
- ⁸ Мандель Б.Р. Интеллектуальная игра: развитие профессионально значимых качеств студентов // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. (прил. к ж. «Педагогические науки»). С. 17

УДК 378

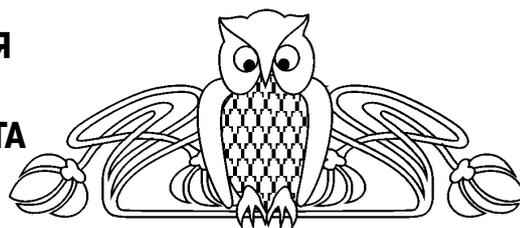
МОНИТОРИНГ ДИНАМИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ВЫПУСКНИКОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

В.Е. Щербаков

Саратовский юридический институт МВД РФ,
кафедра физической подготовки и спорта
E-mail: suimvd@overta.ru

В статье обобщен анализ процесса формирования профессионально-значимых качеств курсантов юридического института. Оценены эффективность предложенной педагогической системы, необходимость внедрения в педагогические исследования статистических методов доказательства достоверности полученных результатов.

Ключевые слова: профессионально-значимые качества, процесс формирования качества, методы доказательства достоверности результатов.

Monitoring the Dynamics of the Formation of Professionally Significant Traits of the Law Institute Graduates

V.E. Shcherbakov

A consecutive analysis of the process of formation of professionally significant traits of Law Institute students has been made. The efficiency of the proposed pedagogical system has been assessed. The necessity of introduction of statistic methods into pedagogical research to prove the validity of the obtained results is stated.

Key words: professionally significant traits, process of quality formation, methods to prove the validity of the results.

В условиях динамично развивающихся социальных преобразований, происходящих в нашей стране, особую значимость и актуальность приобретает проблема подготовки студентов (курсантов) вузов системы правоохранительных органов, в частности, юридических институтов.

Как показывает анализ истории развития широкого общества, на переломном этапе проявляется повышенная активность криминалитета, в связи с чем возрастает настоятельная необходимость усиления формирования у выпускников юридического института профессионально-значимых качеств.

Соответствующие практические действия были реализованы при разработке и внедрении в учебный процесс вуза педагогической системы¹, системообразующий фактор которой направлен на формирование профессионально-значимых качеств курсантов – будущих офицеров правоохранительных органов. Адекватно этой системе была выбрана и успешно внедрена в учебный процесс технология педагогического сопровождения курсантов на протяжении всего их обучения в вузе. Эта технология наиболее адекватна современной парадигме образования, поскольку направлена на формирование личности каждого курсанта, как того требуют директивные документы МВД РФ².

В качестве профессионально-значимых качеств можно рассматривать следующие:

- психическую устойчивость;
- организованность, самодисциплину, собранность;
- внимательность;
- чувство коллективизма, сплочённости, взаимопомощь;
- смелость, решительность;
- высокий уровень теоретических знаний, специальных умений и навыков;
- стремление к постоянному интеллектуальному и физическому совершенствованию (уровень мотивации учения и занятий физической подготовкой).

На каждом этапе подготовки курсанта проводился контроль уровня сформированности указанных качеств и анализировались тенденции их изменения для оперативного внесения их в функциональные компоненты педагогической системы и реализующей её направленность педагогической технологии с целью оптимизации процесса подготовки будущих офицеров в соответствии с социальным заказом общества.

В качестве метода научного исследования было выбрано анкетирование с последующим ранжированием полученных данных в контрольной и экспериментальной группах. Для повышения достоверности выводов в работе участвовало пять экспертов, оценки которых проверялись на степень их согласованности путём расчёта коэффициента конкордации³ с последующей оценкой его значимости статистическими методами. Было показано, что с высокой степенью достоверности

имела место неслучайная согласованность мнений экспертов.

Поскольку анализировалось семь профессионально-значимых качеств личности курсанта, а число полученных каждым из них баллов удобно оценивать от 1 до 10 в направлении возрастания качества полученных ответов, общая шкала оценок оказывалась 70-балльной.

Уровень сформированности профессионально-значимого качества курсанта определялся следующим образом:

- очень низкий уровень (7–15 баллов);
- низкий уровень (16–22 балла);
- уровень ниже среднего (23–29 баллов);
- средний уровень (30–40 баллов);
- уровень выше среднего (41–51 балл);
- высокий уровень (52–62 балла);
- очень высокий уровень (63–70 баллов).

Очевидно, дело не только в том, какой уровень сформированности качества личности будет достигнут, а в том, какова тенденция изменения этого уровня и является ли изменение этого уровня статистически значимым. Если нет, то проведённое педагогическое исследование по внедрению в учебный процесс той или иной педагогической системы недостоверно, т.е. даже полученный положительный результат носит случайный, а не закономерный характер.

Профили сформированности отдельных профессионально-значимых качеств курсантов на констатирующем этапе педагогического эксперимента представлены на рис. 1.

Отметим, что почти все качества оценены экспертами количеством баллов ниже 30, т.е. находятся на уровне ниже среднего: в экспериментальной группе он составил 25,59 балла, а в контрольной – 26,34 балла.

Несмотря на видимое различие в оценке экспертами обеих групп, с позиций статистического подхода они идентичны. Действительно, проведённый анализ на достоверность различий экспериментальной и контрольной групп показал, что на уровне значимости 0,05, что предполагает лишь 5% ошибку, различие групп статистически незначимо.

Тогда можно заключить, что дальнейшие изменения в уровнях сформированности профессионально-значимых качеств курсантов будут полностью определяться особенностями используемых в каждой из групп педагогических систем и реализующих их направленность педагогических технологий.

При работе с экспериментальной группой была высказана гипотеза о том, что ввиду особой значимости для курсантов вузов МВД физической подготовки она может выступить в качестве системообразующего фактора авторской педагогической системы, функциональные компоненты которой в наибольшей степени отвечали бы требованию формирования профессионально-значимых качеств офицера правоохранительных органов.

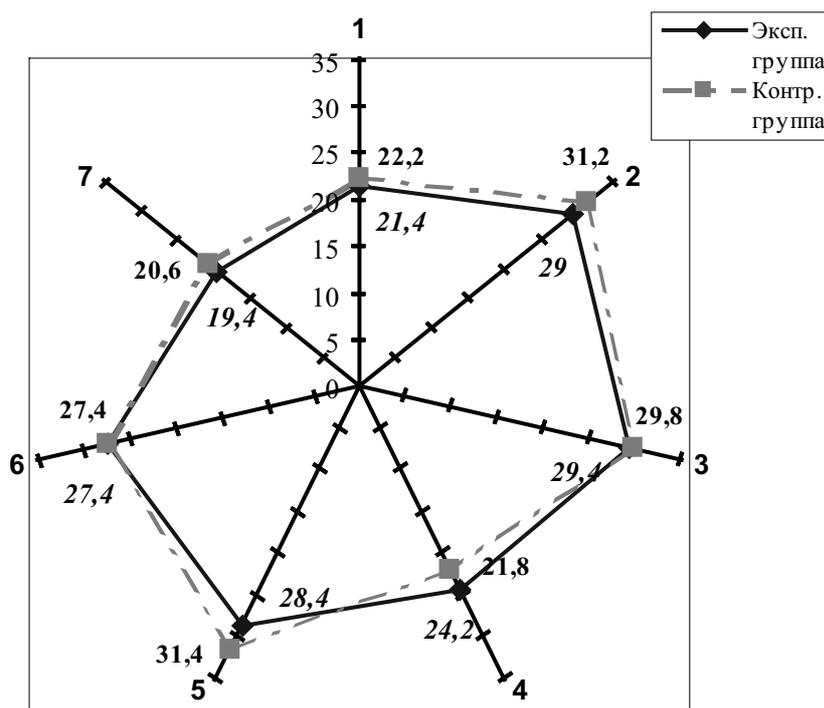

Рис.1

В экспериментальной группе в рамках внедрения личностно-ориентированной технологии педагогического сопровождения курсанта была проведена типологическая дифференциация самоотношения, основанная на содержании системы личностных смыслов, ценностных представлений и уровня их выраженности. Это позволило проанализировать обобщённые профили самоотношения, психологическая интерпретация которых по группам испытуемых показала их качественную неоднородность, и предопределило возможность выделения групп курсантов как типологически различных вариантов в структуре самоотношения. Была исследована представленность выделенных типологических структур эмоционально-ценностного отношения личности к себе в различных категориях образов «Я»: «Я – реальное», «Я – возможное», «Я – идеальное».

В экспериментальной группе на основе знания личностных особенностей курсантов создавалась и постоянно поддерживалась обстановка эмоционального накала и удовлетворения, что резко активизировало мотивацию не только занятий физической подготовкой, но, как было отмечено, и всеми другими предметами учебного цикла (мотивация учения). Важно, что у курсантов было замечено появление рефлексии, обеспечивающей адекватную оценку результатов своей деятельности. Курсанты стали активнее включаться в учебный процесс, оказались более внимательными, психологически устойчивыми, а личные цели каждого в значительно большей степени коррелировали с целями всей учебной

группы. Это отмечали все преподаватели, работавшие в экспериментальной группе.

В обстановке эмоциональной насыщенности учебных занятий, их разнообразия и неожиданных методических приёмов работы в группе формировалось чувство общности целей и задач преподавателей и курсантов, существенно расширяющее познавательные возможности курсантов.

Результаты работы по технологии педагогического сопровождения сказались на показателях сформированности профессионально-значимых качеств курсантов, которые в экспериментальной группе на заключительном этапе педагогического эксперимента существенно выше, чем в контрольной группе (рис. 2).

Средний уровень сформированности профессионально-значимых качеств курсантов экспериментальной группы составил 41,45 балла, что соответствует уровню выше среднего, а в контрольной группе – 32,2 балла, т.е. уровню, лишь немного превышающему нижнюю границу среднего уровня.

В экспериментальной группе существенно изменилась мотивационная ситуация: суммарный рост положительных мотивов учения (социально-значимого, познавательного, профессионально-ценностного, эстетического и коммуникативного) составил почти 19%, в то время как уровень негативных мотивов (узко-меркантильный, статусно-позиционный, утилитарно-практический) снизился на 16 %.

Достоверность исследований при высокой величине коэффициента значимости (0,05) подтверждается высокой степенью согласованности

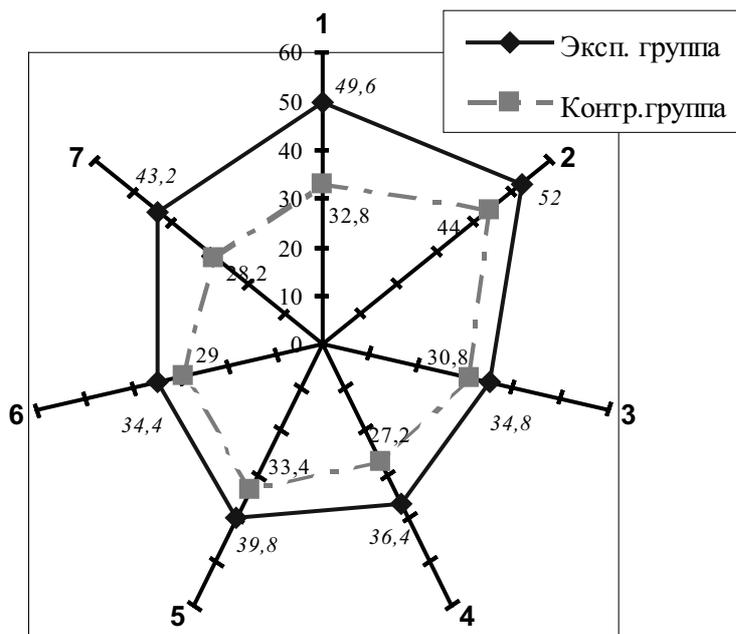

Рис.2

мнений экспертов: для контрольной группы коэффициент конкордации составил 0,47, а для экспериментальной 0,526. Поэтому мнения экспертов считаются согласованными, и эта согласованность неслучайна.

Для полноты анализа педагогического эксперимента и мониторинга процесса формирования профессионально-значимых качеств курсантов было проведено исследование на достоверность различий групп на заключительном этапе педагогического эксперимента. Произшедшие в экспериментальной группе изменения также

статистически значимы, хотя в контрольной также наблюдаются положительные тенденции.

Указанные обстоятельства позволяют заключить, что использованная в экспериментальной группе педагогическая система и реализующая её лично-ориентированная технология педагогического сопровождения значительно эффективнее традиционной, в соответствии с которой проводилось обучение в контрольной группе.

Эффективность предложенной педагогической системы можно оценить коэффициентом:

$$K_{эфф} = \frac{\frac{\text{Уровень сформиров. проф. знач. кач. в конце пед. экспер. в эксп. группе}}{\text{Уровень сформиров. проф. знач. кач. в начале пед. экспер. в эксп. группе}}}{\frac{\text{Уровень сформиров. проф. знач. кач. в конце пед. экспер. в контр. группе}}{\text{Уровень сформиров. проф. знач. кач. в начале пед. экспер. в контр. группе}}}$$

Расчёты показывают, что для экспериментальной группы $K_{эфф}=1,32$, т.е. эффективность авторской педагогической системы на 32%, выше, чем используемой традиционно.

Можно прибегнуть и к другой оценке:

$K_{1эфф} = \frac{K_3 + \Delta K_{эк}}{K_к}$, где K_3 и $K_к$ – уровни сформированности профессионально-значимых качеств в конце педагогического эксперимента в экспериментальной и контрольной группах, а $\Delta K_{эк}$ – раз-

ница этих показателей в его начале. Такая оценка даёт близкий результат $K_{1эфф}=1,29$.

Примечания

- 1 Андреев В.И. Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Казань, 1996.
- 2 Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел: Приказ МВД России № 412. М., 1996.
- 3 Кендалл М. Дж., Стюарт А. Статистические выводы и связи / Пер. с англ. М., 1973.

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу **«Философские проблемы социально-гуманитарных наук»** учебно-методическое пособие к экзамену канд. минимума «История и философия науки» для аспирантов и соискателей гуманитар. фак. / А.Л. Стризов, С.Э. Крапивенский, Н.В. Омельченко и др. ГОУ ВПО «ВолГУ». – 2-е изд., испр. и доп. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008.

После введения новых программ для сдачи аспирантами и соискателями кандидатских экзаменов по истории и философии науки появилась достаточно новая учебно-методическая литература, посвященная этой проблематике. Она в основном касалась проблем естествознания и технических наук, которые были хорошо разработаны в отечественной литературе. «Белым пятном» оставалась разработка проблем социально-гуманитарного знания. В этом отношении появление рецензируемой книги (уже во втором издании) весьма необходимо и своевременно.

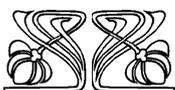
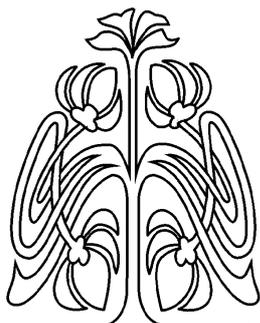
Долгое время в отечественной философской науке исследовались проблемы методологии естественных (главным образом физических и математических) наук. Это было объяснимо тем, что в социально-гуманитарной области господствовала марксистская идеология, которая задавала жесткие стандарты формационного видения общества и его эволюции. Именно поэтому проблематика социально-гуманитарного знания оказывалась недостаточно освещенной в учебных пособиях. Опыт разработки проблем этой области в философии XX в. был накоплен значительный, и он удачно используется авторами рецензируемой книги, которые известны не только в России, но и в мире как исследователи, внесшие важный вклад в разработку отмеченных проблем.

Перед ними стояла непростая задача: реализовать учебное пособие для аспирантов и соискателей, которое определяется известной Программой, и в то же время выйти содержательно на какие-то новые горизонты. Полагаю, что эта задача в целом удачно решена. Учебное пособие хорошо структурировано, о чем свидетельствует оригинальное название предложенных тем. При этом обращает на себя внимание, что выделенные авторами темы расширяют горизонт социально-гуманитарного познания, важный для молодых исследователей, вступающих в науку. Каждая из тем не только снабжена четко сформулированными вопросами, изложение содержания их содержит также краткие методические рекомендации, а также списки литературы, что отвечает жанру учебно-методического пособия.

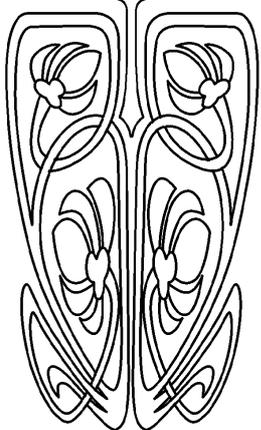
Учебно-методическое пособие направлено на то, чтобы ориентировать молодых исследователей на осмысление важнейших философских проблем социального и гуманитарного познания, что, на наш взгляд, является существенным компонентом подготовки молодых исследователей. Профессором С.Э. Крапивенским обозначены философские подходы к социально-гуманитарному познанию, которые определяют всю остальную структуру учебного пособия. Профессор С.Б. Токарева очень четко описала специфику объекта и предмета социального познания, а также субъекта познания в области гуманитарных наук. Это важно для молодых исследователей с точки зрения осознания ясной формулировки той проблематики, которую они собираются исследовать.

Хотелось бы специально отметить темы учебного пособия, написанные проф. Н.В. Омельченко, А.Л. Стризов, авторитетными исследователями в соответствующих областях проблем.

Обращает на себя внимание, что авторы не просто квалифицированно излагают существующие концепции и точки зрения на социально-гуманитарные проблемы, они стремятся привить молодому исследователю вкус к подлинно человеческому. Вот пример из раздела, написанного проф. Н.В. Омельченко. В теме 4, где речь идет о природе ценностей, рассматриваются различные подходы к этой проблематике. И в то же время автор ставит вопрос об идее свободы, которая представлена разными

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

мыслителями по-разному и отмечает, что она будет иметь место только в том случае «если о ней будет говорить человек, который мечтает о свободе. Свободу нужно любить. Свободу следует желать. Перед свободой должно трепетать. Свободой пристало по праву наслаждаться» (с. 49). После таких слов у аспиранта и соискателя рождается иное *отношение* к возможностям решения «вечной» философской проблемы свободы.

Вот ещё блестящий пассаж в связи с обсуждением проблем гуманизма в воззрениях ряда исследователей. Отрицание сочувствия, пишет автор, и тенденция к произволу являются корнями необъективности. В социально-гуманитарном познании объективность имеет, несомненно, иное значение, чем в естественнонаучном, особенно в классическом научном познании, стремящемся отстраниться от нравственных и гуманистических проблем. В познании XX в. это стало одной из ключевых проблем в связи с теми перипетиями, которые пережило человечество. Есть сочувствующая объективность, которая достигает своего апогея в личной любви, в то время как необъективность – в ненависти. «Ненавидящий именно не хочет, чтобы встреченное им существо реализовало свое бытие и смысл. Он, наоборот, стремится найти в нем недостатки, а если и замечает достоинства, то лишь для того, чтобы истолковать их в отрицательном смысле и, таким образом, увидеть их уничтоженными; уничтожение другого доставляет ненавидящему противоестественное с гуманистической точки зрения удовлетворение» (с. 51). Это совершенно определенно ориентирует молодого исследователя в проводимых им настоящих и будущих исследованиях, что отвечает изменяющемуся облику науки в новом веке. Именно подобное изложение не только соответствует происходящей гуманитаризации науки, но и с положительной стороны оттеняет достоинства рецензируемого учебно-методического пособия.

Удачно написан раздел, касающийся специфики категорий пространства и времени в гуманитарном познании. Названная проблематика недостаточно освещена в имеющейся учебной литературе. Следует отметить, что автор раздела доктор философских наук В.А. Храпова четко и кратко изложила имеющиеся на сегодняшний день результаты по изучению этих важных философских категорий именно в гуманитарном аспекте.

Учебно-методическое пособие отличается ориентацией на проблематику ценностей, жизни и коммуникации, что, несомненно, является его достоинством.

Проблемы коммуникации в современном социально-гуманитарном познании приобрели особую актуальность. Профессор А.Л. Стризов справедливо отмечает, что коммуникация ученых-обществоведов в настоящее время обеспечивается тремя основными функциями: 1) социализацией молодых ученых, усвоением и передачей накопленного исследовательского опыта, норм

и этических ценностей научного сообщества; 2) применением определенного научного языка; 3) оформлении полученного знания в виде текста. Эти функции и представляют собой конкретное бытие научного диалога, без которого существование никакой науки просто невозможно (с. 88). Далее в этом разделе дано подробное разъяснение данных функций, что является хорошим подспорьем для молодых исследователей. Хочется обратить внимание на особенности диалога с научным руководителем, которые играют важную роль в формировании исследователя.

В изложении вопросов проблем истинности, рациональности в социально-гуманитарных науках профессор А.Л. Стризов развивает и конкретизирует ранее зафиксированные положения. Можно пожелать автору обратить большее внимание на разработку данной проблематики в русской философии. В последнем разделе учебно-методического пособия (тема 13) он говорит о становлении «общества знания», то есть «современной социальной организации, которая функционирует на основе знания и сама участвует в его производстве» (с. 169). При этом он ссылается на американского социолога Роберта Е. Лейна, который ввел термин «общество знания», но ничего не говорит о концепции ноосферы В.И. Вернадского, который разработал ее задолго до Лейна, предвосхитив, по сути дела, роль науки в современном обществе. В учебно-методическом пособии отражены в основном работы современных отечественных исследователей, поэтому можно пожелать авторам обратить внимание и на исследования русских философов «серебряного века».

Рецензируемое учебное пособие отличается и удачный подбор текстов, собранных авторами в «Хрестоматии». Здесь, на наш взгляд, представлены наиболее важные работы выдающихся мыслителей XX века, внесших заметный вклад в разработку проблем социальной философии и, к сожалению, не всегда доступных аспирантам и соискателям. А ведь изучение текстов первоисточников является важной составляющей частью освоения курса истории и методологии науки.

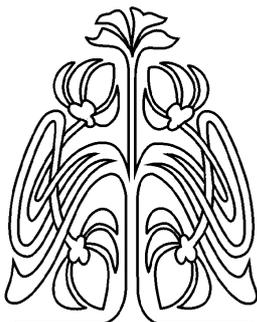
Приятно отметить и то, что в «Приложении» к рецензируемой книге опубликована работа С.Э. Крапивенского о социокультурной проблематике исторического процесса. Это дань ученому, который на протяжении всей своей жизни показывал образ не просто квалифицированного и бескорыстного ученого, но и того человека, который воспитал немало учеников и последователей.

В целом следует положительно оценить рецензируемое учебно-методическое пособие, которое отвечает основным требованиям Программы к экзамену кандидатского минимума «История и философия науки» для аспирантов и соискателей гуманитарных специальностей.

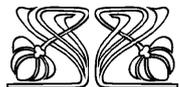
В.Н. Гасилин

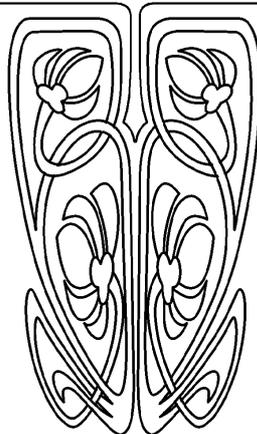
ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НЕОКАНТИАНСТВО НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ: ОТ ЛОГИКИ ПОЗНАНИЯ К «СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ»» (Москва, 2008)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Факультет философии и психологии СГУ выступил одним из организаторов международной научной конференции «Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к «социальной педагогике»», которая проходила в Москве с 28 мая по 1 июня 2008г. Кроме нашего факультета организаторами стали также кафедра философии Московского государственного педагогического университета, редакция научно-теоретического журнала «Вопросы философии», Российско-немецкий дом в Москве и кафедра истории философии университета им. Мартина Лютера Галле – Виттенберг. Финансовую поддержку в проведении конференции оказали Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG). В начале работы конференции было оглашено несколько приветствий, в том числе и ректора Саратовского госуниверситета проф. Л.Ю. Коссовича. В нем он выразил удовлетворение тем, что в Саратовском университете возрождаются традиции неокантианских штудий, которые были заложены в 20-х гг. прошлого столетия одним из учеников марбургских корифеев Г. Когена и П. Наторпа В. Сеземаном в бытность его работы на кафедре философии университета.

Одним из примечательных моментов международной конференции стало участие в ней сразу трех аспирантов проф. В.Н. Белова, работающих по тематике неокантианских исследований. Причем приехали на конференцию они из разных городов: Е. Мурадова – из Санкт-Петербурга, О. Попова – из Турина, где она проходит полугодовую стажировку, К. Миклуш – из Саратова.

Все выступления можно условно сгруппировать вокруг четырех основных тем. Истории русского неокантианства были посвящены доклады М. Джованелли (Турин/Тюбинген), Н. Дмитриевой (Москва), Е. Мурадовой (С.-Петербург), В. Брюшинкина и В. Поповой (Калининград), К. Миклуша (Саратов), К. Фараджева (Бохум), А. Круглова (Москва), О. Поповой (Саратов). В качестве одной из специфических черт русского неокантианства, ввиду особой исторической и философской ситуации в России начала XX века, была отмечена недифференцированность его представителей на школы: марбургскую и баденскую.

Взаимосвязь немецкого и русского неокантианства стала основной темой докладов М. Феррари (Турин), Ю. Штольценберга (Галле), В. Белова (Саратов), Д. Стейлы (Турин), Ю. Муравьева (Москва), В. Махлина (Москва), М. Соболевой (Марбург), Н. Плотникова (Бохум).

Трансформациям кантовской критической философии в немецком неокантианстве были посвящены выступления Х. Хольцхай (Цюрих), Л. Калининкова (Калининград), Т. Длугач (Москва), П. Фьорато (Сасари).

Особо острую дискуссию вызвало выступление Л. Калининкова. В ней приняли участие Х. Хольцхай, президент Когеновского общества, Э. Орт, К. Крайнен и Н. Мотрошилова. Основная мысль этого выступления заключалась в том, что неокантианство исказило главные интенции кантовской философии и развивало трансцендентальную философию вовсе не согласно Канту, но в том направлении, что и Фихте. Поэтому правильнее было бы неокантианство назвать неофихтеанством. При

этом Калинин сослался на оценку самого Канта проекта наукоучения Фихте как чистой логики, которая никогда не достигает предмета познания, что находится в противоречии с задачами и целями критической философии. Тенденция ограничиться мышлением характерна и неокантианству, чем, по мнению Л. Калиникова, подтверждается его оценка неокантианства как неофихтеанства. Он обращается также к опыту кантоведения, которое доказало одну несомненную истину: если исследователь упирается в какое-то кантовское противоречие, ему следует обратиться к своим рассуждениям и открыть противоречие там. Главной ошибкой неокантианства отечественный кантовед считает его стремление исправить кантовский дуализм; монизм неокантианской философской системы не исправляет Канта, но полностью его извращает – делает он вывод. Превращение знаменитой «вещи в себе» из аффицирующего предмета в трансцендентальный идеал, задачу есть разрыв с трансцендентальной эстетикой, основополагающее значение которой для кантовского трансцендентализма абсолютно. Другой «роковой» ошибкой неокантианства, по мнению Калиникова, стало отождествление ими мышления и познания, тогда как у Канта они имеют четкую дифференцированность. Познаваемый предмет, таким образом, становится подчиненным трансцендентальному субъекту, и человек, прежде всего как существо деятельное, творческое у Канта, превращается в существо мыслящее – у неокантианцев.

Главными возражениями принявших участие в дискуссии стали заявления по поводу того, что для адекватного восприятия неокантианского проекта трансцендентальной философии важно принимать во внимание исторический контекст,

который включает в себя критику Канта со стороны послекантовского идеализма. Кроме того, основного докладчика попросили уточнить его представление об «аутентичном Канте».

Согласившись с общей установкой в изучении философии Канта, которое должно учитывать изменяющуюся историческую и философскую ситуацию, Калинин, тем не менее, отстаивал свой тезис о существовании аутентичной рецепции кантовского трансцендентализма. В качестве возможного образца таковой он посоветовал обратиться к материалам двух-трех последних кантовских конгрессов, чтобы синтетической рефлексией воспроизвести как раз исторически аутентичного Канта.

Немецкое неокантианство в основном марбургской школы и его европейское значение было проанализировано в выступлениях Н. Мотрошиловой (Москва), Э. Орта (Трир), К. Крайна (Амстердам), В. Семенова (Владимир), П. Пружинина (Москва), А. Фролова (Москва), З. Сокулер (Москва), Р. Шиндлер (Берлин), Д. Адельмана (Бонн), Т. Акиндиновой (С.-Петербург), А. Помы (Турин).

Кроме выступлений и дискуссий для участников и гостей конференции была предусмотрена и культурная программа, включившая в себя обзорную экскурсию по Москве и небольшой камерный концерт, на котором прозвучали музыкальные произведения немецкого и русского неокантианца Пауля Наторпа и Бориса Пастернака.

Предполагается издание материалов конференции на немецком и русском языках в издательствах «Königshausen & Neumann» (Вюрцбург) и «РОССПЭН» (Москва).

Проф. В.Н. Белов